

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

КАРЛ
ЯСПЕРС

ОБЩАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Карл Ясперс

Общая психопатология

«Азбука-Аттикус»

1913-1959

УДК 159.9+616.8
ББК 88+56

Ясперс К.

Общая психопатология / К. Ясперс — «Азбука-Аттикус»,
1913-1959

ISBN 978-5-389-17813-7

Карл Ясперс (1883–1969) прославился в первую очередь как философ, один из основоположников экзистенциализма, чье влияние отмечали Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Ханна Арендт. Однако Ясперс был не только философом, но и врачом-психиатром, и выросшая из его докторской диссертации «Общая психопатология» – результат нескольких лет работы в психиатрической больнице. Ясперс был глубоко не удовлетворен существовавшими в его время подходами к изучению и лечению душевных болезней, он считал, что эта отрасль медицины находится в глубоком кризисе, и поставил себе амбициозную задачу разработать новые научные основания для психиатрии. Фактически он создал философию психиатрии, разработал новый язык и категориальный аппарат для описания и классификации психических расстройств. Первое издание «Общей психопатологии» вышло в 1913 году, когда Ясперсу было 30 лет; книга стала делом его жизни, при каждом переиздании он перерабатывал и расширял ее – вплоть до 1959 года, когда вышло 7-е издание. Это классика психиатрической литературы, настольная книга психиатров, которая, даже несмотря на интенсивное развитие наук о человеческом мозге и психике в последние десятилетия, остается незаменимой. Принятые сегодня диагностические критерии, как и классификация психических расстройств, по-прежнему основываются на идеях и методах, изложенных в этой работе. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9+616.8
ББК 88+56

ISBN 978-5-389-17813-7

© Ясперс К., 1913-1959

© Азбука-Аттикус, 1913-1959

Содержание

Предисловие к первому изданию	8
Из предисловий ко второму и третьему изданиям	9
Предисловие к четвертому изданию	10
Предисловие к седьмому изданию	11
Сокращенные названия журналов	12
Введение	13
§ 1. Чем занимается общая психопатология	14
(а) Психиатрия как клиническая дисциплина и психопатология как наука	14
(б) Психопатология и психология	15
(в) Психопатология и соматическая медицина	16
(г) Методология; роль философии	17
§ 2. Некоторые фундаментальные понятия	19
(а) Человек и животное	19
(б) Объективные проявления психической жизни	21
(в) Сознание и бессознательное	22
(г) Внешний мир и окружающий мир	24
(д) Дифференциация психической жизни	25
(е) Резюме	28
§ 3. Предрассудки и предпосылки	29
(а) Предрассудки	29
(б) Предпосылки	33
§ 4. Методы	36
(а) Технические методы	36
(б) Конкретно-логические методы постижения и исследования	38
(в) Неизбежность формально-логических ошибок и их преодоление в процессе исследования	44
(г) Зависимость психопатологических методов от других наук	49
(д) Требования к методам: методологическая критика и дезориентирующие подходы	50
§ 5. Задачи общей психопатологии: краткий обзор настоящей книги	53
(а) Догматика бытия и методологическое сознание	56
(б) Методологическая строгость как принцип классификации	58
(в) Идея целого	59
(г) Объективное значение используемых классификаций	59
(д) Общий план книги	60
(е) Пояснения к плану книги	61
(ж) Технические принципы изложения материала	63
(з) Психопатология и культура	65
Часть I	66
Введение	66
Глава 1	68

Раздел 1	70
(а) Выделение отдельных феноменов из общего контекста психической жизни	70
(б) Форма и содержание феноменов	71
(в) Переходы между феноменами	72
(г) Классификация групп феноменов	72
§ 1. Осознание объективной действительности (предметное сознание, Gegenstandsbewußtsein)	73
§ 2. Переживание пространства и времени	92
§ 3. Осознание собственного тела	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Карл Ясперс

Общая психопатология

...Нам приходится сталкиваться с бесчисленными обобщениями самого расплывчатого характера. Я попытался их по возможности прояснить.

Карл Ясперс

Karl Jaspers

ALLGEMEINE PSYCHOPATHOLOGIE

Впервые опубликовано в Германии. Это издание переведено и опубликовано по лицензии издательства Springer-Verlag GmbH, DE, входящего в состав группы Springer Nature.

Издательство Springer-Verlag GmbH, DE, входящее в состав группы Springer Nature, не несет и не может быть привлечено к ответственности за точность перевода.

© Springer-Verlag GmbH Deutschland, 1973

© Акопян Л. О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

КоЛибри ®

Предисловие к первому изданию

Эта книга – обзор общей психопатологии как целостной области науки со своим набором фактов и точек зрения. Кроме того, она может служить введением в существующую литературу.

Моя задача состояла не в изложении догм, а в том, чтобы представить проблемы, способы постановки вопросов, методы; я не столько разрабатывал теоретически обоснованную систему, сколько стремился к методологическому порядку.

В психопатологии существует целый ряд подходов, множество одинаково правомерных, но никак не соприкасающихся друг с другом путей. Я видел свою цель в разделении этих подходов, в их точной дифференциации; я стремился систематизировать все эмпирически обоснованные направления, все области, представляющие интерес для психопатологии. Я заинтересован в том, чтобы в поле зрения читателя оказалась, по возможности, психопатология в целом, а не просто отдельные частные мнения, школы или модные течения.

Во многих областях психопатологии исследования все еще находятся на уровне констатаций и не вышли за рамки накопления не связанных друг с другом фактических данных; часто исследователи лишь нащупывают пути для продвижения вперед. Поэтому в процессе обучения опасно ограничиваться одним лишь материалом; прежде всего необходимо овладеть психопатологическим образом мышления, научиться наблюдать, задавать вопросы, анализировать с тех позиций, которые характерны именно для психопатологии. Моя задача заключалась в том, чтобы помочь студентам упорядочить свои знания, дать им точку опоры, которая позволила бы верно оценить новые, не наблюдавшиеся прежде феномены и найти должное место для всякого нового знания.

Карл Ясперс

Гейдельберг, апрель 1913

Из предисловий ко второму и третьему изданиям

...Нам приходится сталкиваться с бесчисленными обобщениями самого расплывчатого характера. Я попытался их по возможности прояснить. Но глубинные тенденции, которые нередко находят свое выражение в таких обобщениях, не должны просто отбрасываться в сторону и в тех случаях, когда полной ясности достичь не удастся.

...Врачи часто высказывались в том духе, что эта книга слишком сложна для студентов, ибо в ней речь идет также и о высших, самых сложных вопросах. Я, со своей стороны, утверждаю, что науку можно охватить и постичь только полностью, то есть вместе с ее центральными проблемами. Я считаю абсолютно недопустимым ориентироваться на низшие уровни понимания. Напротив, рассчитывать нужно на лучших студентов, интересующихся предметом ради него самого, – даже если такие студенты составляют меньшинство. Задача преподавателя – сделать из студентов настоящих ученых. Но этому препятствуют всякого рода компилятивные пособия, сообщающие студенту отдельные чисто внешние, не приведенные в систему сведения, которые будто бы имеют «практическую ценность»; нередко такое мнимое знание оказывается для практики более опасным, нежели абсолютное незнание. Демонстрация одного только «фасада» науки совершенно бесполезна. В наше время образование и духовность пребывают в упадке; именно поэтому любые компромиссы с нашей стороны недопустимы. Этой книге удалось найти путь к студентам; и у меня есть основания полагать, что она еще долго будет оставаться в их обиходе.

...Книга сохраняет свой преимущественно методологический характер. Учиться необходимо в атмосфере дискуссий на психопатологические темы. Необходимо осознать смысл и пределы достигнутого знания; необходимо знать, какими средствами это знание было достигнуто и на чем оно основывается. Знание – это не гладкая поверхность, состоящая из одних только абсолютных и равноценных истин; это структурированная иерархия, составные части которой различны по своей значимости...

Предисловие к четвертому изданию

Основная идея этой книги не претерпела никаких изменений. Но теперь она изложена совершенно по-новому. Это обусловлено как большим объемом исследований, осуществленных в психопатологии за последние два десятилетия, так и углублением моего собственного фундаментального знания.

Перед этой книгой стояла высокая цель. Она писалась ради того, чтобы удовлетворить потребность в универсальном источнике знаний по психопатологии. Она была призвана служить врачам и всем тем, кто по роду своих занятий имеет дело с человеком.

Задача заключалась в том, чтобы освоить исследовательский материал, свести его в целостную картину и представить в наглядной форме. Весь комплекс знаний о больной человеческой душе – знаний, которым мы обязаны прежде всего психиатрам, а также терапевтам, психологам, психотерапевтам и, наконец, биологам и философам, – следовало тщательно и глубоко продумать и свести воедино, в иерархию, структурированную сообразно действительности; это могло быть достигнуто только при условии полной методологической ясности. Задача, о которой идет речь, всякий раз должна осуществляться по-новому; в полной мере она неосуществима вообще. Надеюсь, что настоящее издание в этом отношении превосходит все предыдущие.

Я приношу благодарность профессору Курту Шнайдеру из Мюнхена. Он помог мне своей острой критикой и ценными рекомендациями; более того, он поддержал меня своим доброжелательным, одобрительным отношением к моему труду.

Я благодарю профессора Элькерса из Фрейбурга: беседы с ним помогли мне прояснить многие вопросы биологического характера. Он просмотрел всю главу о наследственности и внес в нее свои поправки.

Я благодарю своего издателя, доктора Фердинанда Шпрингера. Весной 1941 года он выразил желание, чтобы я переработал книгу, которую он, вместе с Вильмансом, побудил меня написать тридцать лет тому назад. Он не ограничивал меня ни в объеме, ни во времени; его великодушное предложение послужило для меня решающим импульсом. Поначалу я решил было ограничиться простой переработкой текста; но затем я понял, что необходимо существенно перестроить целое.

Профессор Карл Шнайдер позволил мне свободно пользоваться библиотекой Гейдельбергской психоневрологической клиники и с готовностью шел навстречу всем моим требованиям; за это я приношу ему особую благодарность.

Карл Ясперс

Гейдельберг, июль 1942

Книга, завершенная в июле 1942 года, тогда не вышла в свет. Настоящее издание воспроизводит ее без изменений и исправлений.

Карл Ясперс

Гейдельберг, март 1946

Предисловие к седьмому изданию

Я писал эту книгу в бытность мою сотрудником Гейдельбергской клиники. Под руководством Ниссля в клинике сложилась группа, состоявшая из Вильманса, Груле, Ветцеля, Гомбургера, Майер-Гросса и других; исследования этих ученых отличались живостью и актуальностью (их краткое изложение см. в моей книге «Философия и мир» [*Philosophie und Welt*], 1958, с. 286–292. О Франце Ниссле см. прекрасную статью Гуго Шпатца [H. Spatz] в книге: *Grossen Nervenartzen*, Bd. II, 1959, herausgeg. von Kurt Kolle). В кружке Ниссля, наряду с исследованиями мозга (вокруг которых разгорались бурные споры), развивались феноменология и понимающая психология; параллельно конкретным достижениям приходило методическое осознание этих областей науки. Ныне понимающая психология, питающаяся из других – в том числе и достаточно мутных – источников, стала, несомненно, одной из неотъемлемых частей психиатрии. И все же, когда мою книгу относят к феноменологическому направлению или к понимающей психологии, это справедливо лишь наполовину. Моя книга шире отдельных направлений: она разъясняет методы, подходы, исследовательские направления психиатрии вообще. Вся совокупность опытного знания подверглась в ней всестороннему методологическому осмыслению и представлена в систематической форме.

Говорить о переработке этой книги на основе результатов психиатрических исследований последних двух десятилетий можно было бы только в том случае, если бы я некоторое время провел в клинике в качестве наблюдателя и, соответственно, имел возможность освежить и расширить собственный опыт. Но ныне мне это уже недоступно. Тем не менее моя книга, судя по тому, насколько быстро она расходится, все еще не устарела. Она требует значительного расширения в том, что касается материала исследований, особенно по головному мозгу и соматической медицине. Впрочем, включение нового материала никоим образом не затронуло бы моих методологических принципов. Несомненно, сегодня можно было бы написать лучшую книгу также и в методическом смысле, но это задача для более молодого ученого – того, кто сумеет критически усвоить и расширить достигнутое здесь понимание методов и, возможно, по-новому взглянуть на их совокупность. Я с радостью приветствовал бы появление такой книги. Пока же этот мой давний труд остается подходящим руководством для врача, желающего освоить психопатологический образ мышления.

Карл Ясперс Базель, май 1959

Сокращенные названия журналов

Arch. Psychiatr. (D.)	Archiv für Psychiatrie
Arch. Psychol. (D.)	Archiv für die gesamte Psychologie
Allg. Z. Psychiatr.	Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie
Dtsch. med. Wschr.	Deutsche Medizinische Wochenschrift
Dtsch. Z. Nervenhk.	Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde
Fschr. Neur.	Fortschritte der Neurologie, Psychiatrie und ihrer Grenzgebiete
Jb. Psychiatr. (Ö.)	Jahrbücher für Psychiatrie und Neurologie
J. Psychiatr.	Journal für Psychiatrie und Neurologie
Mschr. Kriminalbiol. usw.	Monatsschrift für Kriminalbiologie (früher Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform)
Mschr. Psychiatr.	Monatsschrift für Psychiatrie
Münch. med. Wschr.	Münchner Medizinische Wochenschrift
Neur. Zbl.	Neurologisches Zentralblatt
Psychiatr.-neur. Wschr.	Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift
Z. angew. Psychol.	Zeitschrift für angewandte Psychologie und Charakterkunde
Z. Neur.	Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie
Zbl. Neur.	Zentralblatt für die gesamte Neurologie und Psychiatrie
Zbl. Nervenhk. usw.	Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie
Zbl. Psychother.	Zentralblatt für Psychotherapie

Введение

Цель настоящего введения – напомнить читателю о том, насколько обширна, если не сказать безгранична область, в которой приходится действовать нашей науке – *психопатологии*. В этих предварительных замечаниях мы не закладываем никаких основ; все фундаментальные положения будут рассмотрены в основном тексте книги. Здесь мы обсудим только формы человеческого опыта и суть общей психопатологии.

§ 1. Чем занимается общая психопатология

(а) Психиатрия как клиническая дисциплина и психопатология как наука

Психиатр как практик имеет дело с индивидами, с целостными человеческими существами. Эти индивиды могут быть больными, которых он лечит или наблюдает. Он может свидетельствовать о них перед лицом судебных или других официальных инстанций, высказывать свое мнение о них историкам или просто беседовать с ними в своем кабинете. Каждый случай неповторим, но, чтобы разобраться в нем, психиатр должен обратиться к психопатологии как источнику некоторых общих понятий и законов. Психиатр выступает прежде всего как живая, понимающая и действующая личность, для которой наука – лишь одно из множества вспомогательных средств; что касается психопатологов, то для них наука – единственная и конечная цель работы. Их интерес сосредоточен не на отдельной человеческой личности, а на том, чтобы уловить и распознать, описать и проанализировать некие общие принципы. Главная забота психопатологов – не столько приносимая наукой практическая польза (последняя приходит сама собой по мере научного прогресса), сколько выявление реальных, различных феноменов, обнаружение истин, их проверка и наглядная демонстрация. Психопатологу нужно не вчувствование или наблюдение как таковое (это лишь материал, необходимый ему в изобилии). Ему нужно то, что можно представить в понятиях и сообщить другим; то, что позволяет выразить себя в правилах и в каком-то отношении познать. Это ставит ему границы, которые не следует нарушать; но, с другой стороны, внутри этих границ лежит область, которой он может и должен овладеть целиком.

Психопатология *ограничена*, ибо индивида совершенно невозможно растворить в психологических понятиях; пытаясь свести личность к типичному и регулярному, мы все больше и больше убеждаемся в том, что в любой человеческой личности кроется нечто непознаваемое. Мы вынуждены удовлетворяться лишь частичным знанием бесконечности, исчерпать которую не в нашей власти. Чисто человеческие качества психопатолога могут позволить ему увидеть и нечто большее, а иногда это «большее» – которое ни с чем не сравнимо – видят и другие; но все это не имеет отношения к психопатологии. Этические, эстетические и метафизические оценки тем более не зависят от психопатологических оценок и анализа.

Но помимо оценок, составляющих эту, ничего общего не имеющую с психиатрией, сферу, существуют инстинктивные ориентации, личностная интуиция, не передаваемая другим и в то же время важная для клинической практики. Часто подчеркивается, что психиатрия – это лишь сумма практических знаний, все еще не доросшая до статуса науки. Наука предполагает систематическое понятийное мышление, которое может быть сообщено другим. Психопатологию можно считать наукой только в той мере, в какой она отвечает этому требованию. То, что в психиатрии относится к сфере чисто практического, эмпирического знания, а в известной мере и искусства, не может быть сформулировано; в лучшем случае оно может быть «прочувствовано» другим специалистом. Поэтому писать о подобных вещах в учебном пособии было бы неуместно. Обучение психиатрии – всегда нечто большее, чем обучение понятиям, то есть чистой науке. С другой стороны, руководство по психопатологии может иметь ценность только при условии, что в нем соблюдается необходимая мера научности. Поэтому, вполне сознавая важность клинической практики в исследовании индивидуальных случаев, мы ограничиваемся в настоящей книге только тем, что может быть сообщено и воспринято в рамках чисто научного подхода.

Область исследования психопатологии – это все, что относится к области психического и может быть выражено с помощью понятий, имеющих постоянный и, в принципе, внятный смысл. Исследуемое явление может быть предметом эстетического созерцания, этической оценки или исторического интереса, но наше дело – рассматривать только его психопатологическую сторону. Речь в данном случае идет о различных мирах, между которыми нет точек соприкосновения. Что касается психиатрии, то в ее рамках не существует четкой границы между наукой и своего рода искусством. Наука то и дело вторгается в область клинического искусства, но последнее отнюдь не вытесняется наукой; напротив, оно, в свой черед, охватывает все новые и новые сферы. Но там, где научный подход к психиатрической практике возможен, мы должны предпочесть его «искусству». Личностное, интуитивное знание (которое по природе своей не может быть свободно от ошибок) должно отступать на второй план везде, где предмет может быть познан научно.

Предметом исследования психопатологии служат действительные, осознанные события психической жизни. Хотя основная задача состоит в изучении патологических явлений, необходимо также знать, *что и как* человек переживает вообще; иначе говоря, нужно охватить психическую реальность во всем ее многообразии. Нужно исследовать не только переживания как таковые, но и обуславливающие их обстоятельства, их взаимосвязи, а также формы, в которых они (переживания) находят свое выражение. Можно провести аналогию с соматической медициной, которая использует данные как физиологии, так и патологической анатомии. Взаимная зависимость этих наук не вызывает сомнений: они имеют единую основу и между ними невозможно провести сколько-нибудь ясную разделительную линию. Психология и психопатология также принадлежат друг другу и способствуют развитию друг друга. Между ними нет четкой границы, и многие общие проблемы исследуются психологами и психопатологами на равных правах. Существует множество определений «состояния болезни», и все они допускают наличие пограничных случаев и переходных состояний. Мы не настаиваем здесь на каком-либо точном определении понятия «психическая болезнь»; как будет ясно из дальнейшего, выбор материала для настоящей работы следует достаточно широко распространенным, получившим всеобщее признание принципам. С нашей точки зрения, несущественно, будет ли тот или иной материал признан кем-то патологическим или, наоборот, принадлежащим сфере так называемой нормы. Обсуждение вопроса о том, что считать болезнью, мы приберегаем для последней части настоящей книги. Нужно признать, что разграничение между интересующей нас здесь областью психопатологии и более широкой областью психологии осуществлено нами достаточно произвольно: не следует забывать, что обе эти области столь же неотделимы друг от друга, как физиология и патологическая анатомия.

(б) Психопатология и психология

Предмет изучения психологии – так называемая нормальная психическая жизнь. В теории психология столь же необходима психопатологу, сколь физиология – патологоанатому ¹;

¹ Мы не в состоянии назвать какую-либо книгу по психологии, которая могла бы послужить дополнением к изучению психопатологии. Психология, подобно психопатологии, делится на множество «лагерей». Чтобы узнать что-либо о психологии, необходимо ознакомиться со всеми существующими школами и учениями. Основной труд по психологическим проблемам, связанным с физиологией органов чувств и соматическими явлениями, – «Физиологическая психология» («*Physiologische Psychologie*») Вундта; но труд этот во многом устарел. Еще не изданный в полном объеме учебник Эббингауза (Ebbinghaus) (в новой редакции Бюлера [Bühler]) кажется более удачным. Феноменологическую основу для психологических исследований, выдвинутую Эдмундом Гуссерлем, следует признать новой с точки зрения не столько принципов, сколько методической чистоты. Того же направления придерживаются представители школы Кюльпе (Kölpe); его сжатый, популярный обзор содержится в: Messer. *Empfindung und Denken*. В качестве введения в некоторые разделы современной психологии можно рекомендовать написанную умело и с должным ощущением реальности работу: Bumke. *Psychologische Vorlesungen* (Wiesbaden, Bergmann, 1919). К новым учебникам следует относиться осторожнее; но за обзором литературы можно обратиться к: S. J. Fröbes. *Lehrbuch der experimentellen Psychologie* (Freiburg, Bd. 1, 1917, Bd. 2, 1920). Упоминания заслуживают труды: A. Messer.

но на практике эта аналогия подтверждается далеко не всегда. Причина заключается в том, что психопатологи занимаются обширным материалом, для которого психологией пока не описано «нормальных» соответствий. Психопатологам приходится разрабатывать собственную психологию, ибо психологи не могут обеспечить им необходимую поддержку. Академическая психология, судя по всему, занята не столько собственно психическими болезнями, сколько элементарными процессами, в основе которых лежат неврологические расстройства и органические повреждения мозга. Поэтому психиатры нуждаются в более обширной психологической основе, способной обогатить их тысячелетним опытом развития психологической мысли. Представляется, что в последнее время такая психология постепенно получает распространение в академических кругах.

(в) Психопатология и соматическая медицина

Как уже было сказано, предметом исследования психопатологии служат реальные душевные процессы, их условия, причины и следствия. Исследование связей между ними неизбежно приводит нас к теоретическому выводу о том, что отдаленными причинами психических явлений во многих случаях служат механизмы, внешние по отношению к сознанию, то есть факторы чисто соматической природы.

Тело и душа образуют нераздельное единство. Взаимосвязь этих двух начал в психопатологии проявляется более прямо и непосредственно, нежели в нормальной психологии. Существуют явления, повсеместно признанные в качестве чисто соматических, но отчасти зависящие от душевных процессов; к их числу относятся, в частности, продолжительность менструального цикла, истощение или ожирение и многие другие, а при определенных условиях, возможно, и все соматические функции. С другой стороны, даже самые сложные события психической жизни отчасти восходят к соматическим истокам. Взаимосвязи подобного рода обуславливают неразрывность психопатологии и остальной медицины. Не говоря уже о том, что задача исцеления человеческого существа требует от врача серьезной общемедицинской подготовки, проникновение в этиологию психических событий невозможно без знания соматических функций, а в особенности физиологии нервной системы. Таким образом, неврология, терапия и физиология служат для психопатологии самыми ценными помощниками.

Исследование соматических функций, включая сложнейшие функции коры головного мозга, связано с исследованием психической функции; единство соматической субстанции (тела) и психической субстанции (души) представляется неоспоримым, и все же мы должны всегда помнить, что связь между телом и душой вовсе не является прямой и однозначной: об определенных психических событиях нельзя говорить как о чем-то таком, что прямо связано со столь же определенными событиями, относящимися к соматической сфере. Иначе говоря, мы не имеем оснований для того, чтобы постулировать существование психосоматического параллелизма в узком смысле. Ситуация напоминает путешествие по неизвестному континенту, предпринятое с разных сторон, когда путешественникам не дано встретиться из-за непроходимости разделяющей их территории. Нам известны только крайние (начальное и конечное) звенья причинно-следственной цепочки, связывающей соматическую субстанцию с психической, и мы обязаны углублять наше знание, отталкиваясь от этих крайних звеньев. В рамках *неврологии* было показано, что кора и ствол головного мозга наиболее тесно соотносятся с психической функцией; вершинные успехи в данной области связаны с исследованиями афазии, агнозии и апраксии. Но чем дальше продвигается неврология, тем менее доступной становится для нее душа; с другой стороны, психопатология проникает вглубь психической субстанции вплоть до самых границ сознания, но у этих границ не находит никаких сома-

тических процессов, прямо связанных с такими явлениями, как бредовые идеи, спонтанные аффекты и галлюцинации. Нередко источник психического расстройства обнаруживается в том или ином заболевании головного мозга, причем число таких случаев возрастает по мере умножения наших знаний. И тем не менее мы не можем доказать, что то или иное заболевание мозга влечет за собой специфические психические последствия. Представляется, что заболевания мозга (например, прогрессивный паралич) могут приводить почти к любым психическим расстройствам, хотя частота последних зависит от природы исходного заболевания.

Все эти замечания позволяют сделать вывод, что при исследовании соматических изменений совершенно необходимо иметь в виду возможные психические причины, и наоборот. Поскольку любой студент, изучающий психопатологию, обязан пройти также курсы неврологии и терапии, мы здесь не будем заниматься теми вопросами, которые достаточно хорошо освещены в многочисленных руководствах по названным дисциплинам (неврологическими методами исследования, патологическими рефлексам, чувствительными или двигательными расстройствами и т. д.). Более того, весь смысл данной книги состоит в том, чтобы представить психопатологию как науку, которая по своему понятийному аппарату, методам исследования и общим мировоззренческим установкам вовсе не находится в рабской зависимости от неврологии и соматической медицины и не придерживается догматического положения, будто «психическое расстройство – это мозговое расстройство». Наша задача состоит не в том, чтобы, имитируя неврологию, построить систему с постоянными ссылками на головной мозг (все такие системы сомнительны и поверхностны), а в том, чтобы выработать устойчивую позицию, которая позволила бы исследовать разнообразные проблемы, понятия и взаимосвязи в рамках самих психопатологических явлений. Именно такова специальная задача психопатологии; тем не менее нам, конечно, придется то и дело сталкиваться со смежными проблемами неврологии – в частности, с такими, как зависимость определенных расстройств психической функции от мозговых травм при афазии и т. д., зависимость психических расстройств от таких заболеваний, как прогрессивный паралич, атеросклероз, а также гипотетическая связь некоторых случаев шизофрении (*dementia praecox*) с неврологическими расстройствами.

(г) Методология; роль философии

Психология и соматическая медицина – это научные дисциплины, наиболее тесно связанные с психопатологией; но последняя, как любая другая наука, имеет родственные связи и с другими отраслями человеческого знания. Одна из них – а именно философия с ее упором на методологию – заслуживает здесь особого упоминания.

В истории как психологии, так и психопатологии трудно – если не сказать невозможно – найти такие утверждения, которые по меньшей мере где-то или когда-то не были бы предметом дискуссии. Если мы хотим выйти за пределы стандартных и недолговечных психологических понятий и обеспечить нашим открытиям и теоретическим положениям твердую основу, мы непременно должны остановиться на проблеме методологии. Предметом спора становятся не только положения, но и сами методы; немалым достижением можно считать уже такую ситуацию, когда исследователи приходят к согласию относительно метода исследования и спорят лишь о результатах его применения. В то же время соматические исследования в психиатрии идут по сравнительно надежному и ровному традиционному пути. Можно сказать, что в таких областях, как гистология центральной нервной системы и серология, существует достаточная общность целей – в то время как статус психопатологии как научной дисциплины до сих пор оспаривается. Нередко приходится сталкиваться с мнением, будто в данной области в течение длительного времени не было никакого прогресса; более того, говорят, будто прогресс в психопатологии невозможен в принципе, ибо наша наука есть не что иное, как разновидность известной психиатрам прежних времен и уже исчерпавшей себя «вульгарной» психологии. Суще-

ствует также тенденция рассматривать новооткрытые соматические явления как подходящее средство для лучшего познания психической жизни. Решение всех проблем видится в экспериментах, результаты которых выражаются в виде цифр, рисунков или графиков, будто бы наиболее объективно представляющих истинную картину. Не владея психологическими методами исследования, сторонники подобного взгляда слишком легко теряют критичность. Одних только эмпирических наблюдений недостаточно. Если мы хотим разработать достаточно четкие понятия, если мы хотим достичь в рамках нашей научной дисциплины хоть сколько-нибудь точной и внятной дифференциации, нам нужно выйти на соответствующий уровень мышления; иначе ни о каком поступательном развитии науки не может быть и речи.

Совершенно естественно, что в этих условиях любой психопатолог должен уделить специальное внимание *методологии*. Соответственно, и в настоящей книге мы не можем обойтись без обсуждения методологических проблем. Перед лицом критики мы вынуждены защищаться и по возможности разъяснить нашу позицию. В любой научной дискуссии лучшим аргументом всегда служат достигнутые фактические результаты; но, если последние труднодоступны, мы должны хотя бы предвосхитить возможную критику используемых методов².

Там, где речь идет о конкретных психопатологических исследованиях, обращение к *философии* само по себе не имеет позитивной ценности – если не считать той существенной роли, которую философия играет при выборе методологии. В философии нет ничего такого, что мы могли бы позаимствовать в готовом виде; с другой стороны, основательное изучение критической философии, несомненно, развивает в исследователе способность к разумному самоограничению. Оно может удержать его от постановки ложного вопроса или развязывания бесплодной дискуссии, оно не позволит ему превратиться в пленника собственных предрассудков – а ведь подобное сплошь и рядом происходит с психопатологами, не имеющими необходимой философской подготовки. Кроме того, изучение философии положительно сказывается на развитии человеческих качеств специалиста-психопатолога и помогает ему лучше отдавать отчет в мотивах собственных действий.

² Из работ по психиатрии, в которых разрабатываются проблемы методологии, мы рекомендуем следующие: Gaupp. Über die Grenzen psychiatrischer Erkenntnis. – Zbl. Nervenhk. usw. (1903); id. Wege und Ziele psychiatrischer Forschung (Tübingen, 1907). У профессиональных философов, занимающихся обобщениями, мы находим меньше интересного, чем в трудах по методологии, написанных учеными-наблюдателями. Особенно ценна в этом отношении работа: Max Weber. Gesammelte Beiträge zur Wissenschaftslehre (Tübingen, Mohr, 1922), в которой, в частности, затрагиваются проблемы, имеющие близкое отношение к психопатологии.

§ 2. Некоторые фундаментальные понятия

Наша тема – человек в целом как больной, если этот больной страдает психической болезнью или болезнью, обусловленной причинами психического свойства.

Если бы нам были известны, с одной стороны, те элементы, из которых складывается психика человека, а с другой стороны, действующие в ней силы, мы могли бы начать с обобщающего взгляда на психическую субстанцию и лишь после этого заняться уточнением деталей. Но нам не дано воспользоваться подобным предварительным эскизом, поскольку, с нашей точки зрения, психическая субстанция (душа) есть бесконечно объемлющее, которое нельзя охватить в целом, а можно лишь изучать, проникая в него с помощью различных методов. У нас нет основополагающей системы понятий, с помощью которой мы могли бы определить человека как такового; нет и теории, которая могла бы исчерпывающе описать человеческое бытие как некую объективную реальность. Поэтому мы, как ученые, должны быть готовы к восприятию любых эмпирических возможностей; нам ни при каких обстоятельствах нельзя сводить «человеческое» к чему-то единому. Мы не располагаем планом целого; вместо этого нам предстоит последовательно обсудить ряд отдельных аспектов, в которых находят проявление реалии психического мира.

Первый аспект – это *человек*. Какое значение с точки зрения заболевания имеет то обстоятельство, что человек – не животное?

Второй аспект – *душа*. Каким образом душа может быть объективирована? Иначе говоря, как она может быть представлена в качестве предметной реальности?

Третий аспект: душа есть *сознание*. Что такое «сознание» и «бессознательное»?

Четвертый аспект: душа – не «вещь», а *бытие в собственном мире*. Что такое «внутренний мир» и «окружающий мир»?

Пятый аспект: душа – это не статичное состояние, а процесс *становления, развития, развертывания*. Что означает дифференциация психической жизни?

(а) Человек и животное

В соматическом смысле, то есть с точки зрения анатомии, физиологии, фармакологии, патологической анатомии и терапии, человек для врача не отличается от животного. В психопатологии же проблема «человеческого» (*das Problem des Menschseins*), можно сказать, присутствует всегда: ведь любая психическая болезнь вовлекает в процесс своего развития как дух, так и душу человека.

Очень сомнительно, чтобы *животные были подвержены душевным заболеваниям*. Конечно, у животных также бывают заболевания центральной и периферической нервной системы; об этом свидетельствуют хотя бы работы по наследованию синингомиелии у кроликов. Кроме того, существуют такие явления, как лошадиный норов, «типноз» у животных (не имеющий ничего общего с гипнозом у людей), панические реакции. У животных также могут развиваться «симптоматические психозы», вызванные органическими поражениями мозга. У них случаются чувствительные, двигательные нарушения (например, бег по кругу), а также изменения нрава – беспричинная агрессивность, апатия и т. п.

Пример: некоторые особенности поведения собак и кошек в состоянии экспериментального гипопаратиреоза дали основание описавшему это явление Блуму³ говорить о пограничной зоне между двигательными и психическими

³ F. Blum, Arch. Psychiatr. (D), 96 (1932). По данной теме в целом см.: Dexler. Über die psychotischen Erkrankungen der Tiere. – Mschr. Psychiatr., 16, Erg.-H. 99; Dexler. Die Erkrankungen des Zentralnervensystem der Tiere. – Handbuch der normalen

симптомами. Он отметил приступы своего рода «безумия», во время которых кошка принимается сломя голову носиться по своей клетке, пытается вскочить на гладкую стену, нападает на другую, вполне миролюбиво настроенную кошку и кусает ее и, наконец, падает без сил. Тот же автор отмечал у собак и кошек необычные и неудобные позы, внезапные порывистые движения или изменения походки, совершенно не свойственные животным в нормальном состоянии, – например, движения, напоминающие гарцевание лошадей на параде. Часто они опускают голову и держат ее низко, как бы бодаясь; они могут раскачиваться, чуть не падая, или пытаться ползти задом наперед, словно не чувствуя, что упираются в стену. Галлюцинирующая собака принюхивается к окружающему и бессмысленно, без всякой видимой причины концентрирует взгляд на случайных предметах. Она царапает когтями оловянный пол клетки, пытается рыть мордой пустой угол. Время от времени она лает, при этом не обращая никакого внимания на окружающее. Кошки, похоже, бывают охвачены какими-то видениями: они «вцепляются» в пустоту, после чего медленно отводят лапы назад.

«Функциональные» психозы в собственном смысле у животных не описаны (наличие истерии у них далеко не доказано). Шизофрения и циркулярное расстройство встречаются у людей всех рас, но у животных их не бывает никогда. Согласно Люксенбургеру, «наличие психозов у животных не доказано; тем более невозможно говорить о том, что животные подвержены наследственным психозам». Люксенбургер совершенно справедливо критикует антропоморфизм, стремящийся «приписать поведению животных человеческую мотивацию». В этом отношении между соматической медициной и психопатологией существует ярко выраженная противоположность. Стремясь выявить исконно человеческое начало в психическом заболевании, мы должны рассматривать последнее как феномен, присущий только человеку. В той мере, в какой человек выявляет свою специфически *человеческую* природу, он не может быть сопоставлен с животными.

Человек уникален. Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру; но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно. С соматической точки зрения человек – это один из видов животных; и тем не менее даже его тело уникально – причем не только благодаря способности к прямохождению и некоторым другим свойствам, но и благодаря особой конституции, отличающей человека от всех остальных животных и предоставляющей ему больше возможностей за счет менее развитой специализации. Кроме того, человек отличается от животных способностью использовать тело в экспрессивных целях. Психологически он совершенно оторван от царства животных. Животные, в отличие от человека, не смеются и не плачут, а сообразительность обезьян – это не разум и не мышление в истинном смысле слова, а всего лишь высокоразвитое внимание, которое у человека служит лишь предварительным условием способности мыслить, но далеко не идентично мышлению как таковому. С незапамятных времен неотъемлемыми качествами человека считались свобода, рефлексия, дух. Участь животного всецело обусловлена законами природы. Человек также зависит от законов природы, но вдобавок у него есть предназначение, реализация которого всецело зависит от него самого. В то же время мы нигде не встречаем человека как полностью духовное существо; природные потребности оказывают свое воздействие даже на самые глубинные пласты его духа. В старину воображение человека породило ангелов – воплощение чистой духовности. Но человек как таковой не есть ни животное, ни ангел; в нем есть свойства как того, так и другого, но он не может быть ни тем ни другим.

В какой мере уникальность человека определяет природу его болезни? Если говорить о болезнях тела, то наше сходство с животными настолько велико, что опыты над последними позволяют познать жизненно важные соматические функции человека – пусть даже применение результатов этих опытов представляет значительные трудности. Но понятие душевной болезни человека относится совершенно к иному измерению. Причиной болезни могут быть такие качества человеческого, как неполнота, открытость, свобода и бесконечное разнообразие возможностей. В противоположность животным человек не наделен врожденной, совершенной способностью к адаптации. Ему приходится самому искать путь в жизни. Человек не есть готовая форма, он формирует себя сам. В той мере, в какой он все-таки представляет собой готовую форму, он близок животным.

В психопатологии предметом научного исследования становится человек как таковой; соответственно, наблюдения над животными в данной области бесполезны. Не все в душевной болезни может быть объяснено с привлечением одних только естественно-научных категорий. Человек как создатель духовных ценностей, как существо верующее и нравственное пребывает за пределами того, что доступно эмпирическому исследованию.

И все же психология и психопатология животных – в той мере, в какой о них вообще можно говорить, – представляют для нас определенный интерес. Во-первых, они позволяют нам познать некоторые фундаментальные жизненные проявления, которые не чужды и людям, но которые могут быть более объективно оценены с учетом этого обширного материала – как, например, привычки, способность к обучению, условные рефлексy, автоматизмы, поиск решения методом проб и ошибок, а также отдельные виды разумного поведения (см., в частности: W. Kohler. *Intelligenzprüfungen an Anthropoiden*). Во-вторых, изучение особенностей жизни животных убеждает нас в том, что предков человека среди зоологических форм нет. Как животные, так и человек представляют собой ветви единого великого древа жизни. Контраст между человеком и животными помогает нам понять действительную основу человеческого бытия.

(б) Объективные проявления психической жизни

Мы можем понять и исследовать только то, что воспринимается нами как объект. Душа как таковая не есть объект. Она объективируется благодаря тем своим проявлениям, которые делают ее доступной внешнему восприятию, – то есть благодаря сопутствующим соматическим явлениям, осмысленным жестам, поведению, поступкам. Далее, она проявляет себя посредством речевой коммуникации. Она высказывается в словах и творит вещи. Все эти доступные восприятию явления суть результаты функционирования психической субстанции. На их основании мы если и не воспринимаем психическую субстанцию непосредственно, то по меньшей мере делаем вывод о ее существовании; но *психическая субстанция* или *душа* как таковая в итоге *не становится объектом*. Наш опыт осознанных переживаний убеждает нас в том, что душа существует; исходя из объективных наблюдений над сходными проявлениями психической жизни у других людей или из сообщений этих людей, мы представляем себе, что их переживания должны быть аналогичны нашим. Но эти объективированные переживания также суть всего лишь внешние проявления. Мы можем сколько угодно пытаться объективировать душу посредством символов или аналогий; но она все равно останется необъективируемым до конца *обрамлением бытия* (в философской традиции это принято обозначать термином «*объемлющее*», *das Umgreifende*), внутри которого пребывают все отдельные объективные факты.

Следует еще раз подчеркнуть, что психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о «душе» как об объекте – значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает *сознание*, но в той же мере (а с некоторых точек зрения – прежде всего) она означает *бессознательное*. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как

«бытие в собственном мире», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа – это *становление, развертывание, различение*; в ней нет ничего окончательного и завершенного.

(в) Сознание и бессознательное

Термин «сознание» имеет троякое значение. Во-первых, он подразумевает *осознание (интериоризацию) собственных переживаний* – в противоположность потере сознания и всему тому, что пребывает за пределами сознания. Во-вторых, он подразумевает *осознание объекта*, знание о чем-то предметном и внешнем – в противоположность неосознанным субъективным переживаниям, в рамках которых «Я» и «объект» пребывают во все еще не дифференцированном состоянии. В-третьих, он подразумевает *самосознание*, осознание личностью собственного «Я» – в противоположность бессознательному, в рамках которого субъект и объект переживаются как отдельные сущности, но личность не осознает различия между ними сколько-нибудь отчетливо.

Без сознания – понимая под сознанием любую форму внутреннего переживания, в том числе и такую, когда «Я» и «объект» не дифференцируются или когда переживание ограничивается всего лишь неосознанным чувством, не направленным на какой-либо определенный объект, – психическая субстанция не может проявить себя. Где нет сознания в указанном смысле, там нет и психической субстанции.

Но психическая жизнь не может быть полноценно понята только как сознание; она также не может быть понята средствами одного только сознания. Реальный опыт душевных переживаний необходимо дополнить теоретическим *фундаментом, выходящим за пределы сознания*. Все, имеющее непосредственное отношение к феноменологии и объективной констатации фактов, обусловлено действительным опытом психической жизни и не нуждается в теории; с другой стороны, любая попытка объяснения эмпирических данных предполагает построение теоретических рамок и допущение некоторых механизмов и сил, внешних по отношению к сознанию. Прямые, доступные непосредственному наблюдению данные психического опыта аналогичны пене на поверхности моря. Океанские же глубины недоступны и могут быть изучены лишь непрямым, теоретическим путем. Но проверка теоретических допущений осуществляется на основании вытекающих из них следствий. Их ценность состоит не в их непротиворечивости и самодостаточности, а в том, насколько успешно они объясняют действительный опыт и способствуют повышению «разрешающей способности» наших наблюдений. Для объяснения психической жизни мы должны работать с механизмами, внешними по отношению к сознанию, – с происходящими в сфере бессознательного событиями, которые, конечно, сами по себе не могут быть переведены в форму, доступную непосредственному восприятию, а могут лишь мыслиться в форме психических или физических символов или аналогий.

С недавних пор в качестве реакции на давнюю, насчитывающую около ста лет традицию наблюдается известное снижение доверия к умозрительным теориям. Эту реакцию следует оценивать скорее положительно, поскольку теории слишком легко придумываются и столь же легко порождают путаницу – особенно в тех случаях, когда их беспорядочно смешивают с фактическим материалом. Во всем, что касается теоретизирования, мы предпочитаем держаться принципа максимальной осторожности; всякий раз, прибегая к теоретическим концепциям, мы будем помнить об их гипотетичности и, значит, ограниченности.

Само существование событий *бессознательной* психической жизни часто подвергалось сомнению. В этой связи мы должны различать события, в действительности пережитые личностью, но оставшиеся незамеченными, и события, происходившие за пределами сознания и,

значит, не пережитые. Первые могут быть замечены при определенных благоприятных условиях и таким образом доказать свою реальность. Вторые же никогда не могут быть замечены по определению.

Перед психологией и психопатологией стоит важная задача: высветить *оставшиеся незамеченными* события психической жизни и тем самым сделать их доступными сознанию (или, что то же самое, познанию). Стремление к истине и саморазвитию предполагает озарение бессознательных глубин личности; именно таков один из магистральных путей психотерапии.

События, *происходящие за пределами сознания*, могут быть замечены лишь в тех случаях, когда они являются восприятию как события соматической сферы. Но эти же события могут трактоваться как причины и следствия того, что происходит в сознании; соответственно, с их помощью можно объяснять феноменологию сознательной психической жизни. Из сказанного ясно, что они представляют собой чисто теоретические конструкции и, следовательно, не вполне бесспорны и надежны; впрочем, не имея возможности точно установить меру их соответствия действительности, мы, по существу, и не нуждаемся в этом. Внесознательное проявляет себя во множестве разнообразных форм – таких, как приобретенные диспозиции памяти, привычки, умственные способности, темперамент. Человек нередко сознает, что он оказался лицом к лицу с неким переживанием, исходящим из бессознательных глубин его существа и даже способным оказать на него подавляющее воздействие.

Попытаемся разъяснить *многообразие* значений, приписываемых термину бессознательное.

(а) Бессознательное мыслится как *производное от сознания*. Как таковое оно может быть идентифицировано с:

1) *автоматическим поведением* (то есть деятельностью, которая некогда осознавалась, а теперь осуществляется автоматически и, значит, неосознанно; речь идет о ходьбе, письме, езде на велосипеде и т. п.);

2) *забытым опытом*, все еще не утратившим своей действенности (имеются в виду так называемые комплексы, остаточные аффекты, обусловленные прежним опытом);

3) *воспоминаниями*, готовыми «всплыть на поверхность» памяти.

(б) Бессознательное мыслится в соотношении с *недостатком внимания*.

С этой точки зрения оно есть то, что:

1) будучи пережито в действительности, *проходит незамеченным*;

2) хотя и выявляется, но *не преднамеренно*;

3) *ускользает из памяти*, то есть, будучи некогда содержанием сознания, забывается; ср. известные случаи, когда старые люди забывают, каковы были их намерения мгновением раньше («Я иду в соседнюю комнату – но зачем?»);

4) *никогда не было объективировано* и, таким образом, не может быть сформулировано в словах.

(в) Бессознательное мыслится как сила, как *первоисточник*, то есть как:

1) *творческое, жизненное начало*;

2) убежище, защита, *первопричина* и *конечная цель*. Иначе говоря, все существенное – то есть все наши страстные устремления и озарения, все импульсы и идеи, все виды и формы нашего творческого воображения, все ослепительные и мрачные моменты жизни – приходит к нам из бессознательного; и любое осуществление оказывается бессознательным, в которое мы в конце концов возвращаемся.

(г) Бессознательное мыслится как «бытие» – как истинный, глубинный смысл бытия, то есть как *психическая реальность*. Но нельзя упускать из виду, что сознание не может трактоваться ни как нечто механически и

случайно добавленное к психической реальности, ни как нечто такое, к чему сводится вся психическая реальность – укорененная в бессознательном, подвергающаяся его влиянию и сама, в свою очередь, оказывающая на него влияние. Психическую реальность понимали по-разному: как спонтанную *игру фундаментальных элементов* (Гербарт), проявляющуюся в формах сознательной психической жизни; как *ряд постепенно уходящих вглубь слоев бессознательного* (Конштамм [Kohnstamm], Фрейд); как *личное бессознательное*, накапливающееся в течение всей жизни индивида; как *коллективное бессознательное* (Юнг) – субстрат универсального опыта человечества, действующий в каждой отдельно взятой личности. Во всех перечисленных случаях бессознательное понимается как «самодовлеющая сущность», как «бытие для себя», как действительность, которой мы обязаны своим существованием.

С другой точки зрения бессознательное мыслится как *абсолютное бытие*. Эта концепция бессознательного по сути своей метафизична: термин «бессознательное» – подобно терминам «бытие», «ничто», «становление», «субстанция», «форма» и почти все категории – используется в качестве символа с целью сделать невысказанное и непознаваемое хотя бы отчасти доступным мышлению и познанию. Следовательно, «абсолютное бытие» не имеет отношения к психологии.

(г) Внешний мир и окружающий мир

Существуют категории, применимые к познанию всего живого, даже души в ее высших проявлениях, – но применимые не в своем точном значении, а в качестве аналогии. В ряду таких категорий – *жизнь как бытие в собственном мире*; любая жизнь проявляет себя как постоянный обмен между внутренним миром и окружающим миром (фон Икскуль [von Uexküll]). Один из первофеноменов жизни – бытие в собственном мире. Даже физическое (соматическое) наличное бытие не может быть адекватно исследовано, если рассматривать его всего лишь как анатомическую структуру и физиологическую функцию, произвольно локализованные в пространстве. Соматическое наличное бытие надо рассматривать как живую вовлеченность в окружающий мир; именно благодаря этой вовлеченности оно обретает форму и реальность, адаптируясь к стимулам, отчасти получаемым извне, отчасти же творимым им самим. Этот исходный, объединяющий процесс жизни как наличного бытия в собственном мире и сосуществования с ним присутствует и в человеческой жизни; но человек выводит его на новую ступень благодаря *осознанной способности к различению и активному воздействию на свой мир* и, далее, благодаря *обобщенному знанию о своем бытии в мире*. В итоге жизнь преодолевает самое себя, трансцендирует в иные возможные миры и поднимается даже над самим бытием в мире. Эмпирическое исследование должно обратиться к некоторым частным проявлениям этой фундаментальной взаимосвязи и, следовательно, к некоторым изолированным аспектам связи между внутренним миром и окружающим миром. Вот некоторые примеры.

1) С физиологической точки зрения выделяется связь *стимула (Reiz)* и *реакции*, с феноменологической точки зрения – интенциональная связь «Я» и *предметного мира* (субъекта и объекта).

2) В основе развития жизни индивида лежат *определенный набор исходных качеств (предрасположенность, конституция, Anlage)* и *среда*: врожденные потенции могут либо стимулироваться средой и принимать под ее воздействием ту или иную форму, либо сохраняться в латентном состоянии вплоть до полного угасания. Предрасположенность и среда

действуют прежде всего при посредстве биологических факторов, лежащих вне сознания; на этом уровне мы пытаемся понять причинно-следственные связи. Далее, в сознательной жизни они функционируют психологически понятным образом; так, факторы среды (такие, например, как рождение или изменения в жизненной ситуации) формируют бытие индивида и сами, в свою очередь, испытывают воздействие с его стороны. В процессе естественного саморазвития индивид со своей конституцией противостоит среде и вступает в состояние действенного обмена с ней. Отсюда проистекает весь опыт человеческой судьбы, деяний, усилий и страданий.

3) Функция среды заключается прежде всего в том, что она порождает *ситуации*⁴. В результате индивиду предоставляются некоторые возможности, которые он может либо обратить себе на пользу, либо упустить, либо, исходя из них, принять решение. Индивид может создавать ситуации самостоятельно, осознанно стимулировать или предотвращать их возникновение. Он подчиняется сложившимся в мире порядкам и условиям и в то же время может использовать их в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь. В конечном счете, однако, индивиду приходится сталкиваться с *граничными ситуациями*, то есть с последними границами бытия – смертью, случаем, страданием, виной. Они могут пробудить в нем то, что мы называем *экзистенцией*, – действительное бытие самости.

4) Каждый человек имеет *собственный* (приватный) мир⁵, но кроме него существует и объективный мир – мир, общий для всех. Этот мир для всех существует для «сознания вообще» (*Bewußtsein überhaupt*), и участие в нем дает критерий точности мышления и его объективной ценности. Сознание индивида – это лишь частица общего, того, что возможно в принципе; эта частица сообщает целому конкретную историчность, но в то же время создает почву для непонимания и ошибок.

5) Душа *находит себя* в своем мире и *приносит* свой мир с собой. В мире она становится доступной пониманию других; в мире она творит.

Таким образом, смысл фундаментального соотношения между внутренним и внешним настолько часто подвергается инверсии, что мы можем внезапно обнаружить себя перед лицом, казалось бы, совершенно разнородных реалий. Но общая аналогия сохраняет свою силу: существует фундаментальная связь между внешним и внутренним, между бытием в мире, общим для всего живого, для всякой психической жизни, и индивидом во всей его неповторимости.

(д) Дифференциация психической жизни

Мы тем яснее познаем психическую действительность, чем выше уровень ее развития. Именно высокоразвитое и сложное способствует разъяснению примитивного и простого – но отнюдь не наоборот. Поэтому для наших исследовательских целей лучше всего подходят люди высокой культуры, живущие богатой душевной жизнью. Высокая степень дифференциации встречается редко, а потому наше познание направляют именно редкие случаи – не диковинные отклонения от нормы, а классические крайности, достигшие своего полного развития. Исключительные, неординарные случаи особенно значимы для психологии, ибо именно в их

⁴ О понятии «ситуация» см. мою работу: K. Jaspers. *Geistige Situation der Zeit* (Berlin, 1931), S. 19 ff.

⁵ В связи с трактовками понятия «мир» (*Welt*) см. мою книгу: K. Jaspers. *Philosophie*, Bd. 1 (Berlin, 1932), S. 61 ff. См. также мою работу: *Psychologie der Weltanschauungen*, 3 Aufl. (Berlin, 1919), S. 141 ff.

свете мы точнее понимаем средние, стандартные случаи. Мера психической дифференциации – фундаментальный фактор, оказывающий постоянное влияние на все явления душевной жизни.

С клинической точки зрения очень важно уметь распознавать необычное. Чем явление обычнее, тем чаще о нем говорят и на него жалуются; но высокая частота явления сама по себе не означает, что оно лучше понято или больше соответствует действительности или законам природы. Мы можем задаться вопросом, почему одно явление встречается редко, а другое – часто; например, почему параноики, признаваемые таковыми согласно определению Крепелина, столь редки и в то же время столь характерны? Почему классические случаи истерии были столь распространены в эпоху Шарко и столь редки ныне?

Психическая жизнь характеризуется гигантским разнообразием, вплоть до высочайших проявлений гениальности. Для одних гашиш служит источником тупого, животного наслаждения, для других – возбудителем шумной радости, наконец, для третьих – катализатором богатейших, сказочных озарений. Одна и та же болезнь – к примеру, шизофрения (*dementia praecox*) – у одних ограничивается всего лишь бредом ревности и преследования, тогда как у других – скажем, у Стриндберга – то же содержание может достичь необыкновенно богатого развития, а изменчивые витальные чувства порождают настоящий поток оригинального поэтического творчества. Симптоматика любого психического расстройства находится в соответствии с тем уровнем душевного развития, которого достиг больной.

Вообще говоря, психические явления (в том числе и аномальные) возможны только при наличии определенной психической дифференциации. Это относится как к степени сложности психического содержания, так и к форме отдельных событий психической жизни. Например, навязчивые идеи и явления деперсонализации появляются только в тех случаях, когда налицо относительно высокий уровень дифференциации; навязчивые идеи, требующие высокого уровня самосознания, не встречаются у детей, но обычны у высокодифференцированных личностей. То же относится к обширной группе субъективных жалоб на заторможенность, которым подвержены легкоранимые, склонные к самоанализу индивиды.

Понятие *дифференциации* требует дальнейшего разбора. *Во-первых*, оно означает приумножение качественных форм опыта. *Во-вторых*, оно означает расчленение обобщенного, туманного психического опыта на некоторое число отчетливо определенных переживаний, что сообщает опыту в целом богатство и глубину. Из отдельных феноменов низкого уровня в результате такой дифференциации рождаются феномены более высокого уровня; смутная инстинктивная жизнь обогащается новым содержанием. Рост дифференциации приводит к большей ясности и осознанности. Неопределенные ощущения и чувства уступают место отчетливым мыслям. Из недифференцированного состояния первоначальной невинности возникают бесчисленные противоречия и конфликты психической жизни. *В-третьих*, понятие дифференциации предполагает анализ и синтез предметного сознания, что позволяет расширить возможности мышления, понимания, образа действий, различения и сопоставления. *В-четвертых*, оно означает рефлексующее осознание личностью самой себя. Нужно различать фактическую дифференциацию как субъективный опыт, который не обязательно становится достоянием сознания, и осознанную дифференциацию, проявляющуюся в наблюдении над самим собой. Человек, подверженный навязчивой идее, может и не пытаться

понять, что же с ним происходит. Но обычно дифференцированность и осознание собственных переживаний сопутствуют друг другу. Иногда простая регистрация разнообразных несущественных ощущений может создать ложное впечатление роста дифференциации. *В-пятых*, мы обязаны знать, на каком именно уровне развития происходит дифференциация; это имеет решающее значение для лучшего понимания личности. Наряду с действительным уровнем дифференциации необходимо учитывать присущую данной личности меру жизненной силы; это позволит охватить различные уровни личности как целого (ср. выдвинутую Клагесом концепцию «уровней развития» – *Formniveau*). Здесь мы достигаем одной из границ познаваемого. Но если мы хотим понять личность, мы должны попытаться найти путь, по которому можно было бы уверенно продвигаться по ту сторону границы. В действительности отдельных индивидов можно сравнивать друг с другом только при условии, что они характеризуются одинаковой степенью дифференциации и находятся на одном уровне развития (*Formniveau*); это в равной мере относится к общим характеристикам поведения сопоставляемых личностей и к таким частностям, как почерк и т. п.

В сущности, отмеченных различий недостаточно, чтобы на их основании можно было выработать ясную и окончательную точку зрения на психическую субстанцию в целом. Что касается психопатологических явлений, то в настоящее время у нас нет удовлетворительной основы для того, чтобы оценить *уровни* и *направленность* дифференциации; то же относится и к уровням и направленности дезинтеграции. Поэтому мы должны удовлетвориться только что изложенной обобщенной точкой зрения.

Так или иначе, мы можем различать две фундаментальные причины дифференциации. Одна из них обусловлена *конституцией (предрасположенностью)* личности; другая обуславливается *культурной средой*.

У *имбецилов*⁶ психоз выказывает относительно бедную симптоматику, расстройства кажутся малочисленными и сравнительно примитивными; бредовые идеи с трудом поддаются систематизации, а ниже определенного уровня развития умственных способностей некоторые типы бреда (например, идея глубокой вины) вообще не встречаются. Возбуждение всегда выражается в форме громких, монотонно-пронзительных криков, тогда как апатия – в форме общей тупой вялости.

Культурная среда, в которой человек растет и живет, может лишь активизировать или затормозить проявление предрасположенности. Источником жизни человека служит история, и только благодаря участию в объективном духе индивидуальное развитие приводит человека к обретению самого себя. Глухонемые, которых ничему не учат, так и остаются на уровне идиотов. То, что с внешней, социологической точки зрения кажется постепенно возрастающим, в действительности уже полностью присутствует в душе. Проявления душевной болезни у высококультурных людей характеризуются бесконечно большим богатством и разнообразием. Именно поэтому прогресс психопатологии ничего не выигрывает от изучения животных, зато во многом зависит от исследования людей, находящихся на высоких уровнях культурного развития. Врачи частных клиник, благодаря своим высокообразованным пациентам, располагают необычайно ценным исследовательским материалом, тогда как врачам муниципальных больниц слишком хорошо известно, насколько однообразны проявления истерии у так называемых простых людей.

Нашего внимания, естественно, заслуживают как самые дифференцированные, так и самые недифференцированные явления психической жизни. Анализ высокодифференциро-

⁶ Luther, Z. Neur., 16, 386; Plaskuda, Z. Neur., 19, 596.

ванной психической жизни позволяет осветить более низкие уровни развития; соответственно, нашему исследовательскому интересу присуще двигаться в обоих направлениях. Одни ученые полагают, что для естественных наук наиболее подходящим объектом служит усредненное или самое частое явление. Приверженцы другого, не менее одностороннего подхода упорно сосредотачиваются на редких и высокодифференцированных проявлениях психической жизни. В области изящной словесности определенную аналогию можно усмотреть в виде французского романа нравов прежних времен и современного психологического романа⁷.

(е) Резюме

Итак, мы обрисовали ряд аспектов, в которых проявляет себя психическая жизнь. Единственным общим фактором для них является наличие смыслового сдвига, благодаря которому все противоположности обретают разнообразную форму. Но обсуждение пяти перечисленных выше аспектов позволило нам хотя бы предварительно ощутить многообразие реальных, с которыми нам предстоит иметь дело, и понять, как мало может быть сказано с помощью общих терминов. Когда дело доходит до работы с отдельной личностью, мы нуждаемся в ясном понимании частного смысла в связи с конкретным случаем. Обсуждение проблем психопатологии в общих терминах обычно не имеет смысла ввиду недостаточной определенности последних.

⁷ Ср. утверждение французского писателя Поля Бурже (Bourget) в связи с сопоставлением психологического романа и романа нравов: «Выбор следует останавливать на персонажах, чья внутренняя жизнь особенно богата и обширна».

§ 3. Предрассудки и предпосылки

Всякий раз, пытаясь постичь некий смысл, мы исходим из чего-то такого, что уже присутствует в нашем сознании и сообщает нашим усилиям направленность и форму. Речь идет о предрассудках и предпосылках. *Предрассудки* искажают наше видение вещей; *предпосылки* же помогают осмыслить наблюдаемые явления и связи.

(а) Предрассудки

Мы многому сможем научиться, если выработаем трезвый взгляд на вещи, бессознательно воспринимаемые нами как непреложные данности. Некритическое отношение к таким мнимым данностям обусловлено целым рядом причин – например, потребностью в обобщенной картине целого или желанием свести многообразие явлений к небольшому количеству по возможности простых и непреложных первичных понятий. В результате мы выражаем склонность к абсолютизации отдельных, частных точек зрения, методов и категорий, а еще чаще смешиваем то, что безусловно известно или доступно познанию, с тем, во что мы верим.

Такие предрассудки отягощают и парализуют нашу мысль. На протяжении всей книги мы будем всячески стараться избавляться от них. Здесь мы рассмотрим только самые выразительные примеры; сумев однажды распознать их в явной, неприкрытой форме, мы будем готовы распознать их значительно более распространенные замаскированные версии.

1. *Философские предрассудки*. Бывали времена, когда главенствующее значение придавалось спекулятивному и *дедуктивному* мышлению, основанному на принципе понимания и объяснения явлений без привлечения опытных методов проверки. Этот тип мышления ценился выше, чем дотошное изучение частных фактов. В такие времена философия пыталась создать «сверху» то, что может быть обретоено лишь опытным путем, «снизу». Ныне, кажется, мы отошли от этого образа мыслей, но он постоянно дает о себе знать в форме туманных теоретических построений. Его вполне узнаваемый дух ощущается в общепринятой системе общей психопатологии. С одной стороны, наш отказ от чисто дедуктивного и, в сущности, бессодержательного философского теоретизирования оправдан; с другой же стороны, он, к сожалению, слишком часто связывается с противоположной крайностью – стремлением ограничить продвижение вперед простым накоплением частных опытных данных. Слепое коллекционирование данных почему-то считается занятием более полезным и плодотворным, нежели сосредоточенное размышление. Отсюда вытекает пренебрежительное отношение к самому процессу мышления – а ведь без него невозможно рассортировать факты, распланировать работу, выработать точку зрения; без него не может обойтись даже самое страстное стремление к научному познанию.

Дедуктивные философские системы обычно находились в неразрывной связи с этическими и прочими оценочными суждениями и выражали тенденцию к *морализаторству* и *теологическим спекуляциям*. Причинами психических заболеваний считались грехи и страсти, а человеческие качества однозначно делились на дурные и добрые. Еще в первой половине XIX века Максимилиан Якоби безжалостно критиковал это «ложное и неуместное философствование». И действительно, в науке нет места философским системам подобного рода – независимо от того, насколько важную роль они могут играть в качестве способа выражения той или иной установки человека по отношению к миру. Борьба между мировоззрениями – это обычно не более чем борьба за власть, тогда как в научной дискуссии всегда есть место для осмысленного обмена мнениями. Тем не менее в психологии и психопатологии трудно обойтись без оценочных суждений, которые часто оказываются выражением тех или иных глубинных философских воззрений. От любого психопатолога требуется, чтобы он в своей работе проводил четкое раз-

личие между *наблюдениями* и *оценочными суждениями*. При этом речь идет отнюдь не о том, что ему, как человеку, заказано прибегать к оценкам; напротив, чем больше мы наблюдаем, прежде чем вынести оценку, тем она яснее, глубже, ближе к истине. От психопатолога требуется лишь спокойная, непредвзятая сосредоточенность на фактах психической жизни. Человек как объект исследования требует беспристрастного и заинтересованного подхода, свободного от какой бы то ни было предубежденности. Принцип, согласно которому простое наблюдение не должно смешиваться с оценочным суждением, очень прост в теории; на практике, однако, он требует от исследователя настолько высокого уровня самокритичности и объективности, что мы еще не скоро сможем признать его самоочевидным.

2. *Теоретические предрассудки*. Опорой для естественных наук служат всеобъемлющие, хорошо обоснованные теории, благодаря которым все наши частные наблюдения обеспечиваются единообразным фундаментом. В качестве примеров можно привести хотя бы атомную и клеточную теории. Ничего подобного мы не находим ни в психологии, ни в психопатологии; *теоретическая основа* в этих науках возможна разве что на правах спекулятивной конструкции, выдвинутой тем или иным исследователем. Наши методы не ведут к открытию каких бы то ни было фундаментальных начал, механизмов или законов, предназначенных для объяснения психической жизни; они лишь выводят на определенные пути, двигаясь по которым мы получаем возможность познать некоторые ее аспекты. С нашей точки зрения, психическая жизнь – это бесконечное целое, совершенно не поддающееся систематизации. Ее можно сравнить с морем: независимо от того, плывем ли мы вдоль берега или уходим в открытое море, мы лишь скользим по поверхности.

Пытаясь свести психическую жизнь к нескольким универсальным началам или всесторонне объяснить ее на основе ограниченного числа четко сформулированных законов, мы предаемся совершенно бесплодному занятию. Если наши теории выказывают определенное сходство с построениями в области естественных наук, то это относится главным образом к выдвижению пробных гипотез, пригодных только для ограниченных исследовательских задач, но неприменимых к душе в целом. Следование теоретическому предрассудку неизбежно приводит к предвзятому восприятию фактов. Любые открытия рассматриваются с точки зрения частной теории. Все, что подтверждает ее или кажется с ее позиций уместным, воспринимается с интересом; все неуместное игнорируется; все противоречащее теории отодвигается в тень или получает ложное истолкование. На действительность сплошь и рядом смотрят глазами той или иной теории. Поэтому нам следует постоянно делать над собой усилие, дабы *не принимать во внимание* теоретические предрассудки, так или иначе свойственные нашему разуму, и воспитывать в себе способность к *непредвзятому восприятию фактов*. Последние мы можем воспринимать только в терминах категорий и методов; соответственно, мы должны полностью сознавать, какие именно предпосылки, обусловленные самой природой исследуемого материала, могут содержаться в любом нашем открытии (ведь «в любом факте уже таится теория»). В итоге мы можем научиться видеть действительность, четко сознавая, что то, что мы видим, не есть ни действительность в себе, ни действительность в целом.

3. *Соматические предрассудки*. Многие полагают, что, подобно любым биологическим явлениям, жизнь человеческой души представляет собой соматическое событие; понять человека можно только при условии, что его природа объясняется в соматических терминах, а любое упоминание души есть некий теоретический паллиатив, не имеющий серьезного научного значения. Возникает тенденция рассматривать любые психические события как нечто, наделенное по существу соматической природой и, соответственно, либо понятное в терминах науки о соматических явлениях, либо ожидающее скорой и адекватной интерпретации в тех же терминах. Настоящий исследовательский подход, по идее, должен был бы допускать выдвижение гипотез, направленных на проверку, подтверждение или опровержение экспериментальных фактов с соматической точки зрения; но под влиянием соматического предрассудка вооб-

ражаемая «сома» разбухает до масштабов эвристической презумпции, хотя в действительности она есть не более чем бессознательное выражение некоего ненаучного предрассудка. Склонность к своего рода резиньяции, нередко сопутствующая психологическим исследованиям, служит отражением того же предрассудка; так, многие думают, что шизофрения перестанет представлять психологический интерес, как только будет обнаружено лежащее в ее основе соматическое заболевание.

Этот соматический предрассудок возникает вновь и вновь в обличье физиологии, анатомии или некоего неясного суррогата биологии. В начале нашего столетия его выражали примерно так: нет нужды изучать психику как таковую, поскольку она чисто субъективна. Любое научное обсуждение психической жизни – это обсуждение в терминах анатомии, то есть с точки зрения соматических, физических функций. Даже временные, условные анатомические построения могут показаться более предпочтительными, нежели чисто психологический исследовательский подход. Но все эти анатомические построения (и, в частности, известные концепции Мейнерта и Вернике) совершенно фантастичны; их вполне заслуженно называют «мозговой мифологией» (*Hirnmythologien*). В них связываются между собой вещи, в действительности никак не связанные; например, корковые клетки связываются с функцией памяти, а нервные волокна – с ассоциацией идей. Соматические построения подобного рода в действительности ни на чем не основаны. Не существует никаких данных о наличии параллелизма между каким-либо конкретным мозговым процессом и столь же конкретным психическим феноменом. Локализация сенсорных областей в коре головного мозга или, скажем, локализация афазии в левом полушарии означают лишь, что эти участки должны быть целы, чтобы то или иное событие психической жизни могло иметь место. В сущности, это аналогично необходимости иметь неповрежденный глаз, двигательный механизм и т. п.; ведь это столь же важные «инструменты», обеспечивающие нормальное функционирование живого организма. Что касается неврологических механизмов, то здесь степень нашей информированности несколько выше; но мы все еще бесконечно далеки от обнаружения точного параллелизма между ними и тем, что происходит в психической жизни. Было бы большой ошибкой полагать, что открытие причин афазии и апраксии само по себе способно вывести нас в сферу психического; на эмпирическом уровне мы не имеем возможности выяснить, действительно ли между психическими и соматическими явлениями существуют отношения параллелизма или взаимодействия. Насколько мы вообще можем научно судить о психическом и соматическом, эти сферы отделены друг от друга необъятной областью промежуточных феноменов, о которых мы ничего не знаем. На практике мы можем говорить о параллелизме или взаимодействии (обычно – о последнем). Нам это дается достаточно просто, ибо всегда существует возможность преобразовать один ряд терминов в другой. Что касается тенденции переводить психологические феномены в соматические (воображаемые или реальные), то здесь уместно вспомнить слова Пьера Жана: «Мыслить анатомически там, где речь идет о психиатрии, – это значит не мыслить вообще».

4. *«Психологистические» и «интеллектуалистические» предрассудки*. Глубокое проникновение в предмет нередко приводит к возникновению *«психологистического» предрассудка*. Желание все «понять» порождает утрату критического осознания тех пределов, в которых вообще возможно психологическое понимание. Подобное происходит всякий раз, когда под влиянием ошибочного представления, будто для любого случая может и должна быть обнаружена действенная первопричина в опыте данного субъекта, «психологическое понимание» превращается в «причинное объяснение». Люди, не знающие психологии и склонные к соматической интерпретации, особенно предрасположены к тому, чтобы попасть в эту ловушку. Слишком многое в поведении больного приписывается злой воле или притворству; при этом ошибка врача состоит не столько в «психологизировании», сколько в морализаторстве. Некоторые врачи испытывают явную антипатию к лицам, подверженным истерии, и глубоко воз-

мущаются, когда им не удастся обнаружить хорошо известные физические признаки болезни. В глубине души они считают все это элементарным капризом и лишь в самых безнадежных случаях передают дело психиатру. Грубоватая, наивная тенденция к «психологизированию» обнаруживается как раз у тех, кто сторонится психологии или вообще не желает ее знать.

Психическая жизнь богата ситуациями, в которых люди действуют, казалось бы, целенаправленно и исходя из рациональных мотивов. Соответственно, широкое распространение получила тенденция усматривать «осознанную причинность» в любой человеческой деятельности. Но на деле рациональное поведение играет в действиях людей очень незначительную роль. Иррациональные порывы и эмоциональные состояния, как правило, превалируют даже в тех случаях, когда индивид пытается убедить себя в чисто логической мотивировке собственных действий. Преувеличенное стремление выискивать повсюду рациональные взаимосвязи порождает склонность к умствованию, то есть *«интеллектуалистический» предрассудок*, делающий безнадежными любые попытки достичь истинного и глубокого понимания человеческого поведения. Переоценка значимости чисто интеллектуальных рассуждений, противопоставляемых силам внушения (что проявляется, в частности, в отождествлении иррационального поведения больного с проявлениями шизофрении), приводит к игнорированию всего богатства человеческого опыта и человеческих переживаний.

5. *Склонность к ложным аналогиям.* Психическая жизнь объективируется благодаря речи, творческим импульсам, различным аспектам поведения, событиям соматической жизни и т. п. Но душа сама по себе не может быть предметом наблюдения; все, на что мы способны, — это представлять ее через *уподобления* и *символы*. Мы ее переживаем и осуществляем, мы знаем, что она присутствует внутри нас, но мы никогда не наблюдаем ее как таковую. Рассуждая о душе, мы неизбежно переходим на язык образов, оставаясь обычно в рамках трехмерного пространства; в сфере психологической мысли можно найти многочисленные образцы описания души с помощью пространственных символов и аналогий, как то: душа — это поток сознания; сознание подобно пространству, в пределах которого отдельные психические явления приходят и уходят, словно сценические персонажи; сознание есть пространство, уходящее бесконечно глубоко в бессознательное; душа имеет слоистую структуру, поскольку составлена из слоев сознания, переживаний, функций, характера; душа состоит из элементов в разнообразных сочетаниях; она приводится в движение некими фундаментальными силами; она разложима на факторы и компоненты; она имеет атрибуты, которые можно описать, привлекая для этой цели самые разнообразные пространственные аналогии. Такие пространственные образы имеют для нас неоценимое значение. Мы не можем обойтись без них; они не приносят никакого вреда до тех пор, пока мы продолжаем пользоваться ими в чисто описательных целях, то есть не пытаемся с их помощью что-либо доказывать. Но любая исходная аналогия вполне может быть принята за теоретически значимое построение и, таким образом, превращена в один из наших предрассудков; надо сказать, что подобное происходит достаточно часто. Яркие, образные аналогии настолько легко овладевают нашим разумом, что мы время от времени начинаем усматривать в них нечто большее, а именно — понятия, имеющие теоретическую ценность и, значит, способные объяснить сущность вещей. Так происходит, в частности, в тех случаях, когда душа разбивается на отдельные элементы, подобные атомам, или когда события психической жизни рассматриваются как механические движения (механистическая теория души), или когда психические взаимосвязи рассматриваются как ряды сочетаний, аналогичные химическим соединениям («психохимия»). Как бы там ни было, речь идет о проявлениях присущей человеку тенденции выдвигать мышление образами и метафорами на первый план и, таким образом, позволять ему функционировать в качестве особого рода предрассудка.

6. *Медицинские предрассудки, связанные с количественными оценками, объективными наблюдениями и диагностикой.* Предрассудок, связанный с *количественными* показателями, возник под влиянием точных наук. Согласно этому предрассудку, научным признается только

установление количественных взаимосвязей, в то время как исследование чисто качественных изменений рассматривается как область произвольных, субъективных и ненаучных спекуляций. Статистические и экспериментальные методы, основанные на использовании измерений, расчетов и графиков, доказывают свою безусловную полезность для решения некоторых частных задач; затем, однако, они выдвигаются на роль единственных методов, заслуживающих называться научными. Количественные понятия часто продолжают использовать даже тогда, когда соответствующие исследования невозможны; ясно, что при этом они полностью утрачивают смысл. Так, иногда всерьез утверждается, будто первопричиной навязчивых идей, истерических явлений, бреда и обманов чувств является «интенсивность» образных представлений: представления проецируются вовне только в силу того, что их интенсивность слишком высока.

При таком взгляде на вещи единственным подходящим для исследования считается объект, *который может быть воспринят органами чувств*. Конечно, исследование соматических событий и всякого рода внешних проявлений имеет большую ценность. и все же, чтобы проникнуть в сферу психического, нужно обладать непосредственным и живым ощущением качественно неповторимой души. Сами же события психической жизни доступны только опосредованному восприятию в тех формах, в которых они находят свое выражение. Эта самоочевидная истина может служить объяснением того, почему психопатология, ограничивая себя одними только чувственно воспринимаемыми моментами, неизбежно вырождается в «психологию без души».

Заключительным этапом психиатрической оценки заболевания является *диагноз*. Однако на практике – если отвлечься от самых известных разновидностей церебральных расстройств – диагноз выступает в роли наименее существенного фактора. Придавая ему первоочередное значение, мы тем самым предопределяем исход исследования согласно сложившимся в нашем сознании идеальным представлениям. Но в действительности самым важным является сам процесс анализа. Хаос явлений проясняется в результате нашей последовательной упорядочивающей деятельности, тогда как разного рода «этикетки», выступающие в качестве диагнозов, могут сделать ситуацию еще менее ясной. Психиатрические диагнозы слишком часто перерождаются в бесплодный бег по кругу, в результате которого лишь очень немногое попадает в сферу осознанных, научно обоснованных представлений.

(б) Предпосылки

В противоположность предрассудкам, предпосылки не предопределяют хода наших исследований, а обеспечивают по возможности адекватный подход к психической реальности. В эмпирических науках движущей силой любого исследования служит стремление к обнаружению реальности; посему, если речь заходит о соматических аспектах психиатрии, исследователь должен обращаться к гистологическим, серологическим и неврологическим фактам, не обращая внимания на обобщающие теоретические построения и спекуляции из области анатомии. В психопатологии фундаментальной реальностью для исследователя служит психическая жизнь – такая, какой она видится в формах поведения больного и в том, что можно заключить на основе его речевых проявлений. Нам следует ощутить, уловить и осмыслить все, что происходит в человеческой душе. Реальность, которую мы стремимся обнаружить, – это реальность душевной жизни; мы хотим познать ее во всей полноте взаимосвязей, до некоторой степени доступных чувственному восприятию подобно объекту естественных наук. Лишь постижение психической реальности способно придать нашим понятиям должную полноту; мы не можем позволить, чтобы эта реальность растворилась в пустых теоретических предрассудках и анатомических или иных построениях, выдвигаемых на ее место. Не может быть и речи об успешных занятиях психопатологией, если мы лишены решимости охватить психическую субстанцию во всей ее полноте.

Исследователь – это нечто большее, чем простоеместилище знания. Будучи живым человеком, он сам неизбежно становится инструментом собственного исследования. *Предпосылки*, без которых его работа была бы бесплодна, коренятся в самой его личности. Мы можем освободиться от предрассудков, разъясняя их; но мы должны правильно понять наши предпосылки. Предпосылки либо возникают как пробные идеи, которые мы затем принимаем в качестве экспериментальных гипотез, либо выступают как фундаментальные, неотъемлемые от самой нашей сущности показатели нашего отношения к миру. Они определяют духовную жизнь исследователя и ход развития его идей. Их нужно всячески культивировать; они требуют самого серьезного к себе отношения; их надо исповедовать. Сами по себе они не доказывают правильность той или иной догадки, но являются источником ее истинности и значимости.

Предрассудки (ложные) – это фиксированные, ограниченные предпосылки, ошибочно воспринимаемые как нечто абсолютное. Носители предрассудков едва ли отдают себе отчет в их природе; предрассудки обычно не осознаются, а их осознание служит залогом освобождения от их воздействия. *Предпосылки (истинные)* укоренены в самом исследователе и лежат в основе его способности видеть и понимать явления. Будучи высвечены сознанием, они воспринимаются лучше, яснее, адекватнее.

Важнейшую часть своего знания психопатолог черпает благодаря *общению* с людьми. Результаты этого общения зависят от того, насколько активно он, как врач, участвует в событиях, насколько ему удастся просветить не только своих больных, но и себя самого. Речь идет не о процессе индифферентного наблюдения, аналогичном снятию измерений с приборов, а о всеобъемлющем понимании, в котором участвует душа в целом.

Можно принять участие во внутренней жизни другого человека, попытавшись общаться с ним ролями; это своего рода драматическая пьеса, которая, однако, разыгрывается не на сцене, а в действительной жизни. Естественно, нужно внимательно вслушиваться в то, что говорят тебе другие, и при этом неизменно держать руку на собственном пульсе. Любой психопатолог в своей работе зависит от того, насколько развита и многогранна его способность видеть и сопереживать. Существует огромная разница между тем, кто, общаясь с больными, продвигается ощупью, и тем, кто уверенно, с открытыми глазами идет вперед, руководимый своими чувствами и интуицией.

Если мы хотим оставаться на почве науки, мы должны уметь объективировать эту способность души сопереживать другой душе. Сопереживание – это не то же, что знание; но, освещая вещи особым, проистекающим из самой его природы светом, именно оно предоставляет знанию необходимый материал. Совершенно индифферентное наблюдение проходит мимо сущности вещей. Беспристрастность и сопереживание неотъемлемы друг от друга и не должны рассматриваться как противоположности. Их постоянное взаимодействие – залог приумножения наших научных знаний. Душевная жизнь по-настоящему зрячего психопатолога характеризуется богатейшим разнообразием опыта и переживаний – разнообразием, которое он постоянно приводит в разумный порядок.

Критическое отношение к возможностям собственного разума в ситуации непосредственного контакта с объектами исследования побуждает ученого задаваться вопросами: «Как влияет состояние моего внутреннего мира на мое восприятие этих объектов? Сумел ли я верно оценить их значение как составных частей наблюдаемой действительности? Сквозь призму каких теоретических построений я их рассматриваю? Как они сами воздействуют на мое осознание бытия?» Чтобы адекватно оценивать факты, мы должны не переставая работать над собой – подобно тому как мы работаем со своим клиническим материалом. Полнотой обладает только то знание, благодаря которому «Я» познающего обретает новый масштаб; именно такое знание может выйти к новым горизонтам, за пределы элементарной практической деятельности, ограничивающейся подтверждением уже известного.

Каждый исследователь, каждый практикующий врач должен насытить свой внутренний мир самыми разнообразными восприятиями. Воспоминания о когда-либо виденном, конкретные картины клинических случаев, биологические соображения и догадки, важные встречи – короче говоря, весь накопленный опыт должен быть всегда наготове для того, чтобы обеспечивать материал для возможных сопоставлений. Кроме того, исследователи и практикующие врачи должны владеть набором дифференцированных понятий, чтобы иметь возможность выразить свою интерпретацию наблюдаемых явлений языком, понятным для других.

§ 4. Методы

В психиатрической литературе слишком много внимания уделяется всякого рода возможностям, субъективным и спекулятивным комментариям, которые не подтверждены реальным, осязаемым опытом. Поэтому, проводя собственные исследования и анализируя вклад других ученых, мы должны всегда спрашивать себя: «В чем именно состоят факты? Что именно мне удалось увидеть? Какими были исходные данные и к чему удалось прийти? Как толкуются факты? Сколько здесь чистой спекуляции? Каким опытом я должен обладать, чтобы продолжать развивать эти идеи в верном направлении?» Если представленные идеи не основываются на действительном опыте, ими, скорее всего, можно пренебречь как чем-то по существу бессодержательным. Любые идеи имеют смысл только в том случае, если они влекут за собой новые открытия или обогащают наши представления об уже известном, делая его более осязаемым для нас или позволяя полнее представить его контекст. Не стоит тратить время на разбор беспредметного нагромождения идей и искусственных построений. Если мы хотим осознанно и адекватно постичь самое главное, нам нужно оставаться в рамках настоящего эмпирического исследования и не переходить ту грань, которая отделяет его от бесплодных усилий, тавтологии, бесструктурных компиляций.

Любой прогресс в познании фактов означает также методический прогресс. Последний может быть осознан, но так происходит далеко не всегда. Не всякое выдающееся научное достижение предваряется настоящим осмыслением методов исследования – притом что такое осмысление способствует прояснению и систематизации добытого фактического знания.

Объект методического исследования – не действительность в целом, а нечто частное; отдельный аспект или перспектива, но не событие во всей его всеобъемлющей значимости.

(а) Технические методы

Мы обнаруживаем объекты своего исследования в клиниках, консультационных кабинетах, институтах, научных трудах, отчетах, исследовательских лабораториях и т. д. На начальном этапе исследования мы зависим от доступных нам фактов и способов, с помощью которых они были добыты. Чтобы сделать открытие, зачастую нужно всего лишь внимательно отнестись к наблюдаемым фактам. Специалист, первым осуществивший подсчет самоубийств и сопоставивший полученные цифры с такими показателями, как численность населения, время года и т. д., совершил открытие – пусть даже на первый взгляд то, что он сделал, кажется рутинной технической работой. Самое главное – уметь оценить значимость того, что доселе не обращало на себя особого внимания, и быть всегда начеку, дабы не упустить новых фактов.

1. *Исследование индивидуальных случаев («казуистика», Kasuistik).* Исследовательская работа в психопатологии основывается на беседах с больным, на углубленном знакомстве с его поведением и жестами, со свойственными ему способами общения.

Далее, мы черпаем информацию о больном из письменных источников, отражающих его теперешнее состояние и историю его личности. Мы используем записи самого больного, историю его жизни в изложении его самого или его родственников, официальные документы, отражающие его отношения с органами власти, сведения, предоставляемые его знакомыми, начальством и т. д.

Индивидуальные случаи остаются основным источником опыта, представляющего ценность для психопатологии. Описание таких случаев и составление историй болезни называют «казуистикой» (от латинского *casus* – «случай»). Методы казуистики сообщают нашим знаниям и наблюдениям необходимую основу.

Помимо этого общераспространенного, ясного и легко усваиваемого метода в психопатологии получили развитие методы, менее пригодные для повседневной исследовательской работы, но подходящие для изучения взаимосвязей. Это статистические и экспериментальные методы.

2. *Статистика.* Статистика в психопатологии⁸ появилась первоначально как метод социологического исследования (криминальная статистика, статистика самоубийств и т. д.). Затем статистические исследования были распространены на отдельные частные проблемы психиатрии, как то: продолжительность жизни при прогрессивном параличе, время от заражения сифилисом до первых признаков паралича, связь между возрастом и возникновением психозов, кривые распределения рецидивов в течение года и т. д. Наконец, статистика заняла существенное место в генетике, в изучении характерологических корреляций, в тестировании интеллектуального уровня, в учении о соматотипах. Стремление к точности, столь характерное для естественных наук, захватило и психопатологию, побуждая нас давать количественные характеристики всему, что может быть так или иначе подсчитано и измерено.

Статистические методы представляют собой самостоятельную важную проблему. Здесь мы ограничимся несколькими замечаниями.

(аа) В применении к *индивидуальным случаям* статистические данные никогда не приводят к окончательным выводам. Они имеют скромное значение, ибо в лучшем случае указывают на вероятность того или иного события. Классификация индивидуальных случаев на основании статистических данных недопустима. Так, знание процента смертности при операции не позволяет предугадать ее исход в каждом отдельном случае. Далее, знание корреляции между соматотипом и психозом не дает оснований для оценки того, насколько существенную роль играет соматотип в возникновении психоза в отдельно взятом случае. Часто статистические данные вообще ничего не значат.

(бб) Первоочередное значение имеет точное определение *исходного материала*. Если этот материал не получил четкого определения и не может быть идентифицирован любым другим исследователем в любой момент времени, подсчеты утрачивают смысл. Точный метод, основанный на неточных предпосылках, приводит к удивительнейшим в своем роде ошибкам.

(вв) В тех случаях, когда простое перечисление уступает место *математическим методам обработки данных*, для адекватной оценки результатов требуется высокая степень математической подготовки, равно как и высокоразвитый критический подход. Не следует упускать из виду логическую последовательность этапов исследования и его общую направленность; в противном случае можно слишком легко потеряться в кошмарном мире псевдоматематических абстракций.

(гг) Статистические данные позволяют определить *корреляции*, но не *причинные связи*. Статистика указывает на те или иные возможности и побуждает нас их интерпретировать. Интерпретация в терминах причинности должна основываться на верифицируемых гипотезах. Отсюда – опасность возникновения слишком большого числа вспомогательных гипотез. Следует четко представлять себе границы интерпретации. Мы должны сознавать, с какого момента начинается действие искусственно сконструированных

⁸ F. W. Hagen. Statistische Untersuchungen über Geisteskrankheiten (Erlangen, 1876). Из многочисленных поздних работ см., в особенности: Römer, Allg. Z. Psychiatr., 70, 804.

гипотез, будто бы объясняющих любые корреляции. Ни один случай не может оказаться в противоречии с такой гипотезой, ибо предполагаемые факторы, во всех возможных сочетаниях, приобретают универсальное значение; с помощью математики любые новые данные можно представить как подтверждение исходной гипотезы. В качестве образца вспомним хотя бы теорию периодичности биографических событий Фрисса (Friess). Но даже в случае относительно простых числовых сопоставлений опасность ложной интерпретации совершенно реальна. Числа всегда производят убедительное впечатление, и мы должны соблюдать всяческую осторожность, памятуя о полезной гиперболе: «С помощью чисел можно доказать все что угодно».

3. *Эксперименты.* Эксперимент начал играть в психопатологии весьма существенную роль. Так называемая *экспериментальная психопатология* рассматривается как отдельная ветвь нашей науки, как единственная собственно научная психопатология. Подобный подход кажется нам ошибочным. В некоторых обстоятельствах эксперименты могут выполнять функцию ценного дополнения, но получение экспериментальных результатов само по себе не может быть конечной целью науки. Экспериментальное исследование в психопатологии имеет ценность только в том случае, если оно осуществлено специалистом, имеющим психологическую подготовку и знающим, какие именно вопросы ему надо поставить и как именно следует оценивать полученные ответы. Экспериментальная практика может способствовать повышению технического мастерства, но сама по себе она не тождественна умению работать в области психологии. Практика психопатологов-экспериментаторов изобилует лженаучными опытами, результаты которых не содержат никакой информации. Опыты эти лишены сколько-нибудь отчетливой теоретической основы. Блестящие исследования Крепелина по динамике работоспособности, его измерения памяти, его ассоциативные эксперименты и т. д. представляют собой весьма ценный вклад в науку; с другой стороны, сравнивая результаты психопатологических исследований в целом с результатами, полученными в области экспериментальной психопатологии, Мебиус вполне справедливо (хотя и грубовато) оценивает последние как «мелкий хлам»⁹.

С точки зрения экспериментальной психопатологии главное – научиться находить закономерности в хаосе жизни и выражать их числами, графиками, схемами, таблицами, то есть понимать эти закономерности и иллюстрировать их. Умение представить факты в постижимой форме (то есть так, чтобы они могли быть повторно идентифицированы другими исследователями) есть начало всякой исследовательской работы.

Технические методы – эксперименты, подсчеты, измерения и т. п. – при работе с отдельными больными нередко приводят к очень полезным частным наблюдениям, хотя сами по себе они малопродуктивны. Так, тест на умственные способности может вызвать у пациента интересные поведенческие реакции, невыявляемые при обычном клиническом исследовании. Значение соматотипии состоит в том, что она влечет за собой подробнейшее исследование тела со всех возможных точек зрения – хотя сами по себе результаты измерений могут не иметь сколько-нибудь существенного значения. Мы можем легко ошибиться в оценках, отождествляя прямое назначение метода с его побочными результатами.

(б) Конкретно-логические методы постижения и исследования

В процессе познания мы то и дело прибегаем к одновременному использованию нескольких методов. В интересах научного осмысления этого процесса мы можем провести различия как между самими методами, так и между основными типами соответствующих им данных.

⁹ P. J. Möbius. Die Hoffnungslosigkeit aller Psychologie, 2 Aufl. (Halle, 1907).

Существуют три основные группы: «схватывание» (*Auffassung*) *отдельных фактов*; анализ *связей*; охват *целостностей*.

1. «Схватывание» *отдельных фактов*. Отдельные факты – это порождения живого потока психической реальности. Их бесконечное разнообразие может быть классифицировано различными способами в зависимости от того, какой именно метод используется для их отбора.

(аа) Первый шаг к научному познанию сферы психического заключается в отборе, разграничении, дифференциации и описании отдельных *переживаемых феноменов*. Затем эти феномены получают терминологические определения, что делает возможной идентификацию любых частных случаев. Иначе говоря, следует дать описание различных видов галлюцинаций, бреда, навязчивых явлений, различных типов личностного сознания, импульсов и т. п. В данном случае речь идет не об истоках феноменов, не о происхождении одних феноменов из других, не о теориях, объясняющих причины феноменов. Нас интересует только то, что мы непосредственно наблюдаем. Подобный способ представлять, разграничивать и определять психические события и состояния, позволяющий нам быть уверенными в том, что один и тот же термин всегда обозначает одно и то же, известен как *феноменологический* подход.

(бб) Феноменологический подход способствует только косвенному познанию материала. Мы всецело зависим от описаний, которые дает своему состоянию сам больной, и интерпретируем их по аналогии с нашими собственными переживаниями. Феномены этого рода могут быть названы *субъективными* – в противоположность *объективным* феноменам, которые могут быть непосредственно восприняты в своем наличном бытии. Объективные феномены обнаруживают себя во множестве совершенно различных форм; к их числу относятся, например, соматические проявления, сопровождающие события психической жизни (пульс в моменты возбуждения, расширение зрачков в моменты страха), изменение выражения лица под воздействием радостного или грустного настроения, количественные характеристики работоспособности, способности к запоминанию и т. п., формы поведения, поступки, плоды словесного и художественного творчества. Все эти объективные феномены помогают выявить основные типы объективных психических фактов.

Принято проводить различие между *субъективным* как непосредственным переживанием больного, доступным лишь косвенному восприятию наблюдателя, и *объективным* как всем тем, что может быть прямо обнаружено во внешнем мире. Но такая дифференциация допускает неоднозначное толкование. Смысл «объективного» варьирует в зависимости от того, что имеется в виду – измеримый пульс, доступная количественному выражению способность к запоминанию или осмысленная мимика. Покажем, какой именно смысл можно вкладывать в дихотомию «объективное – субъективное».

1. *Объективным* считается все то, что может быть воспринято *органами чувств*: рефлекс, регистрируемые движения, формы поведения и жизнедеятельности и т. д., любые измеримые способности, в том числе работоспособность, способность к запоминанию и т. д. Под *субъективным* подразумевается все то, что может быть понято в результате *проникновения* в глубь событий психической жизни или посредством выработки *интуитивного представления* о психическом содержании.

2. Рациональное содержание бреда и других сходных феноменов может считаться *объективным* в той мере, в какой оно может быть понято *чисто интеллектуальным* путем, то есть без интуитивного проникновения в глубь явлений. Соответственно, термин *субъективное* указывает на те действительно происходящие в психической жизни события, которые могут быть постигнуты

лишь благодаря *сопереживанию и вчувствованию*, – как, например, на первоначальное бредовое переживание.

3. Наконец, термин *объективное* может быть применен к определенной части того, что является как раз субъективным: к непосредственно воспринимаемым *внешним признакам* некоторого психического содержания (например, к выраженным в поведении больного признакам страха). Соответственно, *субъективным* считается то, что познается опосредованно, на основании *высказываний самого больного* (например, когда больной, не выказывая внешних признаков страха, сообщает нам, что он боится).

4. Существенное значение имеет то обстоятельство, что человек может не знать в точности, что именно происходит в его душе. Например, поведение больного может характеризоваться заторможенностью, что мы *объективно* отмечаем либо на основании замедления его реакции, либо на основании собственных ощущений от контакта с ним; сам же больной *субъективно* ничего этого не сознает. Чем менее дифференцирована психика больного, тем менее развита его способность к субъективному осознанию подобных моментов. Мы можем говорить о противопоставлении *объективной* и *субъективной* заторможенности или о противопоставлении объективной «скачки идей» субъективно переживаемому «наплыву мыслей» (ощущению разорванного, беспокойного и беспорядочного потока представлений).

5. Как объективные, так и субъективные феномены предоставляют материал для научного исследования, но противопоставление субъективного объективному имеет еще один аспект: *объективные* симптомы – это те симптомы, которые могут стать предметом проверки и обсуждения, тогда как *субъективные* симптомы неопределенны, не поддаются проверке, не могут быть предметом обсуждения, кажутся основанными на необъяснимых впечатлениях и чисто личностных суждениях.

2. *Исследование взаимосвязей (понимание [Verstehen] и объяснение [Erklären])*. Феноменология предоставляет в наше распоряжение ряд изолированных фрагментов того, что реально переживается индивидом. Другие исследования обеспечивают нас данными, относящимися к психологическим способностям, соматопсихологии, экспрессивной жестикуляции, психотическому поведению, содержанию внутреннего мира. Как связаны все эти разнообразные данные между собой? В некоторых случаях мы можем достаточно ясно понять, *каким образом одно событие психической жизни протекает из другого*. Так мы понимаем только то, что относится к области психики – например гнев человека, подвергшегося нападению, ревность обманутого мужа, связь действий и решений с мотивами. В феноменологии предметом анализа служат отдельные качества или состояния, извлеченные из подвижного контекста психической жизни; феноменологическое понимание по своей природе *статично*. Чтобы понять взаимосвязи, мы должны уловить динамику психического расстройства, психическую субстанцию в движении и многообразии внутренних соотношений, возникновение одних явлений из других. Таким образом, мы постигаем явления *в аспекте их происхождения, «генетически»* («понижающая психопатология») и получаем возможность дать им собственно психопатологическое истолкование. Мы понимаем как то, что переживается субъективно, так и то, что доступно нашему непосредственному наблюдению в своем объективном выражении; отдельные движения, поступки, творческие акты, элементы внутреннего мира наших больных, первоначально воспринятые нами статически, теперь становятся доступны нашему пониманию с точки зрения генетических связей.

В широком смысле «понимание» имеет два разных значения – *статическое* и *генетическое*. *Статическое* понимание обозначает представление о психических состояниях, объективацию психических качеств; именно этим типом понимания мы будем руководствоваться в разделах, посвященных феноменологии, психологии чувства и т. д. Во второй части книги мы займемся *генетическим* пониманием, то есть сопереживанием, вчувствованием, толкованием значения психических взаимосвязей и происхождения одних психических явлений из других. Прилагательное «статическое» или «генетическое» будет добавляться к слову «понимание» только в тех случаях, когда последнее допускает неоднозначную интерпретацию; в остальном мы будем ограничиваться употреблением термина «понимание» без поясняющих эпитетов, в одних разделах книги имея в виду статическое, в других – генетическое понимание.

В психопатологии генетическое понимание (или, что то же самое, объяснение психологически понятных взаимосвязей) быстро достигает своего *предела*. (Этот процесс мы могли бы именовать «психологическим объяснением», но только при условии, что мы не будем смешивать его с принадлежащим совершенно иному смысловому ряду объективным причинным объяснением – толкованием причинных связей в строгом смысле.) Психические явления возникают внезапно, как нечто совершенно новое, совершенно непонятным нам образом. Кажется, что одно событие психической жизни следует за другим беспричинно; в чередовании событий редко удастся усмотреть генетическую связь. Как стадии психического развития у здоровых людей, так и фазы и периоды психической жизни у душевнобольных трудны для понимания и кажутся просто чередующимися во времени состояниями. Столь же трудно генетически понять всю полноту психической жизни личности в ее мгновенном состоянии. Мы можем лишь прибегнуть к *причинному объяснению* – по аналогии с теми явлениями, которые изучаются естественными науками и, в отличие от явлений психологического ряда, наблюдаются не «изнутри», а «извне».

Дабы соблюсти полную ясность, мы должны использовать термин «понимание» (Verstehen) только в применении к пониманию событий психической жизни «изнутри». Данный термин не будет использован с целью оценки объективных причинных связей, которые, как мы уже говорили, могут быть увидены только «извне». Для них у нас есть другой термин – «объяснение» (Erklären). Содержание этих двух терминов будет проясняться по мере того, как мы будем обогащать наше изложение конкретными примерами. В спорных или неопределенных случаях, допускающих взаимозаменяемость обоих терминов, мы будем прибегать к термину «постижение» (Begreifen). Возможность систематического и «зрячего» исследования в психопатологии всецело зависит от осознания того обстоятельства, что мы имеем дело с двумя парами противоположностей: статическое понимание противопоставлено внешнему чувственному ощущению, тогда как генетическое понимание – причинному объяснению объективных связей. Это совершенно различные, последние источники знания.

Некоторые исследователи склонны полагать, что психологические источники знания не имеют никакой научной ценности. Эти исследователи готовы признать «объективным» только то, что может быть воспринято чувствами, но не то, что может быть осмыслено и понято с помощью чувств. Эту точку зрения невозможно опровергнуть, поскольку не существует

никаких доводов, согласно которым тот или иной источник знания мог бы считаться предельным или «последним». Но, как бы там ни было, придерживаясь определенной позиции, нужно сохранять ей верность до конца. Исследователи, которых мы имеем в виду, должны были бы воздерживаться от разговоров о психическом и даже от мышления в терминах психического. Оставив психопатологию, они должны были бы заняться изучением мозговых процессов и общей физиологии. Им лучше было бы не выступать в качестве судебно-психиатрических экспертов, поскольку они в этом деле ничего не смыслят: компетентное мнение они могут высказать разве что о мозге, но ни в коем случае не о душе. Их помощь в качестве экспертов может быть полезна только на уровне чисто соматических исследований. Они должны отказаться от составления историй болезни. Перечень того, чем они не должны были бы заниматься, этим не исчерпывается. Подобная верность избранной позиции могла бы заслужить уважение и право называться настоящей наукой. Но нам куда чаще приходится слышать протесты, сомнения и упреки в субъективизме. Все это слишком похоже на бесплодный нигилизм людей, убеждающих себя в том, что в их некомпетентности виноват предмет их исследования, а не они сами.

3. *Постижение целостностей.* Любое исследование различает, разделяет, делает своим предметом особенное и отдельное и пытается найти в нем всеобщее. Но в действительности источник всех этих разделений – целое. Познавая особенное, мы не должны забывать о целом, в составе которого и благодаря которому оно существует. Но целое воплощается в предметном мире не непосредственно, а лишь через отдельное; объективируется не сущность целого, а лишь его образ. Целое как таковое остается идеей.

В связи с категорией целого мы можем утверждать следующее: целое предшествует своим частям; целое не сводится к сумме частей, а представляет собой нечто большее; целое есть самостоятельный и первичный источник; целое есть форма; соответственно, целое не может быть познано только исходя из составляющих его элементов. Целое может сохраниться, даже если его части утрачиваются или меняются. Невозможно ни вывести целое из частей (механизмизм), ни вывести части из целого (гегельянство). Следует предпочесть точку зрения, согласно которой части и целое находятся в отношении полярности: целое должно рассматриваться сквозь призму составляющих его элементов, тогда как элементы – с точки зрения целого. Невозможно синтезировать целое из элементов, равно как и дедуцировать элементы из целого. Бесконечное целое есть взаимозависимость элементов и относительных целостностей. Мы должны предпринять бесконечный анализ, в процессе которого любой анализируемый объект необходимо связывать с соответствующей ему относительной целостностью. Например, в биологии все частные причинные связи обретают свою согласованность благодаря взаимодействию внутри целостности живого. Психологическое (генетическое) понимание (толкование психических связей) расширяет «герменевтический круг»: мы понимаем целое, исходя из частных фактов, и это, в свой черед, предопределяет наше понимание фактов.

Та же проблема возникает и в *соматической медицине*. В прежние времена, когда причина болезней приписывалась демонам, существовала жесткая дихотомия: человека считали либо полностью здоровым (то есть свободным от власти демонов), либо полностью больным (то есть всецело одержимым демонами). Затем настало время одного из величайших научных достижений в истории человечества: обнаружилось, что организм не бывает болен как таковой, то есть как некая целостность: заболевание сосредоточивается в том или ином анатомическом органе или биологическом процессе, откуда оно оказывает воздействие на другие органы, функции или даже на весь организм. Были открыты реактивные и компенсаторные отношения между болезненными отклонениями и соматической субстанцией в целом; они были иденти-

фицированы как проявления жизненного процесса, направленного на исцеление организма. Возникла возможность провести различие между чисто локальными болезнями, не оказывающими влияния на остальные части тела, – пользуясь вольной терминологией, их можно было бы назвать «изъянами» (*Schönheitsfehler*), – и расстройствами, воздействующими на соматическую субстанцию в целом, которая отвечает специфическими реакциями. Вместо бесчисленных болезней с неопределенными признаками, которым по неразвитости научных представлений приписывалось поражающее воздействие на организм в целом, удалось описать ряд четко отграниченных друг от друга заболеваний, ведущих свое происхождение из различных источников. Правда, существует достаточно важная группа соматических расстройств, укорененных, казалось бы, в общей предрасположенности (конституции) организма. Но можно утверждать, что в конечном счете любые идентифицированные расстройства всегда так или иначе связаны с конституцией – то есть, в сущности, со сложным, многосоставным единством неповторимого живого организма.

Эта противоположность целого и частей действительна и для постижения *психической жизни*. Но в этом случае с научной, методологической точки зрения все выглядит куда более неопределенно, многомерно и многогранно. о взаимоотношении частей и целого речь идет во всех главах настоящей книги. В некоторых особо важных местах смысл целостности будет затронут подробнее, но основной темой она станет в четвертой части (как эмпирическая целостность психической жизни) и в шестой части (как объемлющая целостность [*umgreifende Ganze*], которая выходит за пределы эмпирически постигаемого). Пока же ограничимся несколькими предварительными замечаниями.

Говоря о «человеке в целом» (или «целостности человеческого», *das Ganze des Menschseins*; см. часть VI настоящей книги), мы имеем в виду нечто бесконечное и, по существу, непостижимое. В состав этой целостности входит огромное число отдельных психических функций. Возьмем, к примеру, какую-нибудь яркую частность: дальтонизм, отсутствие музыкального слуха или феноменальную память на числа; можно сказать, что во всех подобных случаях речь идет о своеобразных отклонениях души, способных оказывать свое воздействие на личность в целом в течение всей ее жизни. Аналогично, мы можем рассматривать другие частности как изолированные функции души, то есть как ее «органы» или «инструменты», обеспечивающие личность разнообразными возможностями; связанные же с ними отклонения от нормы (например, отклонения от нормальной функции памяти) мы можем противопоставить отклонениям совершенно иного рода, с самого начала укорененным в личности в целом, а не в какой-то частной области психики. Например, у некоторых больных мозговая травма приводит к тяжелым дефектам памяти, расстройствам речи и параличу, явно разрушительным для личности как таковой. Но при внимательном рассмотрении и при некоторых благоприятных условиях можно различить первоначальную, еще не тронутую изменениями личность, лишь на время «выведенную из строя» или утратившую способность к самовыражению. В потенции она сохраняет свою целостность нетронутой. С другой стороны, нам приходится сталкиваться с больными, чьи «инструменты» (то есть, в данном случае, отдельные душевные функции) кажутся достигшими вполне нормального развития, но при этом сами больные как личности выказывают явные (хотя нередко почти не поддающиеся определению) отклонения от нормы. Именно поэтому психиатры старшего поколения называли душевные болезни «заболеваниями личности».

Эта противоположность души в целом и составляющих ее частей полностью соответствует человеческой природе; но она не является единственным направлением нашего анализа. В процессе психологического исследования приходится сталкиваться с множеством разнообразных элементов и относительных целостностей. Отдельные феноменологические элементы противопоставляются целостности мгновенного состояния сознания, отдельные проявления способностей личности — всему комплексу ее способностей, отдельные симптомы – типичным

синдромам. Что касается более многогранных и сложных целостностей, то к их числу относятся конституция, природа болезни (нозология) и целостная история жизни личности. Но даже эти эмпирические целостности относительны и не тождественны целостности «человеческого». Последняя охватывает все эмпирические (относительные) целостности и проистекает из свободы, трансцендентной по отношению к человеку как объекту эмпирического исследования.

Анализ и поиск связей между частностями способствует прогрессу науки; но, ограничиваясь только этим, исследовательская работа перестает быть продуктивной и вырождается в простое, необременительное перечисление. Наука должна всегда руководствоваться идеей объединяющей целостности, не соблазняясь надеждой на возможность непосредственного соприкосновения с этой целостностью. У всякого, кто испытывает иллюзии на этот счет, неизбежно развивается склонность к красивым фразам, а его горизонты стремительно сужаются из-за ложного представления, будто ему удалось полностью овладеть целостностью души и ее всеохватывающими силами. В нашей исследовательской работе мы должны всегда иметь в виду эту объемлющую целостность «человеческого» и помнить, что любой объект нашего анализа есть не более чем частный аспект, нечто относительное – независимо от того, насколько многогранным объект этот может показаться в своей эмпирической целостности.

Что такое человек на самом деле – это величайшая, предельная проблема любого знания.

(в) Неизбежность формально-логических ошибок и их преодоление в процессе исследования

Сплошь и рядом приходится сталкиваться с ситуацией, когда факты и ход мыслей «правильны», но знаний не прибавляется. Каждому исследователю знакомо ощущение, что он находится на ложном пути. Нам следует научиться осознанному отношению к подобным неприятностям, препятствующим нормальному ходу научной работы. Я постараюсь обрисовать некоторые из них.

1. Соскальзывание в бесконечность.

(аа) Предположим, что, составляя *истории болезни*, я стараюсь всячески отвлекаться от критических суждений и описывать *все* – то есть заносить на бумагу все то, что говорит больной, и стремиться собрать все известные данные. Тогда мои истории болезни скоро станут не чем иным, как бесконечными описаниями; если же я проявлю повышенную добросовестность, они превратятся в гигантские тома, которые никто не станет читать. Накопление массы данных не может быть оправдано соображением, что будущие исследователи взглянут на все это с какой-нибудь новой, свежей точки зрения. Очень редко удастся хорошо описать тот или иной факт, не имея интуитивного представления о его возможном значении. Бесплодных действий такого рода можно избежать только при условии, что мы умеем более или менее отчетливо дифференцировать главное и второстепенное и формулировать принципы сбора и представления данных. Упрощенная схематизация процесса совершенно бесполезна, хотя и не лишена известной внешней привлекательности.

(бб) Один из самых надежных способов установить факты – *осуществить подсчет того, что может быть подсчитано*. Но ведь так мы можем считать до бесконечности. Хорошо известно, что числа способны вызывать повышенный интерес (особенно у тех, кто только начинает иметь с ними дело); они, однако, имеют смысл только при условии, что их можно сопоставлять друг с другом с различных точек зрения. Но и это еще не все.

Самое главное – обратить весь процесс счета на пользу исследовательской идее, которая поможет проникнуть в глубь действительности, а не просто будет переведена в форму бесконечного ряда цифр. Известно множество сложных экспериментальных исследований, изобилующих цифрами, но при этом совершенно бессодержательных; это происходит потому, что в их основе нет руководящей идеи, способной вовремя остановить бесконечный поток чисел и сообщить работе методологически четкую форму.

(вв) Широкое распространение получила практика подсчета *корреляций* между двумя рядами фактов; коэффициент корреляции может варьировать от единицы (полное соответствие) до нуля (полная независимость). Статистическому исследованию на предмет выявления корреляций подвергаются характерологические признаки, способности, наследственные факторы, результаты тестирования. Обнаруженные корреляции часто производят вполне удовлетворительное впечатление; они кажутся убедительным доказательством в пользу существования неких действительных взаимосвязей. Но если они множатся до бесконечности и к тому же, в каждом отдельном случае, имеют лишь скромное значение, их ценность теряется. В конце концов, корреляции – это не более чем поверхностные факты, итоговые эффекты, не способные сообщить ничего существенного о взаимосвязях, действующих по ту сторону массовой статистики. В этом мире почти нет вещей, между которыми так или иначе не существовало бы взаимной связи. Факты приобретут смысл, а бесконечное накопление корреляций будет остановлено только в том случае, если мы сумеем стать на разумную точку зрения, проистекающую из теоретического опыта множества научных дисциплин и оплодотворенную свежей мыслью. Здесь также действует принцип, согласно которому красота представления фактов сама по себе не должна ослеплять. Чтобы избежать соскальзывания в бесконечность, нужно усвоить подходящий методологический принцип.

(gg) Еще один по существу мертворожденный, но предполагающий весьма многословное изложение подход состоит в перечислении всех элементов действительности и объяснении последней через *комбинирование и перестановку* этих элементов. Даже при условии своей полной логической корректности такой подход не способствует познанию нового и важного. Чем прибегать *ad hoc* к комбинаторике, не понимая толком, каков ее смысл, лучше иметь в своем распоряжении нужную формулу и по мере надобности выводить из нее все, что только возможно.

(dd) Пытаясь в процессе исследования *физиологии рефлексов* определить все возможные сочетания отдельных условных рефлексов, мы легко можем угодить в бесконечный лабиринт из-за огромной сложности взаимоотношений между обуславливающими друг друга элементарными рефлексам. Преодолеть эту бесконечную цепь взаимосвязей и взаимообменов можно только на основе знания об интеграции рефлексов; пониманию принципа этой интеграции будет способствовать ряд хорошо отработанных экспериментов. Такое знание проливает свет на бесконечный процесс и позволяет увидеть лежащий в его основе общий принцип.

(ee) Вообще говоря, с перечислениями мы встречаемся во всех областях науки. Бесконечно описываются и комбинируются клинические синдромы, множатся феноменологические описания и тесты по проверке способностей и т. п.

В научной работе мы снова и снова проходим одни и те же стадии. Сначала нам надо поставить перед собой некоторую задачу, а затем отправиться в длительное путешествие. После бесчисленных попыток нам надо так прочувствовать итог наших усилий, чтобы – насытившись всем накопленным в пути – в конечном счете обрести идею, помогающую установить порядок и отличить существенное от побочного и второстепенного. Любое истинное открытие – это победа над бесконечностью. Для ученого, каким бы старательным и трудолюбивым он ни был, самая непростительная ошибка заключается в забвении этого обстоятельства и бесплодном повторении одной и той же работы. Мы должны всегда сохранять способность удивляться и вовремя останавливаться, чувствовать, чем чревата наша работа, и находить в этом опыте бесконечности начало новых возможностей. Правда, время от времени все же приходится соскальживать в бесконечность. За любым фрагментом оригинального исследования следует долгий ряд повторяющихся опытов с использованием другого материала, кропотливая работа, призванная подтвердить обнаруженное ранее или расширить наши представления; так продолжается до тех пор, пока бесплодность дальнейших повторов не становится очевидной. Но продвижение вперед в ритме истинного, полноценного научного исследования проистекает из периодического оплодотворения нашего сознания новыми идеями, с помощью которых мы получаем возможность разгадать загадки, дотоле ставившие нас в тупик. Четкая постановка вопросов – залог того, что на эти вопросы будет получен ответ.

Этот разговор об опасности впасть в бесконечное повторение исходит из знания о том, что все действительное в своем наличном бытии бесконечно – так же как и все мыслимое в своих возможностях. Познание состоит в открытии подходов, с помощью которых мы могли бы, отталкиваясь от конечных результатов, *овладеть этой бесконечностью и преодолеть ее*. При этом наше прозрение бесконечности, несмотря на всю свою неизбежную ограниченность, будет соответствовать сути вещей при условии, что наши подходы будут органически вырастать из реальности, а не насильственно навязываться ей.

Существует множество типичных ситуаций, в которых исследователю грозит опасность потерять из виду цель своих усилий. Опишем некоторые из них.

Бесконечное умножение вспомогательных конструкций. Для интерпретации наблюдаемых фактов мы нуждаемся в рабочих понятиях. Они не имеют ценности сами по себе, а нужны лишь в качестве средств для расширения нашего знания; с их помощью мы сумеем верно поставить вопросы и развить исследование в правильном направлении. Часто эти понятия наделяются известной собственной значимостью, причем это происходит, как правило, совершенно неосознанно. Мы упорствуем в разработке все более и более масштабных концепций, развитии и усложнении теоретических построений – и все это ради самого процесса построения концептуального аппарата. Стоит внимательно изучить существующую литературу по психиатрии, чтобы убедиться, как много в ней беспредметной игры в концепции, не подкрепленной опытными данными. Теоретические возможности сами по себе бесконечны. Их развертывание – это своеобразная интеллектуальная игра; оценивать ее ход, приемы и степень убедительности – дело вкуса. Но для того, чтобы не утратить смысла, эта игра должна находиться под постоянным контролем. Предел может быть положен, если мы возьмем на себя труд оценить меру соответствия теоретической концепции действительности и ее способность содействовать дальнейшему прогрессу нашего исследования. Но это не может быть осуществлено в ходе непродуктивной игры с уже известными опытными данными. Безвозвратно уводя нас от живого опыта, такая игра в лучшем случае сводится к конструированию воображаемых миров. Значит, любой метод должен интересовать нас прежде всего со следующей точки зрения: способствует ли он росту объема и глубины нашего знания и его адекватному оформлению, повышает ли он меру нашей феноменологической проницательности? Расширяет ли он границы нашего опыта, обостряет ли он наше техническое мастерство? Или наоборот, он ведет в пустоту

абстракций, в мир, где мы рискуем заблудиться среди идей и схем, бесконечно далеких от того, что мы привыкли видеть и делать?

Мнимая бесконечность возможного. Если все без исключения сочетания и вариации, содержащиеся в известном нам фактическом материале, теоретически интерпретируются нами абсолютно непротиворечиво – значит, мы попали в очередную ловушку, ибо, пытаясь объяснить все, не объясняем ничего. Любая теория, обладающая объяснительной силой, рано или поздно сталкивается с противоречащими ей реалиями. Для объяснения последних разрабатываются вспомогательные теории, и в конце концов число предпосылок возрастает настолько, что никаких непредусмотренных возможностей не остается. Похоже, что все выдающиеся теории, в тот или иной период господствовавшие над умами, становились жертвами этой предательски волшебной игры. Теории, объясняющие «все» и, значит, не объясняющие ничего, предоставляют верующему в их силу лишь возможность бесконечного применения их к самым различным случаям и бесконечного же комбинирования. Как только объяснение становится слишком сложным, исследователь должен насторожиться – иначе, обманутый бесконечностью возможностей этой теории, он незаметно для себя переродится во «всезнайку», обреченного на бесконечную тавтологию.

Неумеренное использование литературных источников. Любой исследователь хочет знать то, что было сделано его предшественниками. Занимаясь той или иной областью науки, нужно хорошо ориентироваться в соответствующей литературе, но процесс совершенствования познаний в этом направлении может растянуться до бесконечности. Следовательно, мы должны придавать существенное значение только отбору и сопоставлению идей, мнений и индивидуальных различий. Эта работа также может приобрести нескончаемый характер, если: а) терминологические и фразеологические различия между литературными источниками заслоняют от нас существующие между ними точки соприкосновения, б) от нашего внимания, в силу нашей некритической веры в достигнутые наукой успехи, ускользнет неполнота исследования в том или ином аспекте, в) смелость авторских идей превзойдет уровень выдвигаемой автором аргументации, г) весь корпус существующей литературы не будет воспринят с критических позиций. Перед лицом огромного объема скопившейся к настоящему времени литературы по психиатрии мы должны обладать достаточно высокоразвитой способностью к различению, чтобы не путать «сизифов труд» с накоплением и приумножением знания в истинном смысле.

2. *Тупиковые ситуации, порождаемые абсолютизацией отдельных аспектов.* Почти любые методы и объекты, будучи рассмотрены под определенным углом зрения, могут убедить нас в своей исключительной важности, незаменимости, абсолютной значимости. Стоит ощутить, что мы находимся на верном пути, как в нас развивается стремление подчинить все наши открытия и находки одной-единственной точке зрения, которая отныне перестает рассматриваться просто как некий частный метод работы и обретает самостоятельное онтологическое значение. Мы начинаем верить в то, что нам удалось достичь правильного понимания действительности, и забываем, что на деле мы просто используем ряд разнообразных методических подходов. Частичное знание мы начинаем трактовать как абсолютное, упуская из виду, что любое знание частично и касается лишь отдельных сторон действительности. Чтобы избежать этой ловушки, нужно четко осознавать различия между отдельными методами и точками зрения и уметь сопоставлять их друг с другом – скажем, биологические методы с социологическими и наоборот, или исследование психической жизни с анатомией мозга, или нозологию с феноменологией. Абсолютизируя собственную точку зрения, мы лишь порождаем очередной предрассудок.

В психопатологии и психологии теории также вырастают из ложным образом удовлетворяемой потребности объяснять целое с некоторой частной точки зрения, с помощью ограниченного числа элементов. В результате конструируются «системы», то есть определенные

структурные рамки и обширные классификационные схемы, которые, казалось бы, нуждаются лишь в дальнейшей детализации. Образцом для всех подобных случаев служат естественно-научные теории. Мы же, напротив, требуем систематического охвата всех существующих методов и точек зрения и настаиваем на их дифференциации; не должно быть обобщений, выходящих за некоторые четко поставленные пределы, а в этих пределах методы должны использоваться со всей возможной систематичностью и строгостью.

С самого начала настоящая книга мыслилась как противоположность фанатичным учениям из разряда тех, что всячески готовы потакать человеческой потребности в абсолюте. В процессе научного исследования или рассмотрения всех возможных следствий, вытекающих из его результатов, абсолюты могут быть необходимы; более того, они могут очень многое подсказать исследователю-энтузиасту в ключевые моменты его работы. Но если мы хотим нарисовать хоть сколько-нибудь разностороннюю картину, от этой практики следует отказаться. Главное – не поддаваться фанатизму; а кто от него гарантирован? Но только при соблюдении этого условия теория может возникнуть из правильного понимания целого, а не из какой-то частной истины, произвольно возведенной в ранг абсолюта. Целое, служащее предметом нашего поиска, никогда не бывает завершенным. В противоположность замкнутости и завершенности теоретических построений, целое указывает на множество устремленных в бесконечность путей, расходящихся в разных направлениях от одного будто бы познанного объективного принципа. Оно подсказывает возможности дальнейшего продвижения вперед в различных плоскостях и побуждает нас быть начеку и не терять необходимого минимума дальновидности, одновременно не давая растратить тот запас систематического знания, который был накоплен прежде.

Но приведение всего разнообразия открытий и находок, достигнутых в процессе исследования, к единству – это весьма деликатное дело. Ученым вообще свойственно считать, что они, и только они, способны дать верную интерпретацию фактическим данным, относящимся к области их профессиональных занятий. Они отвергают право на вмешательство со стороны тех, кто, не имея опыта работы в данной области, позволяет себе выступать с самостоятельными суждениями. Они, почти не задумываясь, отмахиваются от аргументов, обусловленных объективной интерпретацией соответствующей области науки в целом, считая такие аргументы чисто теоретическими. Любая унификация, основанная на онтологических принципах, действительно способна привести лишь к искажению общей картины; но, как уже было сказано, наш подход не имеет формы универсальной теории, стремящейся объяснить все явления. Он облечен в форму обширной методологии, в которой найдется место любому знанию. Такая методология должна строиться как открытая система, постоянно вбирающая в себя все новые и новые методы.

Вся концепция настоящей книги основана на отторжении любых попыток создавать абсолюты, избегании любых форм дурной бесконечности и преодолении любых неясностей; в то же время мы надеемся не упустить никаких существенных элементов развивающегося опыта и не ошибиться в их оценке. Мы хотим добиться того, чтобы любое новое знание было верно понято и нашло свое естественное место в структурных рамках нашего метода.

3. *Ложное понимание, обусловленное терминологией*. Точное знание всегда прибегает к ясным терминам. Удачно или неудачно подобранные формулировки имеют исключительно важное значение, поскольку во многом определяют меру действенности и понятности наших открытий. Но только там, где знание достигло достаточной ясности, терминология соответствует действительности и отражает суть дела. В психологии и психопатологии существует постоянно возобновляемая потребность в унифицированной терминологии, и трудность заключается не столько в словах, сколько в самих понятиях. Четкость понятий – залог того, что и с терминологией все будет в порядке. При нынешнем положении дел создание научной терминологии путем созыва соответствующего комитета кажется совершенно неосуществимым делом. Мы все еще не можем говорить о всеобщем признании необходимых понятий. Нам остается только рассчитывать на то, что авторы научных трудов по психопатологии знают, какие именно понятия выдающиеся ученые связывают с теми или иными терминами; мы можем надеяться также, что авторы эти будут соблюдать аккуратность в использовании слов, постоянно связывая их с одними и теми же конкретными понятиями. В настоящее время ученые, не колеблясь, используют в своих трудах новые слова, в обычном употреблении наделенные весьма высокой степенью многозначности. Кроме того, часто делаются бесплодные попытки заменить настоящую исследовательскую работу искусственным обогащением научного лексикона.

(г) Зависимость психопатологических методов от других наук

Медицина – это лишь один из источников психопатологии. Психопатологические явления могут быть переосмыслены также как *события биологического ряда*, если рассматривать их с точки зрения биологической теории (например, с точки зрения генетики); это допустимо в той мере, в какой человеческая жизнь и душевные болезни вообще поддаются анализу методами биологии. Только после четкого установления границ биологического познания можно начинать обсуждение того, что свойственно человеку как таковому.

Когда объектом исследования становится человек во всей полноте «человеческого», а не просто человек как биологический вид, психопатология обнаруживает свойства гуманитарной науки. Психиатрия вводит врача в мир, лежащий по ту сторону уже знакомых ему дисциплин. Основой его образования служат главным образом химия, физика и физиология; психиатрия же предполагает совершенно иную основу. Вот почему психиатрия, практикуемая врачами без гуманитарной подготовки, не производит впечатления полноценной, систематически разработанной научной дисциплины. Молодые врачи обучаются психиатрии более или менее случайно, а многие психиатры демонстрируют дилетантский уровень подготовки.

Психопатологии нужно обучаться специально, причем следует не просто стараться понять труды других ученых, но делать это по возможности методично, с разумной уверенностью и, одновременно, самостоятельно продвигаясь вперед¹⁰. В существующей литературе можно найти множество ложных суждений по данному вопросу. Средний психиатр официально признается экспертом только в области церебральной патологии, соматических, судебных, административных проблем, а также в вопросах, связанных с оформлением опекунских отношений.

Согласно Канту¹¹, судебная экспертиза по вопросам вменяемости должна подлежать компетенции философского факультета. С чисто логической точки зрения это, пожалуй, правильно, но на практике такое требование неосуществимо. Душевнобольными должен зани-

¹⁰ Külpe. Medizin und Psychologie. – Z. Pathopsych., 1 (1912).

¹¹ Kant. Anthropologie, 51.

маться врач, ибо здесь не обойтись без знания соматической медицины. Соответственно, именно врач должен заниматься сбором фактических данных, нужных суду. Но сказанное Кантом имеет свою ценность, поскольку постулирует необходимость для компетентного психиатра иметь такую подготовку, которая была бы сопоставима со знаниями, получаемыми на философском факультете. Простое заучивание той или иной философской системы и ее механическое применение (с чем неоднократно приходится сталкиваться в истории психиатрии) не могут служить данной цели. Более того, это даже хуже, чем полное отсутствие философской подготовки. Но настоящий психиатр должен усвоить некоторые точки зрения и методы, принадлежащие сфере наук о духе.

В психопатологии, как в фокусе, сосредоточиваются методы почти всех наук. Здесь находят свое применение такие разнообразные дисциплины, как биология и морфология, различные виды измерений и вычислений, статистика и математика, гуманитарные науки, социология. Зависимость от других областей знания и умение соответствующим образом адаптировать заимствованные из них методы и понятия имеют важное значение для психопатолога, предмет интересов которого – «человеческое» и, в частности, «человеческое» в состоянии болезни. Сущность психопатологии как определенной области научного исследования выявляется только в рамках сложной, многоэлементной структуры, объединяющей все смежные дисциплины. Конечно, заимствованные методы могут терять свою значимость и нередко используются не по существу, порождая своего рода ложную методологию (что является безусловным недостатком). и все же психопатология не может обойтись без использования методов, достигших высокой ступени развития в других областях: ведь благодаря им достигается большая ясность в определении и понимании предмета ее исследования – единственного в своем роде и незаменимого для нашего проникновения в сущность мира и человеческой природы.

Для осуществления психопатологических исследований общество предоставляет такие каналы, как практическая работа в больницах, санаториях и других учреждениях соответствующего профиля, а также общемедицинские и психотерапевтические консультации. Научное знание возникает прежде всего как результат «практической потребности» и чаще всего так и не выходит за пределы этой потребности. Сравнительно редко – но именно поэтому с очень весомыми последствиями – жажда фундаментального знания побуждает выдающихся исследователей расширять горизонты своих поисков.

(д) Требования к методам: методологическая критика и дезориентирующие подходы

Чего мы можем ждать от наших методов? Они должны помогать нам в обосновании наших познаний, в углублении нашего мировоззрения и, одновременно, в расширении границ нашего опыта. Они должны способствовать нашему постижению причин и следствий и указывать на понятные взаимосвязи, реализация которых связана с психопатологическими предпосылками. Они не должны отягощать нас чисто умозрительными возможностями, отвлеченными от наблюдений и непосредственного практического опыта; их ценность должна подтверждаться в той мере, в какой они смогут способствовать правильной оценке событий, истекающих из наших контактов с людьми, равно как и нашему умению влиять на ход этих событий.

Основания нашей науки нуждаются в периодической проверке, и для этой цели критическое рассмотрение методов может оказаться весьма полезным. В процессе такой критики методов мы учимся отличать истинное знание от ложного, полученного в результате применения неверного метода. Такая критика помогает понять внутреннюю организацию нашего знания. Она совершенствует методы нашего анализа, делает их более удобными и ясными.

Любому научному подходу свойственны свои «ловушки», и методология в этом смысле не составляет исключения. Она легко может вырождаться в пустую, чисто умозрительную последовательность проверок и перепроверок. Такая поверхностная игра числами или понятиями приводит к разрушительным последствиям. Истинный источник любого знания – это всегда живое и заинтересованное наблюдение. Случается, что исследователю, сумевшему увидеть нечто новое, не удастся сформулировать это в виде стройной теории. По существу, он может быть совершенно прав, но с формально-логической точки зрения в его рассуждениях могут обнаружиться противоречия и ошибки. Конструктивная критика, сохраняя все существенные и ценные моменты того, что исследователь хотел выразить, совершенствует формулировки и проясняет метод. Такая коррекция необходима, если она касается формальных аспектов исследования; когда же в ходе коррекции упускается нечто действительно новое и важное, она начинает представлять опасность. Бывает и так, что ясные, отчетливо выраженные понятия оказывают крайне отрицательное воздействие на разработку той или иной проблемы, ибо время для них еще не пришло, то есть они еще не обрели достаточного обоснования.

Обсуждение метода имеет смысл только при условии, что для такого обсуждения есть конкретный повод и его итогом может стать демонстрация определенного результата. Обсуждение метода, отвлеченное от действительного опыта, оставляет тягостное впечатление. В эмпирических науках только конкретная логика чего-то стоит. Без анализа фактов и материала любые аргументы повисают в воздухе. Невелика польза от придумывания методов, которые не используются и едва ли будут когда-либо использованы на практике.

Наконец, существует такой тип методологического подхода, который характеризуется исключительной категоричностью и направлен на фактическое отрицание результатов любого движения к новому знанию. Этот подход действует на чисто логической основе и является абсолютно неплодотворным. В качестве примера можно привести типичное возражение против любых попыток точной классификации понятий, которую считают искусственной «ломкой» того, что на деле представляет собой нечто целостное (речь идет, в частности, о различении тела и души, научного знания и жизни, развития личности и развития заболевания, восприятия и представления и т. д.). Еще один аргумент аналогичного рода гласит, что наличие «переходов» между отдельными элементами делает их дифференциацию иллюзорной. В широком смысле тезис о «целостности» верен, но его применение к процессу научного исследования по существу ошибочно. Новое знание может быть достигнуто только благодаря дифференциации. Истинное единство предшествует познанию как неосознанно «объемлющее», как идея, из которой рождается отчетливо выраженная точка зрения, позволяющая воссоединить разделенное. Знание само по себе не способно предвосхитить это единство, которое может быть достигнуто только через практику, через реальность живого человеческого существа. Знать – значит дифференцировать; знание всегда конкретно и структурировано, чревато противоположностями и не ограничено в своем движении к единству. Споры о «переходах» суть обычно не что иное, как отказ от наблюдений и размышлений, чисто негативная увертка, ложная методология, которая вместо того, чтобы способствовать укреплению настоящего единства, лишь умножает путаницу. Аморфный восторг по поводу единства порождает хаос и тьму вместо знания, предполагающего прежде всего широкое владение научным инструментарием.

От публикаций по психопатологии следует ожидать соблюдения определенных норм. Растягивание дискуссий до бесконечности не должно допускаться ни в коем случае. Прежде чем сообщить миру о своем исследовании и его итогах, автор должен усвоить основные результаты, достигнутые предшественниками, уяснить все существенные различия и четко представить себе суть использованной методологии. Только в этом случае он может быть уверен, что сделанное им – это не просто попытка представить под видом чего-то нового уже известное (и к тому же, возможно,

в ухудшенной версии). Только в этом случае он может избежать отвлеченного теоретизирования, соскальзывания в бесконечность и «размывания» добытого с таким трудом знания смутными догадками и предположениями.

§ 5. Задачи общей психопатологии: краткий обзор настоящей книги

Общая психопатология существует не ради сбора разрозненных находок, а ради воссоздания целого. Ее задача – прояснять, упорядочивать, придавать определенную форму. Она *проясняет* наше знание фундаментальных фактов и всего многообразия используемых методов. Она *упорядочивает* это знание в соответствии с природой вещей и придает ему понятную *форму*, тем самым *обогащая самосознание человечества*. Значит, главное для психопатологии – это способствовать развитию знания; по своей функциональной значимости она несравненно превосходит любые действия, направленные на простое обнаружение фактов. Обычная, предназначенная для заучивания наизусть учебная (дидактическая) классификация может иметь известную практическую ценность, но сама по себе она недостаточна; удовлетворителен только тот учебный материал, который сочетается с *осмыслением* фактов.

Общая психопатология занимает свое место в непрерывном потоке предпринимавшихся в разное время попыток охватить психическую жизнь во всей ее целостности. В своем развитии она опирается на них и, в свой черед, становится исходным пунктом для дальнейших попыток, которые продолжают, разрабатывают уже сделанное или противоречат ему. Рассмотрим некоторые из достижений наших предшественников.

Когда моя «Психопатология» вышла в свет первым изданием (1913), уже существовали книги Эммингауза и Штерринга; позднее появились работы Кречмера и Груле¹². Цели и задачи всех этих трудов различны, и поэтому нет смысла уравнивать их с точки зрения их ценности. Но каждый из названных трудов представляет собой выражение определенного обобщающего теоретического взгляда, попытку оформления безграничного по объему материала.

Общая психопатология – это не просто дидактическая демонстрация известных фактов. Она осознанно стремится к охвату целого. Любого психиатра характеризует прежде всего то, как он оформляет свой материал, как он сводит его к единой обобщающей картине – жесткой или гибкой, в зависимости от подхода. В любой книге по психопатологии выражено стремление к тому, чтобы внести вклад в эту обобщающую картину, осмыслить и сформулировать использованные частные методы. Книги, претендующие на полный охват всей науки, представляют ценность постольку, поскольку они способны обеспечить всестороннее видение целого с помощью должным образом разработанной методологии и логики. Надеюсь, что осуществленное мною описание и сопоставление этих книг позволит, по контрасту, лучше понять, чего же я сам хотел достичь в своей «Общей психопатологии».

Эммингауз (1878) избрал, по аналогии с другими клиническими специальностями, метод медицинской классификации. В его книге рассматриваются нозология (учение о симптомах, диагностические критерии, течение, длительность и исход психического заболевания), этиология (предрасположенность, факторы, ускоряющие ход болезни, и т. д.) и, наконец, патологическая анатомия и физиология. Его, по существу, чисто описательный

¹² Emminghaus. Allgemeine Psychopathologie zur Einführung in das Studium des Geistesstörungen (Leipzig, 1878); Störing. Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie (Leipzig, 1900); Kretschmer. Medizinische Psychologie, ein Leitfaden für Studium und Praxis (Leipzig, 1922, 5 Aufl. 1939); Gruhle. Psychologie des Abnormen, in: Handbuch der vergleichenden Psychologie, herausgegeben von Kafka, Bd. 3, Abt. 1 (München, 1922).

подход выражает общую некритическую направленность медицины и естественных наук его времени. В своем подробном описании психологии он прибегает к эклектичному смешению разнообразных точек зрения, не пытаясь их критиковать или творчески развивать вытекающие из них идеи. По своему уровню книга почти не выходит за рамки обыденных представлений о психологии, к тому же затемненных наукообразной терминологией и излишним, в духе времени, вниманием к внешней стороне дела. В качестве преимуществ книги можно отметить ее систематичность и широкий охват проблем, но как раз в силу этой всеохватности пропасть, всегда существующая между психиатрией и другими клиническими специальностями, становится малозаметной: ведь действительный синтез возможен только как результат осознанного усилия по внесению ясности в принципы и методы, которые сами по себе могут быть разнородны. Изложение от начала и до конца отличается живостью и увлекательностью, а обширная библиография делает книгу – в особенности в том, что касается старой литературы, – прекрасным источником информации даже для современного читателя. Общий интерес к медицинским проблемам сопровождается достаточно широким взглядом на смежные области знания (в частности, интересом к этнической психологии), что обусловлено характером психиатрического образования того времени. Используемая Эмминггаузом медицинская классификация, несмотря на свою устарелость, все еще находит широкое применение в руководствах по общей психиатрии.

Перед *Штеррингом (1900)* стояла иная задача: рассмотреть значение психопатологии для нормальной психологии. С самого начала он делает акцент на теоретических аспектах, беря за образец теории Вундта. Он посвящает много места обсуждению генезиса явлений с использованием вундтовских методов, которые ныне кажутся устаревшими. Классификация следует старой схеме: интеллектуальные функции, эмоциональные процессы, проявления воли. Интеллектуальным функциям посвящено около 400 страниц, эмоциональным проявлениям – 35 страниц, а волевым проявлениям – только 15 страниц. Ход авторской мысли отличается безупречной последовательностью, что придает книге особую ценность. Кое-где встречаются интересные моменты, но собственный авторский вклад настолько незначителен, что, несмотря на привлекательное заглавие, книга откладывается в сторону с известным разочарованием. Теоретический подход, продемонстрированный Штеррингом, значительно лучше способствует оформлению материала, нежели традиционная медицинская классификация Эмминггауза, но перед лицом гигантского многообразия психической реальности труд Штерринга предлагает слишком ограниченный набор решений.

Труд *Кречмера (1922)* невозможно сравнивать с предыдущими двумя книгами. Он служит чисто дидактическим целям и рассматривает психологию в том аспекте, который, как предполагается, по-настоящему важен для врача; автор, по существу, не проводит границы между нормой и патологией, и данная позиция кажется нам совершенно правильной. Кречмер также строит общую картину на основе теории, что сообщает ходу его мысли определенную цельность и стройность. Он выдвигает концепцию уровней психической жизни, имеющих свои соответствия в истории, филогенезе и онтогенезе (где они выступают как последовательные стадии развития) и одновременно

присутствующих в зрелой личности. к этой концепции он добавляет еще одну идею, относящуюся к типам личности (характерологии) и видам реакций. Но обе идеи даны в крайне схематизированном виде. Автор подчеркивает важность упрощенного подхода, сводящего все многообразие явлений к малому числу формул; при этом он ссылается на опыт естественных наук, в которых этот подход доказал свою плодотворность. Он хочет показать, как, используя точные методы, можно свести все многообразие проявлений действительной жизни к нескольким фундаментальным, универсальным и повторяющимся биологическим механизмам. Но при этом он смешивает совершенно различные вещи. В естественных науках существует постоянное взаимодействие между теорией и наблюдением, причем последнее либо подтверждает теорию, либо опровергает ее; все это приводит к выдвижению четко поставленных вопросов, на которые могут быть получены столь же четко сформулированные ответы. Прогресс науки осуществляется, вообще говоря, плавно, и лишь в решающие моменты возможны скачки. Но в психиатрии теория всегда должна носить более или менее «пробный» характер, допуская разнообразные варианты группировки данных и сообщая импульсы новым наблюдениям.

Кречмер предлагает нашему вниманию очередной образец так называемой понимающей психологии, замаскированный под одну из естественных наук – очевидно, во имя того, чтобы лучше соответствовать атмосфере медицинского факультета; поступая таким образом, он не может избежать злоупотребления логикой и точными методами естественных наук. Суть своего упрощенного подхода он определяет так: «Дабы вдохнуть хоть немного жизни в сухую материю, мне приходилось неоднократно прибегать к озадачивающе лаконичным формулировкам». Но такое доведенное до крайности сжатие материала, сопровождаемое столь же крайним упрощением теории, производит впечатление претензии на абсолютное знание, слишком хорошо известной в истории медицинской психологии. Именно благодаря этой претензии Кречмер считает себя вправе классифицировать и раскладывать по полочкам такие понятия, как, скажем, «экспрессионизм» или «историческая личность», а книга в целом проникнута совершенно ложным (хотя и разделяемым многими психиатрами) представлением, будто «психология неврозов есть не что иное, как психология человеческого сердца», будто «понять невроз – это значит, *eo ipso*, понять человеческую природу». Не случайно книга написана изысканным литературным стилем. Автор не обращает особого внимания на присущую человеческой личности неограниченность возможностей, равно как и на вечную проблему души. Он совершенно лишен способности удивляться. Вместо этого он предлагает некоторый набор клише, использование которых должно создать приятную иллюзию понимания самых интимных глубин человеческой природы. В книге Кречмера нет подлинной концепции целостности психической жизни; ее содержание в основном ограничено первоначальным отбором проблем. Его язык изобилует картинными описаниями, но ему не хватает концептуальной глубины; блеск изложения явно превосходит силу и оригинальность идей.

Работа *Груле (1922)* во всех отношениях противоположна книге Кречмера. Для начала это касается ее поверхностного аспекта: избранный Груле стиль изложения суховат, свободен от литературных излишеств. Груле стремится следовать совершенно неподвзятой точке зрения. Он не

прибегает к искусственному, вымученному теоретизированию, а избирает вполне отвлеченную понятийную схему, в рамках которой группирует свой материал. Он различает количественные, качественные и функциональные отклонения от нормы, причем последние включают преднамеренные действия и мотивированное поведение. Он специально останавливается на аномальных отношениях между соматическими и психическими проявлениями и на аномальном психическом развитии. Используя достаточно широкие понятия, такие, как количество и качество, он получает возможность классифицировать весь свой материал и согласовать между собой все наблюдаемые явления. В книге нет какой-либо фундаментальной концепции или новых, свежих идей. Нет в ней и систематического проникновения вглубь внутренней организации явлений. Как утверждает сам автор, его задачей было всего лишь установление границ того, что кажется существенным с точки зрения психопатологии. Его объемистая и одновременно поверхностная система предлагает нам ряд широких понятий, но не оригинальную картину целого. Он испытывает явное пристрастие к формальной ясности, что в данном случае вредит творческому подходу. В конечном счете, отягощенный неисчислимым множеством фактов, он демонстрирует полную неспособность отличить существенное от несущественного: ведь помимо формальной классификации для этого нужно иметь идеи, а их отсутствие мешает Груле проникнуть в суть проблемы. Он не пытается во что бы то ни стало произвести впечатление на читателя; кажется, во всей книге нет ни одной неточной или лишней фразы. Но, несмотря на стилистическую сухость, изложение не лишено привлекательности. Автор – человек высокой культуры, привыкший соблюдать определенную дистанцию между собой и своим предметом. Ему вполне доступны разного рода стилистические красоты, но он крайне опасается смешения «беллетристики» с наукой. Принимая книгу такой, какова она есть, то есть видя в ней не более чем итог тщательно проделанной работы по сбору существующего материала, мы должны признать ее очень полезным вкладом в нашу науку. Эта старая, забытая книга ценна еще и тем, что в ней мы находим множество ссылок на разнообразные источники.

Что касается моей книги, вышедшей первым изданием еще в 1913 году, то по своей направленности она принципиально отличается от всех публикаций, как предшествовавших труду Груле, так и последовавших за ним. Как автор, я, естественно, могу характеризовать свои намерения только в самом положительном ключе. Но я с самого начала должен подчеркнуть, что они ни в коей мере не обесценивают того, что пытались осуществить мои предшественники. Напротив, любому, кто хочет проникнуть в глубь проблем психопатологии, я настоятельно рекомендую прочесть все названные мною труды и сопоставить их между собой. Лишь сверяя одни источники с другими, мы сможем овладеть целым.

Настало время дать краткий обзор настоящей книги.

(а) Догматика бытия и методологическое сознание

В 1913 году я описывал свою методологию в следующих словах: «Вместо того чтобы насильственно втискивать предмет нашей науки в узкие рамки систематически разработанной теории, я пытаюсь прежде всего должным образом дифференцировать существующие методы, точки зрения и подходы, что в конечном счете должно привести к выработке четкого и уверен-

ного взгляда на все многообразие психопатологических исследований. Я не упускаю из виду ни одну теорию или точку зрения, стараюсь понять любое из существующих воззрений на предмет и оценить его в соответствии с его значимостью и ограничениями. “Объемлющее” (*das Umgreifende*) остается той главной идеей исследования, в соответствии с которой оценивается любая теория, претендующая на полноту. В конечном счете я пытаюсь овладеть всей совокупностью воззрений в их целостности; при этом единственное, что я могу сделать, — это классифицировать их согласно методам и категориям, на которых они основаны. Я показываю, каким образом мы приходим к созерцанию различных аспектов сферы психического; каждая из глав книги посвящена описанию одного из таких аспектов. Не существует какой-либо системы элементов или функций, приложимой к психопатологическому анализу (что отличает последний от таких дисциплин, как теория строения атома или химических соединений); мы должны удовлетвориться всего лишь ограниченным количеством разнообразных методологических подходов. Классификация данных осуществляется не на основании какой-либо последовательно разработанной теории, а лишь с точки зрения использованных методов».

Процитированное утверждение отражает обычное противоречие, свойственное научной мысли и играющее исключительно важную роль. Либо мы мыслим любое знание о предметном мире как относящееся непосредственно к самой вещи, бытию самому по себе в его целостности, либо мы считаем, что возможно не более чем *приближение к знанию*; последняя точка зрения предполагает, что наше знание укоренено в наших методах и ограничено ими. Соответственно, мы можем либо искать удовлетворение в знании *бытия*, либо находиться *в постоянном движении к бесконечно удаляющемуся горизонту*, мы можем либо всячески выдвигать на первый план ту или иную теорию бытия, кажущуюся нам достаточно полной, либо предпочесть *систематический и осознанный подход к используемым методам* в надежде таким образом хотя бы отчасти осветить то, что по сути своей есть беспредельная тьма. Мы можем либо отбросить наши методы как *временные средства, необходимые* лишь до того момента, когда мы почувствовали, что постигли вещи в их истинной сущности, либо отказаться от любой догматики бытия (как преходящего, хотя и неизбежного заблуждения) ради поступательного движения познания — движения, которое никогда не приходит к концу, но всегда открыто для дальнейших опытов и исследований.

Благодаря *методологическому сознанию* мы готовы к встрече с загадочной действительностью. Что касается *догматических теорий* бытия, то они замыкают нас в рамках некоего заменителя знания, отторгающего любой новый опыт. Соответственно, наш методологический подход представляет собой полную противоположность концепциям, направленным на абсолютизацию отдельных аспектов. Мы не *находим*, а *ищем*.

Нужно помнить, что методы плодотворны, только когда мы их используем, а не когда теоретизируем о них. Исследователи прошлого, достигавшие нового знания благодаря своим методам, часто не понимали их смысла, причем в качестве расплаты за это непонимание в них развивалось догматическое отношение к собственным открытиям. Методологическая критика сама по себе не творит ничего нового. Она служит только разъяснению тех или иных аспектов, создавая тем самым условия для новых открытий, — тогда как любые формы догматизма тормозят процесс обнаружения нового.

Для тех, кто одержим наивной жадой знания, характерно стремление во что бы то ни стало охватить целое сразу; поэтому такие исследователи испытывают нужду в соблазнительных теориях, будто бы способствующих достижению этой цели. Критическое познание — это прежде всего познание существующих ограничений и перспектив. Оно предполагает ясное понимание *границ* и смысла каждой из существующих точек зрения, равно как и непрерывное развитие существующих возможностей и расширение *горизонтов* во всех направлениях.

Представляется, что только благодаря использованию систематически разработанной методологии мы можем расширить границы нашего знания и лучше понять его возможности и перспективы.

(б) Методологическая строгость как принцип классификации

Методологическая строгость означает четкое осознание различий, существующих между способами понимания, формами наблюдения и мышления, путями исследовательского поиска и фундаментальными научными ориентациями, ценность которых мы можем проверить на различных объектах. Таким образом мы добиваемся более четкой дифференциации, совершенствуем аналитический и понятийный аппарат, разграничиваем отдельные случаи, верифицируем концепции, которые могли бы претендовать на универсальность, и одновременно показываем их относительность. Благодаря такому совершенствованию методологического подхода мы получаем возможность критически оценивать содержание и пределы любого знания.

Для психопатолога действительность – это индивидуальное целое, живое человеческое существо. Мы знакомимся с фактическим материалом, анализируем и с помощью того или иного метода фиксируем его. Отсюда следует, что: 1) любое наше знание относится к частностям; мы никогда не видим целого до начала анализа; в самом акте восприятия уже осуществляется анализ; 2) факты, которые мы наблюдаем, находятся в тесной взаимной связи с методами нашего наблюдения. Чтобы получить в свое распоряжение конкретный фактический материал, мы должны прибегнуть к определенному методу. Между фактом и методом невозможно провести четкую разделительную линию. Одно существует благодаря другому. Значит, классификация *согласно применяемым методам* есть также классификация *сущего*, как оно нам дано. Такова вечно подвижная функция знания, посредством которой эмпирическое бытие раскрывает себя для нас. Благодаря классификации по методам и обнаружению того, что из нее следует, мы постепенно начинаем видеть фундаментальную изменчивость существующих фактов. Только так мы можем прийти к сколько-нибудь четко сформулированным утверждениям относительно наблюдаемых фактов и оценить возможный объем того фактического материала, который еще предстоит обнаружить. Методологическая классификация упорядочивает множество наблюдаемых фактов в соответствии с их природой.

Когда работа продвигается успешно, объект и метод исследования находятся в состоянии взаимного соответствия. Классификация согласно одному из них соответствует классификации согласно другому. Кажется, что это противоречит утверждению, что *«любой объект должен быть исследован при помощи различных методов»*. Данная максима справедлива, но мы должны точно понять ее смысл: то, что с поверхностной точки зрения кажется единичным объектом (мы отождествляем этот «объект» с человеком), должно быть исследовано при помощи ряда различных методов – то есть отдельно как болезнь, как расстройство сознания, как память и т. д. Понимаемый в этом смысле, объект становится чем-то неопределенным и неисчерпаемым – грубым фактом, не поддающимся определению в своей полноте и целостности. Его действительная природа выявляется только благодаря используемым методам. Лишь методы, специфичные для данного объекта, способны ответить на вопрос о том, является ли он в действительности единым и что именно представляет он собой как единое целое.

С другой стороны, если мы руководствуемся некоторой *теорией бытия* (*Seinstheorie*), проблема классификации нашего знания существенно облегчается. Чтобы охватить действительность как таковую, то есть как объемлющее целое, достаточно небольшого числа фундаментальных элементов и принципов. Отсюда – часто недолговечный успех внешне привле-

кательных теоретических систем, которым, казалось бы, удалось постичь вещи во всей их полноте. На новичка такие системы производят впечатление средства, с помощью которого можно очень быстро и не отклоняясь в сторону добраться до самой что ни на есть глубинной сущности бытия; все, что от него при этом требуется, – это повторять, подтверждать, применять и разрабатывать. Более сложен, но одновременно более эффективен процесс, который мы называем *методологической классификацией*. Его нельзя назвать ни особенно привлекательным, ни удобным; он не может быть осуществлен быстро и не приводит к непосредственному постижению целого. Тем не менее он наилучшим образом служит развитию способности к научному познанию. Благодаря этому процессу мы можем оценить, насколько глубоко нам удалось познать наш материал и чего мы можем ждать от применения тех или иных методов; само же «человеческое» во всей своей целостности все равно остается для нас открытой проблемой.

Итак, методологическая классификация – это задача, не имеющая окончательного решения. Она не может служить для изготовления готовых схем; вместо этого она побуждает к постоянному извлечению структурно оформленных идей из множества наблюдений над фактами и всего многообразия отношений между ними.

(в) Идея целого

Методологическая упорядоченность обеспечивает определенный структурный остов, но этого недостаточно. Она нужна прежде всего для того, чтобы помочь нам приблизиться к чему-то, пребывающему за пределами досягаемости, а именно – к целому. Но любая всеобъемлющая формулировка неоднозначна. Значит, из всего множества неоднозначностей мы должны выбрать те фундаментальные разновидности фактов, те точки зрения и ориентации, которые откроют наилучшие возможности для всестороннего расширения нашего опыта. Внешние, поверхностные связи должны быть подвергнуты анализу. Нам следует рассмотреть всю совокупность взаимосвязей, определить все звенья цепи и выявить то, что их соединяет. Только осуществив все это, мы обнаружим фундаментальные структуры, благодаря которым отдельные части целого обретают форму.

Необходимо уделить определенное внимание базовым принципам, поскольку умножение частных легко может привести к потере этих принципов из виду. Желательно продвигаться вперед по самым простым путям и ограничиваться только самыми общими и фундаментальными соображениями. Обнаружение фундаментальной системы содержит в себе важный творческий элемент – даже если при этом не делается никаких новых открытий. Любая классификация, в силу своей неизбежной незавершенности, становится стимулом для новых исследований и побуждает нас осуществлять специальные опыты для подтверждения наших воззрений на целое: ведь проблематичность нашего знания дает о себе знать только в тех случаях, когда мы приступаем к конкретному рассмотрению той или иной концепции целого.

Мы стремимся стать на позицию непредвзятого разума, четко сознающего ограниченность своих возможностей и в процессе упорядочения материала достигающего более глубокого и точного взгляда на собственную деятельность.

(г) Объективное значение используемых классификаций

Если наши фундаментальные классификации объективны, проистекают из реальности и не являются чисто теоретическими спекуляциями, сформированная ими общая картина неизбежно будет производить на читателя тем более убедительное впечатление, чем дальше он будет продвигаться в своем знакомстве с книгой.

Истинность эстетически и дидактически привлекательных классификаций может быть проверена только в их конкретном применении. Критерий их значимости – то, насколько дей-

ственно они способствуют проникновению вглубь исследуемого материала. Любая классификация, представляющая собой не просто слабо структурированную группировку данных, а нечто большее, содержит в себе объективное суждение; сама по себе она уже предполагает выбор определенной мировоззренческой установки.

Классификация должна служить выявлению наших основополагающих принципов и демонстрации того, какие точки зрения на объект являются основными, а какие – второстепенными. Определяя таким образом нашу методологическую установку, она может повысить значимость находок, на которые прежде, возможно, не обращали должного внимания. В то же время классификация способна выявить относительность всех установок подобного рода. Она должна быть организована так, чтобы в ее рамках мог найти свое место любой новый опыт.

В каждой из глав книги изложение выдерживается в рамках соответствующего метода и посвящено демонстрации явлений, обнаруженных в результате применения данного метода. В книге последовательно чередуются основные формы истолкования и анализа, разнообразные способы представления предмета исследования, то есть человека. Что касается собственно практической деятельности, то для нее подобная стройность скорее нехарактерна. Когда связанные друг с другом явления демонстрируют отношение полного взаимного соответствия, это свидетельствует о том, что классификация удалась; если же установить соответствие почему-либо не удастся, мы можем сделать предварительный вывод о ее ошибочности. Необходимо быть постоянно начеку и использовать каждый подобный случай как стимул для дальнейшего научного поиска. Возможности каждого из нас ограничены тем уровнем, на котором исследовательская энергия исчерпывается из-за недостатка вдохновения; но наши последователи вполне могут извлечь пользу из наших трудов, чтобы затем превзойти нас.

Композиция книги как в целом, так и в деталях следует тщательно продуманному плану. Я очень прошу своих читателей самым серьезным образом продумать смысл используемых мною классификаций, подвергнуть критическому анализу избранный мною порядок глав и со всей внимательностью отнестись к основополагающим идеям. Только восприняв книгу как единое целое, они смогут увидеть каждую из составляющих ее частей в правильной перспективе.

(д) Общий план книги

Книга состоит из шести частей. Тема *первой* части – *эмпирические факты* психической жизни. В ней последовательно представлены: субъективные переживания и соматические симптомы, объективные показатели способностей и значащие психические проявления (под которыми подразумеваются экспрессивные проявления, внешние проявления внутреннего мира, творчество). В целом первая часть направлена на совершенствование восприимчивости психопатолога к тому, что дано его непосредственному наблюдению.

Вторая и третья части посвящены *взаимосвязям* в сфере психической жизни. Во второй части речь идет о так называемых *понятных связях*, тогда как в третьей – о *причинных связях*. Ни одна из этих двух разновидностей не может быть непосредственно выведена из накопленного фактического материала; для выявления связей необходим специальный анализ, направленный на верификацию фактов. Можно сказать, что вторая и третья части предназначены для развития *исследовательских способностей* психопатолога. Человек – это отчасти разумное, отчасти же природное существо; в нем неразрывно соединены оба этих начала. Значит, для познания человека необходимы все науки. Во второй части мы апеллируем преимущественно к гуманитарным наукам, в третьей – к биологии.

В *четвертой* части аналитические процедуры предшествующих разделов сменяются попыткой синтеза, которая заключается в поиске путей к *целостному* постижению *психической жизни личности*. Это *всесторонний подход клинициста*, воспринимающего больного как

целостную личность и мыслящего его в терминах нозологии (диагноза), эйдологии (конституции), биографики (истории жизни).

Пятая часть рассматривает аномальную психическую жизнь в аспекте *социологии* и *истории*. Одно из отличий психиатрии от остальных разделов медицины состоит в том, что предмет ее изучения – человеческая душа – является порождением не только природы, но и культуры. Проявления больной психики как формально, так и содержательно зависят от культурной среды, которая, в свою очередь, также подвергается их воздействию. Задача пятой части – способствовать развитию в исследователе *исторического взгляда* на реалии человеческой жизни.

Наконец, *шестая* часть посвящена рассмотрению «человеческого» в целом. От эмпирических наблюдений мы переходим к философским размышлениям. Специфические целостности «второго ряда», выступавшие в качестве ведущих принципов во всех предшествующих главах, имеют в конечном счете лишь относительный характер. Даже при самом всестороннем подходе, который только способен продемонстрировать клиницист, «человеческое» не может быть эмпирически охвачено во всей своей целостности. Личность – это всегда нечто большее, нежели знание о ней. Поэтому заключительная часть служит не расширению наших познаний, а разъяснению нашей *философской позиции*, концентрирующей в себе все наше знание и понимание человека.

Таким образом, цель этой книги – показать, что же мы в действительности знаем. В *приложении* обсуждаются некоторые практические вопросы работы в клинике; в конце книги есть также краткий обзор истории психопатологии как науки.

(е) Пояснения к плану книги

1. *Эмпиризм и философия*. Я имею основания полагать, что в первых пяти частях книги я выступаю как настоящий эмпирик и, таким образом, небезуспешно противостояю разного рода неглубоким спекуляциям, догматическому теоретизированию и стремлению к абсолютизации в любых формах. Но как в шестой части, так и здесь, во введении, я обсуждаю философские проблемы – ибо мы, психопатологи, непременно должны уяснить их, чтобы по-настоящему отчетливо понять наш предмет. С одной стороны, непредвзятый эмпиризм приводит нас к той грани, за которой начинается философия; с другой стороны, по-настоящему достоверное эмпирическое исследование должно основываться на достигнутой философской ясности сознания. Связь философии с наукой выражается не в том, что философские штудии могут найти свое применение в эмпирической науке – ведь любые попытки искусственного облачения результатов эмпирических исследований в философские терминологические наряды неизменно доказывали свою бесплодность. Философия может только способствовать развитию соответствующей внутренней установки и стимулировать ненасытную жажду знания. Философская логика перерастает в конкретную логику косвенным путем, в итоге структурной организации фактического материала. Психопатолог нуждается в философии не потому, что из нее он может почерпнуть позитивное знание, относящееся к области его профессиональных занятий, а потому, что она помогает ему лучше организовать свое мышление и тем самым лучше понять истинные возможности познания.

2. *Частичное совпадение содержания глав*. Описывая переживаемые феномены, мы нередко касаемся также их причинных и понятных связей. С другой стороны, в большинстве других глав мы так или иначе сталкиваемся с феноменологией. Так, бредовые идеи мы рассматриваем, во-первых, феноменологически, во-вторых, с точки зрения объективных показателей способностей личности и, в-третьих, в аспекте психологически понятных взаимосвязей. То же относится и к самоубийству: по-видимому, это непосредственно данный и регистрируемый факт, который, однако, может быть исследован в самых разных аспектах (например, с точки зрения мотивов, связи с возрастом, полом, временем года, развитием психоза, социальными

условиями и т. д.). В разных главах мы будем обнаруживать одни и те же факты и постепенно научимся распознавать то, что остается «неизменным». Различные направления психологической мысли (психоанализ, кречмеровская теория строения тела и т. д.) также обсуждаются в разных главах в зависимости от затрагиваемого методологического аспекта. Таким образом, между главами существуют частичные совпадения; нам следует осознать их необходимость и выработать ясное понятие о том, в каком смысле и до какой степени они допустимы.

Каждой из глав соответствует тот или иной основной метод, и все внимание читателя направлено на то, что выявляется с его помощью. Но любой из методов сам по себе предполагает использование других методов; поэтому мы то и дело слышим отголоски тем, доминирующих в других разделах книги (например, феноменология того или иного расстройства памяти может быть прояснена, только если понимание фактического материала достигнуто также в аспекте психологии осуществления способностей, а функциональные дефекты памяти могут анализироваться только параллельно феноменологии определенного события психической жизни). То же самое можно выразить иначе: хотя любой метод неразрывно связан со своим объектом, то, что выявляется с его помощью, находится в определенном отношении к какому-либо иному объекту, исследуемому с помощью другого метода. Поэтому группы фактов, на первый взгляд кажущиеся однородными, появляются в различных главах и, таким образом, дополняют друг друга; рассматриваемые по отдельности с различных точек зрения, факты эти уже не должны производить впечатления однородности. Метод, взятый отдельно от других, весьма ограничен в своих возможностях. Ни один метод не может позволить своему объекту замкнуться на себе. Соответственно, мы постоянно поддерживаем связь между главами – как в частично повторяющихся описаниях, так и в форме перекрестных ссылок. Любые членения отчасти неестественны. Взаимосвязь вещей и явлений требует, чтобы множество используемых методов также ощущалось во всей совокупности внутренних взаимосвязей.

Существует еще одно фундаментальное обстоятельство: любой человек в определенном смысле есть единство, и благодаря этому все возможные связи между относящимися к нему фактами приобретают некое универсальное измерение. Чтобы постичь одного, отдельно взятого человека, мы нуждаемся во всем множестве точек зрения, изложенных в различных главах.

Членение на главы необходимо для ясности, но, чтобы постичь истину, их нужно объединить снова. Темы различных глав сопряжены друг с другом; иначе говоря, они отнюдь не находятся в состоянии механического соположения. Тем не менее в каждой из глав превалирует свой метод, свой подход, свой тип изложения и объяснения.

3. *Отдельные методы и целостная картина.* Позволив себе некоторое преувеличение, мы можем сказать, что в каждой главе затрагивается психопатология в целом – хотя и с одной, отдельно взятой точки зрения. Но речь идет не о готовом, законченном наборе фактов, рассматриваемом с различных сторон, а о том, что благодаря применению того или иного метода все, относящееся к нему, выявляется с достаточной ясностью, а все остальное – лишь смутно вырисовывается. Впрочем, целостность, выявляемая с помощью всех наших методов вместе взятых, не есть единая всеохватывающая действительность; не существует метода настолько универсального, чтобы с его помощью можно было получить всеобъемлющее представление о действительности. В лучшем случае мы можем рассчитывать на ясное и непротиворечивое знание об отдельных, частных реалиях, полученное с применением отдельных, частных методов.

Значит, возможности научного исследования всегда будут ограничены тем обстоятельством, что в каждый данный момент времени возможно продвижение вперед только по одной дороге. Но при этом остается множество иных, столь же доступных путей, и осознание этого факта служит неперенным условием всякого критического познания. Поскольку общая картина останется всего лишь набором методов и категорий, она никогда не будет завершена; круг

никогда не будет замкнут. Вопрос останется открытым не только потому, что в будущем могут появиться дополнительные данные, но и потому, что формам мышления и точкам зрения в принципе свойственно меняться. Поэтому отдельным главам настоящей книги, вероятно, будет не хватать ясности: в них могут в скрытом виде присутствовать моменты, требующие особого подхода, необходимость в котором все еще не осознана. В каждой из глав сделана попытка представить соответствующий аспект во всей полноте, но гарантию полноты дать невозможно; не исключено, что возникнет потребность в новых разделах, и в этом смысле книга может считаться незавершенной. Новые разделы должны быть разработаны не просто как дополнения к уже существующим, но как часть единого ряда методов. Только так можно будет сохранить общую картину бесконечности – картину, которая достижима не через построение системы действительности, а путем систематизации методов.

Было бы неверно считать настоящую книгу «главным руководством по феноменологии». Феноменологический аспект – один из многих; его детальному обсуждению посвящена специальная глава, поскольку он достаточно нов. Но книга в целом призвана показать, что это – лишь один из равноправных способов рассмотрения материала.

(ж) Технические принципы изложения материала

1. *Использование наглядных примеров.* Каждый человек – хозяин своего опыта. Книга может так или иначе подкрепить или дополнить опыт, но не заменить его. Никакой, даже самый обстоятельный текст не способен передать то, что может быть непосредственно увидено, испытано в процессе общения и диалога, подтверждено в результате анализа. Наш собственный опыт позволяет правильнее понять или вообразить опыт других людей и использовать его для лучшего познания нас самих. Описания не могут служить заменой переживаний, но рассказ о конкретных примерах помогает осознать дальнейшие возможности. Моя книга изобилует такими примерами. Она включает в себя весь опыт, накопленный мною лично в то время, когда я был еще относительно молод, и дополнена рядом характерных и ярких примеров, почерпнутых из трудов других ученых.

Описанные примеры помогут читателю накопить собственный запас опыта. Конечно, одних описаний для этого мало, но без них он не достигнет необходимого уровня подготовки; данные и их толкования, содержащиеся в литературе, помогут ему подтвердить его собственные находки.

Существует фундаментальное требование: любая идея должна быть реализована на опыте. Не должно быть ни опытов без теоретического обоснования, ни теорий, не подтвержденных опытом. Мы нуждаемся в гибком, пластичном взгляде на действительность – четко структурированном, не заключающем в себе никаких излишеств и в то же время не страдающем неполнотой. Должны существовать «путевые столбы», направляющие нашу мысль по верной дороге даже в тех случаях, когда наша ориентация затруднена. При этом условии мы придем к осознанию наших понятий и представлений и сумеем найти для них подходящее словесное выражение.

2. *Форма представления материала.* Труд, посвященный всесторонней демонстрации материала, должен читаться по возможности легко. Он не должен быть простым справочником. Поэтому от начала и до конца следует строго придерживаться единой линии изложения и сосредоточиваться на самом существенном. Желательны определения, по своей краткости и точности сопоставимые с юридическими формулировками.

Не следует упускать из виду, что любая формулируемая нами идея извлекается из бесконечного множества фактов и случайных событий. Перечисление этих фактов и событий должно играть минимальную роль, но они должны так или иначе упоминаться, а их присутствие – ощущаться. От опасности впасть в процессе анализа в дурную бесконечность нам

не уйти; но, представляя наш материал, мы должны постоянно помнить о тех реально существующих, хотя и не освоенных элементах, которые достаточно важны и должны рано или поздно найти свое место. Среди наших данных есть и интересные случайности – пусть даже на сегодняшний день мы можем разве что сказать о них с удивлением: «Оказывается, бывает и такое...» Мы не должны забывать, что не получившие определения, неосвоенные элементы и кажущиеся необъяснимыми происшествия всегда указывают на наше недопонимание.

В каждой из глав превалирует определенная точка зрения. Желательно, чтобы читатель ознакомился со всей их совокупностью. Но если в отдельных главах ему захочется, исходя из субъективных интересов, пропустить тот или иной отрывок, он может руководствоваться оглавлением.

3. *Ссылки на литературу.* Справиться с постоянно нарастающим потоком публикаций нелегко. Объем литературы – даже если исключить из него бесконечные повторения, случайные мотивы, пустые дискуссии и индифферентную, бесструктурную регистрацию фактов – очень обширен. Чтобы извлечь из этого множества то, что представляет реальную ценность, мы должны обращать внимание на следующие моменты: во-первых, на факты, клинические случаи, биографические данные, самоописания, сообщения и другие *материальные свидетельства*; во-вторых, на все по-настоящему новые *соображения*; в-третьих, на яркие наблюдения, картины, формы, типы, *выразительные формулировки*; в-четвертых, на *фундаментальные установки*, исходя из которых были сделаны новые открытия, на общую «атмосферу» работы, выраженную в ее стилистике и в выборе критериев. В публикации может найти свое выражение неосознанное понимание целого, какая-то скрытая философская или мировоззренческая установка, обусловленная социальным статусом исследователя, его призванием или родом занятий, равно как и практическая установка, проистекающая из потребности в действии или желания помочь.

Какие же публикации, ввиду невозможности охватить все их множество, следует упомянуть обязательно? Обзоры последнего времени выросли до совершенно неподъемных размеров¹³; что касается настоящей книги, то она преследует иную цель. Мы стремимся к полноте в том, что касается не столько самих фактов, сколько их типологии; поэтому наше использование литературы должно быть избирательным. Во-первых, мы обязаны охватить все те работы, которые стали классикой, составили эпоху в развитии науки и заложили основу для новых исследовательских школ. Во-вторых, мы должны упомянуть сводные обзоры последнего времени, содержащие библиографические разделы, которые вводят нас в соответствующие области науки. В-третьих, в поле нашего зрения оказываются образцы, репрезентативные для разных областей науки; в последнем случае наш выбор отчасти случаен и не предполагает оценочных суждений.

Осуществить полноценный обзор литературы – огромная задача, которой еще и не начинали толком заниматься. В отдельных науках положение дел выглядит примерно так же, как и в больших библиотеках. Необходимо разработать иерархию ценностей, чтобы суметь сразу распознать по-настоящему ценную породу и не дать ей затеряться среди шлака. Менее существенные материалы также следует как-то систематизировать, чтобы ими могли пользоваться специалисты. В настоящее время не приходится надеяться на окончательную оценку или формальную «чистку» со стороны какого-нибудь ученого синедриона. Вполне возможно, что в будущем ученые найдут что-то важное среди «шлака» наших дней. На нынешнем уровне развития психопатологии мы должны удовлетвориться недифференцированным сводом литературных источников.

¹³ Полную информацию о существующей литературе можно почерпнуть из главных специализированных журналов: Zentralblatt für Neurologie und Psychiatrie (Berlin, 1910 и след.), Fortschritte der Neurologie (Leipzig, 1929 и след.), а также из книг: Aschaffenburg. Handbuch der Psychiatrie; Bumke. Handbuch der Geisteskrankheiten. См. также реферативные разделы многих журналов.

(3) Психопатология и культура

Всесторонний обзор нужен не только для того, чтобы обогатить читателя знанием, но и для того, чтобы повысить его общий культурный уровень. Хотелось бы, чтобы психопатологи всячески совершенствовали свое мышление, учились дифференцировать свои познания, дисциплинировали свою наблюдательность и методологически упорядочивали свою работу. Сохранить великую традицию – это значит каждый раз формировать ее заново. Знание как таковое чего-то стоит только при условии, что оно повышает культуру видения и мышления.

Я хотел бы, чтобы моя книга способствовала развитию в читателе широкой психопатологической культуры. Вообще говоря, нет ничего особенно сложного в том, чтобы выучить формулы и технические термины и делать вид, будто знаешь ответы на все вопросы. Профессиональная культура лишь постепенно вырастает из умения определять границы внутри области отчетливо дифференцированного знания. Она состоит в способности мыслить объективно во всех направлениях. В понятие психиатрической культуры входят не только личный опыт и постоянная готовность наблюдать – чего нам не дадут никакие книги, – но также четкость используемых понятий, широта и разносторонность видения; надеюсь, что именно в этом отношении мой труд может принести пользу.

Часть I

Отдельные факты психической жизни

Введение

Эмпирические факты составляют основу нашего знания. Эмпирическое исследование зависит от нашей способности выявлять факты, ибо только факты могут служить средством для проверки ценности наших идей.

Накопление фактов – это всегда накопление *единичных* фактов. Последние далеко не единообразны, и потребность в выработке более или менее определенного взгляда на все их множество заставляет нас группировать их согласно некоторым *основным типам*. Классификация может носить *внешний* характер; так, за основу может браться *источник* сведений (истории болезни, материалы следствия, собственные записи больных, фотографии, официальные досье, школьные отчеты, статистические материалы, протоколы экспериментальных тестов). Но существенное значение имеет только такая классификация, которая исходит из природы наблюдаемых явлений. Имея это в виду, мы распределяем интересующие нас явления по четырем основным группам: субъективные *переживания* больных, объективные *показатели осуществления способностей*, соматическое *сопровождение* психической жизни и *значащие* объективные проявления (экспрессивные проявления, поведение и творчество).

Группа 1. Одно из явлений психической жизни – *переживание (Erleben)*. Метафорически мы называем его потоком сознания, единственным в своем роде нерасчлененным потоком событий, протекающим по-своему у любого из великого множества людей. Что нужно сделать, чтобы его познать? Постепенно события психической жизни кристаллизуются, обретая для нас форму объективных феноменов с относительно устойчивыми признаками. Мы можем говорить о галлюцинациях, аффекте, мысли так, словно имеем дело с определенным объектом, существующим по меньшей мере в течение краткого промежутка времени. *Феноменология* изучает субъективные переживания больных, то есть все, что присутствует или происходит в их сознании.

Эти *субъективные* данные о переживаниях противопоставляются другим, *объективным* фактам, регистрация которых осуществляется благодаря тестированию способностей, наблюдению за соматическим состоянием больного и пониманию его экспрессивных проявлений, поведения и разнообразных актов творчества.

Группа 2. *Проявления психических способностей* – таких, как способность к восприятию, память, работоспособность, интеллект, – обеспечивают материал для той области науки, которую мы называем *психологией осуществления способностей (Leistungspsychologie)*. Проявления способностей доступны качественной и количественной оценке. В любом случае итог трактуется как выполнение задания, исходящего от самого исследователя или обусловленного сложившейся ситуацией.

Группа 3. *Соматическое сопровождение событий психической жизни* обеспечивает материал для той области исследований, которую мы называем соматопсихологией, то есть *изучением событий соматической сферы*. Предметом наблюдения служат соматические события, не выражающие душевную жизнь и не осмысленные. Они не могут быть поняты с психологической точки зрения; они лишь находятся в фактической связи с событиями психической жизни или совпадают с ними.

Группа 4. Значащие объективные проявления – это воспринимаемые феномены, имеющие психологически понятный смысл. Они делятся на три типа: телесные проявления и движения, которые мы понимаем непосредственно (их изучает психология экспрессии – *Ausdruckpsychologie*), осмысленные действия и поведение, которые мы понимаем в контексте личностного мира (их изучает психология душевного мира личности – *Weltpsychologie*), и осмысленные порождения литературного, художественного, технического творчества (их изучает психология творчества – *Werkpsychologie*).

Все эти основные группы будут последовательно рассмотрены в четырех главах первой части. По ходу изложения мы убедимся, что:

(а) любой факт, будучи однажды описан, сразу же порождает вопросы: *почему* это так? *как* это возникло? *для чего* это? Ответы на эти вопросы станут предметом обсуждения в последующих частях книги. Факты как таковые нас не удовлетворяют; в то же время нам свойственно испытывать особое удовлетворение от самого процесса установления фактов: «Это факт!», «Нам удалось кое-что найти!». В конечном счете, однако, область фактов оказывается бесконечно более обширной, чем та область, в пределах которой факты могут быть полноценно поняты в совокупности своих взаимосвязей;

(б) внешне идентичные феномены могут иметь *различное происхождение*; соответственно, уяснение взаимосвязей может пролить свет на факты как таковые и выявить различия, которые на первый взгляд незаметны. Внешние факты, такие как убийство, самоубийство, галлюцинация, видение и т. д., заслоняют гетерогенную реальность. Поэтому даже на стадии поиска фактов мы обязательно выходим за рамки простого процесса сбора материала;

(в) специфика отдельных фактов определяется той *целостностью*, которой они принадлежат. Так, переживания черпают свою специфику из сознания, соматические симптомы – из единства тела и души, проявления способностей – из интеллекта, экспрессивные проявления, поведение и творчество – из того целого, которое называют «уровнем развития» (или «уровнем формы», *Formniveau*), «психической целостностью» или обозначают иными терминами аналогичного рода.

Глава 1

Субъективные явления больной душевной жизни (феноменология)

Феноменология¹⁴ решает следующие задачи: она в *наглядной, образной форме представляет* психические состояния, реально переживаемые больными; она рассматривает взаимосвязи между психическими состояниями, по возможности четко *очерчивает* их, дифференцирует и разрабатывает соответствующую терминологию. Нам не дано воспринять психический и физический опыт других людей непосредственно; мы можем только пытаться составить о нем представление. Необходим акт эмпатии («вчувствования», *Einfühlen*), понимания, к которому, в зависимости от обстоятельств, можно добавить перечисление внешних признаков психического состояния или условий, при которых возникают те или иные феномены; мы можем прибегнуть к наглядным, содержательным сопоставлениям, к использованию символов или к суггестивному представлению данных. Основную помощь во всем этом нам окажут *рассказы больных о себе* (так называемые самоописания), на которые мы можем вызвать их в процессе личных бесед. Из этих рассказов мы можем извлечь наиболее ясные и надежные данные. Описания, излагаемые больными на бумаге, могут иметь более богатое содержание, и мы должны принимать их такими, каковы они есть. Лучше всех описывает психический опыт тот, кто сам его пережил. Никакие формулировки, придуманные психиатром, наблюдающим за больным со стороны, не заменят такого описания.

Итак, мы зависим от «психологического суждения» самого больного. Только благодаря этому мы можем познать наиболее существенные и выразительные патологические явления. Больные сами выступают в роли наблюдателей, а мы можем только оценивать, насколько они заслуживают доверия и в какой мере способны судить о себе. Иногда мы воспринимаем сообщения больных со слишком большой готовностью, иногда же слишком радикально их отвергаем. Мало того что рассказы психически больных о себе неповторимы; они к тому же служат надежным источником данных, без которого мы едва ли смогли бы прийти ко многим из наших фундаментальных понятий. Сравнивая между собой высказывания разных больных, мы находим много схожего. Некоторые из больных заслуживают всяческого доверия и отличаются большой одаренностью. С другой стороны, не следует доверять пациентам, страдающим истерией и психопатией. Большинство их многословных рассказов о себе следует воспринимать весьма критически. Больные могут сообщать о своих переживаниях, имея намерение угодить и понравиться врачу. Они могут говорить то, чего от них ждут, и часто, чувствуя,

¹⁴ См. мою работу: K. Jaspers. Die phänomenologische Forschungsrichtung in der Psychopathologie, Z. Neur., 9 (1912), S. 391. Термин «феноменология» использовался Гегелем для обозначения совокупности проявлений духа в сознании, истории и мышлении. Мы используем его только в применении к значительно более ограниченной области душевных переживаний личности. Гуссерль применял тот же термин первоначально для целей «описательной психологии» явлений сознания; в этом смысле термин подходит и для наших исследований. Впоследствии, однако, Гуссерль использовал его в значении «усмотрения сущности» (*Wesensschau*), что не соответствует нашему словоупотреблению в настоящей книге. Для нас феноменология – это чисто эмпирический метод исследования, возможный только благодаря информации, поступающей от больного. Очевидно, что описание явлений в психологических исследованиях отличается от того, что принято в естественных науках. Объект психологического исследования не дан нашим чувствам непосредственно; мы лишь представляем его себе. Но логические принципы описания – те же. Описание предполагает разработку и точную формулировку систематических категорий, а также демонстрацию, с одной стороны, взаимосвязей и упорядоченных последовательностей, а с другой стороны – спорадических, неожиданных, беспрецедентных моментов.

что им удалось пробудить в нас интерес, они предпринимают всевозможные усилия, чтобы удержаться на высоте.

Итак, мы в первую очередь должны составить определенное представление о том, что именно происходит в наших больных, что они испытывают, каким ударам подвергается их психическая жизнь, как они себя при этом чувствуют. На этой стадии мы пока не имеем дела ни с взаимосвязями, ни с совокупностью переживаний больного, а тем более – с какими бы то ни было вспомогательными рассуждениями, фундаментальными теориями или основополагающими постулатами. Наше описание относится только к тому, что присутствует в сознании больного; для нас пока существуют только осознанные данности сферы психического. Теории, психологические построения, интерпретации и оценки должны быть отложены в сторону. Мы просто исследуем то, что находится перед нами, – в той мере, в какой можем это воспринять, различить и описать. Как показывает опыт, сделать все это достаточно сложно. Изучая интересующие нас феномены, нужно отказаться от предрассудков; но непредубежденность, столь характерная для феноменологии, не дана исследователю изначально, а приобретается в результате многочисленных и часто мучительных усилий критического разума – усилий, непременно сопровождаемых неудачами. Ребенок рисует не то, что видит, а то, что представляет; аналогично, психопатолог поначалу смутно представляет себе психические феномены и лишь затем постепенно переходит к прямому, непредубежденному исследованию. Феноменологический образ мышления – это нечто такое, к чему мы должны стремиться постоянно, ведя при этом самую бескомпромиссную борьбу с нашими предрассудками.

Внимательное исследование *отдельно взятого случая* часто учит нас тому, что феноменологически присуще бесчисленному множеству других случаев. Однажды понятое обычно встречается нам и в дальнейшем. В феноменологии существенное значение имеет не столько число исследованных случаев, сколько глубина проникновения в каждый отдельный случай.

В гистологии, изучая кору головного мозга, мы стремимся снять данные с каждого волокна, с каждой клетки. Аналогично, в феноменологии мы стремимся *к получению данных обо всех психических феноменах*, обо всех элементах психического опыта, с которыми нам пришлось столкнуться в процессе исследования больного и непосредственного общения с ним. Ни при каких обстоятельствах не следует удовлетворяться общим впечатлением или множеством собранных *ad hoc* деталей; нужно научиться правильно оценивать каждую частность. Только при этом условии мы перестанем дивиться явлениям, которые, вообще говоря, встречаются достаточно часто, но либо проходят мимо тех, кто удовлетворяется общими впечатлениями, либо вызывают у них преувеличенную реакцию – в зависимости от того, каково самочувствие исследователя в данный момент или насколько развита его впечатлительность. С другой стороны, истинно феноменологический подход концентрирует внимание на том, что действительно выходит за рамки обычного и поэтому оправдывает наше удивление. Не следует опасаться, что способность к удивлению когда-либо будет исчерпана.

Итак, главное в феноменологии – научиться исследовать то, что непосредственно переживается больным, и распознавать то, что объединяет все многообразные проявления его психического опыта. Мы нуждаемся в большом количестве примеров, иллюстрирующих обширный феноменологический материал; набор таких примеров обеспечит основу для адекватной оценки случаев, с которыми нам предстоит встретиться в дальнейшем¹⁵.

¹⁵ Ценные самоописания см. в следующих источниках: Baudelaire. *Paradis artificiels*, немецкий перевод: Minden, o. J.; Beringer und Mayer-Gross, Z. Neur., 96 (1925), 209; J. J. David. *Halluzinationen*. – *Die neue Rundschau*, 17, 874; Engelken, Allg. Z. Psychiatr., 6, 586; Fehrlin. *Die Schizophrenie* (Selbstverlag, 1910); Fr. Fischer, Z. Neur., 121, 544; 124, 241; Forel, Allg. Z. Psychiatr., 34, 960; Fränkel und Joel, Z. Neur., Ill, 84; Gruhle, Z. Neur., 28 (1915), 148; Ideler. *Der Wahnsinn* (Bremen, 1848), S. 322 ff., 365 ff.; Religiöser Wahnsinn (Halle 1848), Bd. 1, S. 392 ff.; Jakobi, *Annalen der Irrenstalt zu Siegburg* (Köln, 1837), S. 256; James. *Die religiöse Erfahrung in ihrer Mannigfaltigkeit* (Leipzig, 1907); Janet. *Les obsessions et la psychasthénie*; Jaspers, Z. Neur., 14, 158 ff.; Kandinsky, Arch. Psychiatr. (D), 11, 453; Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiet der Sinnesfäuschungen (Berlin, 1885);

Определенную ценность имеют также описания необычных и неожиданных феноменов. Важно уметь распознавать их истинную сущность как фундаментальных феноменов сознания наличного бытия. Нередко изучение аномальных феноменов помогает лучше понять норму, но в таких случаях чисто логическая дифференциация без наглядных примеров не имеет особого смысла.

Сейчас мы займемся, во-первых, *отдельными феноменами*, специально выделенными в исследовательских целях (галлюцинациями, эмоциональными состояниями, инстинктивными влечениями и т. п.), и, во-вторых, установлением свойств *состояний сознания*, которые по своему воздействию на исследуемые феномены и сообщают им различные оттенки¹⁶.

Раздел 1

Аномальные психические феномены

(а) Выделение отдельных феноменов из общего контекста психической жизни

В любой развитой психической жизни мы сталкиваемся с такими абсолютно фундаментальными феноменами, как противостояние субъекта объекту и направленность «Я» на определенное содержание. В данном аспекте *осознание объекта* (предметное сознание) противопоставляется *сознанию «Я»*. Это первое различие позволяет нам описать объективные аномалии (искаженные восприятия, галлюцинации и т. д.) как таковые, после чего задаться вопросом о том, каким образом и почему сознание «Я» могло претерпеть изменения. Но субъективный (относящийся к состоянию «Я») аспект сознания и объективные аспекты того «иного», на которое ориентировано «Я», объединяются, когда «Я» охватывается тем, что вне его, и в то же время побуждается изнутри к охвату этой внешней по отношению к нему «инакости». Описание того, что объективно, ведет к пониманию его значения для «Я», а описание состояний «Я» (эмоциональных состояний, настроений, порывов, влечений) ведет к пониманию той объективной реальности, в которой эти состояния выявляют себя.

Субъективная ориентация на тот или иной объект – это, конечно, постоянный и фундаментальный феномен любой доступной пониманию психической жизни; но для дифференциации феноменов одного этого недостаточно. Непосредственное переживание – это всегда *совокупность отношений*, без анализа которой никакое описание феноменов невозможно.

Эта совокупность отношений основывается на способах нашего *переживания времени и пространства, осознания нами собственной телесности и окружающей действительности*; далее, она обладает собственным внутренним членением благодаря противопоставлению *состояний чувств и влечений*, что, в свою очередь, порождает дальнейшие членения.

Все эти членения перекрываются делением совокупности феноменов на *непосредственные* и *опосредованные*. Любой феномен психической жизни имеет характер непосредственного переживания, но для души важно, чтобы мышление и воля находились вне сферы этого пря-

Kieser, Allg. Z. Psychiatr., 10, 423; Klinker, J. Psychiatr., 9; Kronfeld. Mschr. Psychiatr., 35 (1914), 275; Mayer-Gross, Z. Neur., 62, 222; Mayer-Gross und Steiner, Z. Neur., 73, 283; Meinert. Alkoholwahnsinn (Dresden, 1907); Nerval. Aurelia (München, 1910); Quincey. Bekenntnisse eines Opiumessers (Stuttgart, 1886); Rychlinski, Arch. Psychiatr. (D), 28, 625; Gerhard Schmidt, Z. Neur., 141, 570; Kurt Schneider. Pathopsychologie im Grundriss, in: Handwörterbuch der psychischen Hygiene (Berlin, 1931); Schreber. Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken (Leipzig, 1903); Schwab, Z. Neur., 44; Serko, J. Psychiatr., 34 (1913), 355; Z. Neur., 44, 21; Staudenmaier. Die Magie als experimentelle Naturwissenschaft (Leipzig, 1912); Wollny, Erklärungen der Tollheit von Haslam (Leipzig, 1889).

¹⁶ Регулярные ежегодные обзоры феноменологических исследований публикуются в: Fortschritte der Neurologie, Psychiatrie und ihrer Grenzgebiete (Leipzig, 1929 ff.). Первоначально автором обзоров был Курт Шнайдер, с 1934 г. – Шайд (K. F. Scheid), с 1939 г. – Вайтбрехт (Weitbrecht).

мого переживания. Фундаментальный, первичный феномен, без которого аналитическое мышление и целенаправленная воля невозможны, обозначается термином *рефлексия*; это – обращение переживания вспять, на себя и на свое содержание. Отсюда возникают все опосредованные феномены, и вся психическая жизнь человека пропитывается рефлексивностью. Сознательная психическая жизнь – это не нагромождение изолированных, поддающихся разделению феноменов, а подвижная совокупность отношений, из которой мы извлекаем интересующие нас данные в самом акте их описания. Эта совокупность отношений изменяется вместе с *состоянием сознания*, свойственным душе в данный момент времени. Любые осуществляемые нами различения преходящи и рано или поздно устаревают (либо мы сами от них отказываемся).

Из этого общего взгляда на психическую жизнь как совокупность отношений следует, что:

1) феномены могут быть *разграничены и определены* лишь частично – в той мере, в какой они доступны повторной идентификации. Выделение феноменов из общего контекста психической жизни делает их более ясными и отчетливыми, чем они суть на самом деле. Но если мы стремимся к точным концепциям, плодотворным наблюдениям и четкому представлению фактов, мы должны принять эту неточность как должное;

2) феномены могут *возникать* в наших описаниях *вновь и вновь*, в зависимости от того, какой именно частный аспект в них подчеркивается (например, феноменология восприятия может рассматриваться как с точки зрения осознания объекта, так и с точки зрения чувства).

(б) Форма и содержание феноменов

Изложим ряд положений, имеющих общее значение для всех феноменов, которые подлежат описанию. Форму необходимо отличать от содержания, которое может время от времени меняться; например, факт галлюцинации не должен смешиваться с ее содержанием, в функции которого могут выступить человек или дерево, угрожающие фигуры или мирные пейзажи. Восприятия, идеи, суждения, чувства, порывы, самосознание – все это формы психических феноменов; они обозначают разновидности наличного бытия, через которые содержание выявляется для нас. Правда, описывая конкретные события психической жизни, мы учитываем содержание психики отдельной личности; но в феноменологии нас интересует только форма. В зависимости от того, какой именно аспект феномена – формальный или содержательный – мы имеем в виду в каждый данный момент, мы можем пренебречь другим его аспектом, то есть, соответственно, анализом содержания или феноменологическим исследованием. Для самих больных существенное значение обычно имеет только содержание. Часто они совершенно не сознают, каким именно образом они переживают это содержание; соответственно, они часто смешивают галлюцинации, псевдогаллюцинации, иллюзорные представления и т. д., ибо не придают значения умению дифференцировать эти столь несущественные для них вещи.

С другой стороны, содержание модифицирует способ переживания феноменов; оно придает феноменам определенный вес в контексте психической жизни в целом и указывает путь к их постижению и интерпретации.

Экскурс в область формы и содержания. Любое познание предполагает различение формы и содержания; это различение постоянно используется в психопатологии, независимо от того, занимается ли она простейшими феноменами или сложными целостностями. Приведем несколько примеров.

1. В психической жизни всегда присутствуют *субъект* и *объект*. Объективный элемент в самом широком смысле мы называем психическим содержанием, а то, как объект предстает субъекту (восприятие, представление, мысль), мы называем формой. Так, ипохондрическое содержание, независимо от того, выявляется ли оно через голоса, навязчивые идеи, сверхценные идеи и

т. п., всегда доступно идентификации в качестве содержания. Аналогично, мы можем говорить о содержании страхов и других эмоциональных состояний.

2. *Форма* психозов противопоставляется их *частному содержанию*; например, периодические фазы дисфории как формы болезни должны противопоставляться частным типам поведения (алкоголизму, фугам, попыткам самоубийства и т. п.) как элементам содержания.

3. Некоторые самые *общие изменения, затрагивающие психическую жизнь в целом*, – такие, как шизофрения или истерия, – будучи доступны интерпретации только в терминах психологии, могут быть рассмотрены также с формальной точки зрения. Любая разновидность человеческого желания или стремления, любая разновидность мысли или фантазии может выступить в качестве содержания той или иной из числа подобных форм и найти в них способ своего выявления (шизофренический, истерический и т. п.).

Главный интерес феноменологии сосредоточен на форме; что касается содержания, то оно кажется скорее случайным. С другой стороны, для понимающей психологии содержание всегда существенно, а форма иногда может быть несущественной.

(в) Переходы между феноменами

Представляется, что многие больные способны духовным взглядом увидеть одно и то же содержание в виде быстро сменяющих друг друга разнообразных феноменологических форм. Так, при остром психозе одно и то же содержание – например ревность – может принимать самые разные формы (эмоциональное состояние, галлюцинации, бредовая идея). Говорить о «переходах» от одной формы к другой было бы неверно. Слово «переход» в качестве общего термина есть не что иное, как маскировка дефектов анализа. Истина заключается в том, что в каждый момент любое переживание соткано из множества феноменов, которые мы, описывая, разделяем. Например, когда галлюцинаторное переживание пропитано бредовой убежденностью, перцептивные (связанные с восприятием действительности) элементы постепенно исчезают, и в конечном счете становится трудно определить, существовали ли они вообще, и если да, то в какой форме. Таким образом, между феноменами существуют четкие различия – настоящие феноменологические провалы (например, между физически реальными и воображаемыми событиями) или феноменологические переходы (например, от осознания реальности к галлюцинациям). Одна из важнейших задач психопатологии – уловить все эти различия, углубить, расширить и систематизировать их; только при этом условии мы можем достичь успеха в анализе каждого отдельного случая.

(г) Классификация групп феноменов

Ниже мы даем последовательное описание аномальных психических феноменов – от конкретных переживаний к переживанию пространства и времени, затем к осознанию собственной телесности, осознанию действительности и бредовым представлениям. Далее мы обратимся к эмоциональным состояниям, влечениям, воле и т. п., вплоть до осознания личностью своего «Я», а в конце представим феномены рефлексии. Разбивка на параграфы определяется отличительными свойствами и наглядными характеристиками соответствующих феноменов; она не следует какой-либо предварительно заданной схеме, так как в настоящее время наши феноменологические данные не удастся классифицировать сколько-нибудь удовлетворительным образом. Будучи одной из основ психопатологии, феноменология развита все еще весьма слабо. Наша попытка описания не может скрыть этого недостатка; тем не менее мы должны дать хотя бы какую-то – пусть пробную – классификацию. В подобных условиях наилучшая

классификация – та, в которой запечатлены естественные практические следствия обнаруживаемых фактов. Неизбежные дефекты такой классификации будут стимулировать наше стремление постичь совокупность феноменов – причем не столько путем чисто логических операций, сколько путем последовательного углубления и расширения нашей способности видеть феномены во всем их многообразии.

§ 1. Осознание объективной действительности (предметное сознание, Gegenstandsbewußtsein)

Психологическое введение. Мы используем термин «объект» («предмет», Gegenstand) в широком смысле. Объект – это то, что противостоит нам; объектом мы называем все, что мы созерцаем, постигаем, о чем мыслим, что распознаем своим внутренним взором или органами чувств, короче говоря – все, на что мы направляем наше внутреннее внимание, независимо от того, реально это или нереально, конкретно или абстрактно, смутно или явственно. Объекты даны нам через *восприятия (Wahrnehmungen)* или *представления (Vorstellungen)*. В качестве восприятий объекты даны нам *физически* (как нечто «осязаемое», непосредственно ощущаемое, обладающее свойством объективности), тогда как в качестве представлений они даны нам как нечто *воображаемое*, обладающее свойством субъективности. В любом из наших восприятий или представлений мы можем различить три элемента: *материал ощущений* (цвет, высота звука и т. п.), *пространственную и временную упорядоченность* и *интенциональный акт* (целенаправленность и объективацию). Материал ощущений входит в психическую жизнь и обретает объективное значение только благодаря интенциональному акту. Этому акту мы можем присвоить термин «мысль» или «осознание значения». Далее, рассуждая феноменологически, следует признать, что эти интенциональные акты не обязательно должны быть укоренены в материале ощущений. В качестве примера такого абстрактного знания об объекте можно привести быстрое чтение. Мы ясно сознаем смысл слов, при этом не вызывая в своем воображении те объекты, о которых идет речь. Такое абстрактное представление об объекте называется *осознанием (Bewußtheit)*. В зависимости от типа восприятия осознание может быть *физическим* (то есть осознанием «присутствия рядом» кого-то невидимого и непредставляемого) или чисто *мысленным* (что встречается значительно чаще).

Приведем несколько сообщений об аномалиях восприятий и представлений.

(а) Аномалии, связанные с восприятиями

(1) *Изменения интенсивности.* Звуки слышатся громче, цвета видятся ярче, красная крыша кажется охваченной пламенем, дверь закрывается с пушечным грохотом, ветки обламываются с треском, похожим на выстрел, ветерок шумит подобно буре (во время делириозных состояний, на первых стадиях наркоза, при отравлениях, перед эпилептическими припадками, при острых психозах).

Психопат, в течение нескольких лет страдавший от последствий поверхностного огнестрельного ранения головы, пишет: «С тех пор как я получил пулю в голову, я время от времени ощущаю крайнее обострение слуха. Это происходит примерно раз в месяц, причем не днем, а по ночам, когда я лежу в постели. Перемена каждый раз бывает внезапной и ошеломляющей.

Шумы, которые в нормальном состоянии я едва слышу, кажутся до жути ясными и громкими. Я вынужден лежать тихо и не шевелюсь: даже малейшее шуршание простыни или подушки доставляет мне огромные неудобства. Наручные часы на столике у кровати кажутся курантами; привычный шум автомобилей и поездов начинает походить на неумолимо надвигающуюся лавину. Я лежу весь в поту, инстинктивно избегая малейшего движения, – и вдруг возвращаюсь в нормальное состояние. Все это длится около пяти минут, но кажется бесконечным» (Kurt Schneider).

Возможно также ослабление интенсивности. Окружающее кажется словно покрытым дымкой, все утрачивает вкус или кажется одинаковым (меланхолия). Больной шизофренией пишет:

«Солнечный свет тускнеет, когда я встаю лицом к нему и начинаю громко говорить. Тогда я могу спокойно вглядываться в солнце, свет которого лишь слегка раздражает мои глаза. Но когда я здоров, я так же не способен вглядываться в солнце, как и любой человек» (Schreber).

Отсутствие или ослабление чувствительности к боли (аналгезия или гипалгезия) могут проявляться в локальной или общей форме. Локальная разновидность имеет обычно неврологическое, иногда (при истерии) психогенное происхождение. Общая форма появляется как истерический или гипнотический феномен или как результат сильного аффекта (например, у солдат во время боя). Гипалгезия бывает также признаком особой конституции личности. Столь же разнообразны условия проявления сверхчувствительности к боли – гипералгезии.

(2) *Качественные сдвиги.* При чтении белая бумага внезапно начинает казаться красной, а буквы – зелеными. Лица людей приобретают характерный коричневатый оттенок, окружающие начинают походить на китайцев или индейцев.

Серко наблюдал за собой на ранних стадиях отравления мескалином и отметил, что все окружающее стало казаться необычайно богато расцвеченным, так что он пережил настоящее «отравление» красками: «Самые неприметные предметы, на которые я никогда не обращал внимания, – окурки, спички в пепельнице, цветные стеклышки в мусорной куче, чернильные пятна на письменном столе, ряды похожих друг на друга книг и т. п., – внезапно засияли многоцветным блеском, которого я не могу должным образом описать. Своим неопикуемым цветовым богатством мое внимание привлекли в особенности некоторые объекты, которые я видел, так сказать, опосредованно: даже мелкие тени на потолке и стенах и едва заметные тени, отбрасываемые мебелью на пол, обладали редкостными, нежными оттенками, сообщавшими комнате волшебнo-сказочный облик».

(3) *Аномальные сопутствующие ощущения.* Больной шизофренией пишет:

«Любое слово, любой звук вызывают ощущение удара по голове. При этом кажется, будто из моей головы вырывают по куску черепной кости» (Schreber).

В подобных случаях (которые вполне обычны для шизофрении, хотя могут иметь место и при других расстройствах) мы сталкиваемся, собственно говоря, с сопутствующими ощущениями, а не с хорошо известным феноменом звуко-цветовой ассоциации («цветной слух», синопия)¹⁷.

¹⁷ О теории синестезии см.: Bleuler, Z. Psychol., 65 (1913), 1; Wehofer, Z. angew. Psychol., 7 (1913), 1; Hennig, Z. Psychother.,

(б) Аномальные характеристики восприятий

Восприятие характеризуется рядом признаков: оно может казаться знакомым или чуждым или обладать тем или иным эмоциональным качеством или настроением. Выделяются следующие аномальные характеристики восприятий:

(1) *Отчуждение воспринимаемого мира*¹⁸.

«Все кажется словно затянутым дымкой; я слышу все словно сквозь стену...» «Голоса людей кажутся доносящимися откуда-то издалека. Вещи выглядят не так, как раньше, они как будто изменились, они кажутся странными и плоскими. Мой собственный голос звучит незнакомо. Все выглядит удивительно новым, словно я не видел этого уже очень давно...» «Я словно покрыт мехом... Я трогаю себя, чтобы удостовериться в собственном существовании».

Все это жалобы больных, у которых расстройство выражено в сравнительно мягкой форме. Такие больные никогда не устают описывать, какие странные изменения претерпело их восприятие. Их восприятия странны, своеобразны, жутки. Описания всегда метафоричны, так как этот опыт нельзя выразить непосредственно. Больные не думают, что мир на самом деле переменялся; они только ощущают, что для них все стало иным. Мы должны всегда помнить, что в действительности они могут видеть, слышать и чувствовать со всей остротой и ясностью. Таким образом, мы сталкиваемся с расстройством самого процесса восприятия, а не его отдельных элементов, равно как и не способности оценивать смысл и выносить суждения. Значит, в любом нормальном восприятии должен быть еще один фактор, который ускользнул бы от нашего внимания, если бы нам не были знакомы специфические жалобы этих больных. В случаях относительно серьезных расстройств описания становятся более примечательными:

«Все предметы кажутся такими новыми и поразительными, что я произношу про себя их имена и касаюсь их по нескольку раз, чтобы удостовериться, что они реальны. Даже топая ногой по полу, я все равно ощущаю нереальность...» Больные чувствуют себя дезориентированными, потерянными и думают, что не смогут найти дорогу, хотя на самом деле это им удастся так же успешно, как и прежде. В незнакомой обстановке это ощущение странности и чуждости возрастает. «В страхе я схватил своего друга за руку; я почувствовал, что, если он оставит меня хотя бы на мгновение, я потеряюсь». «Все предметы, казалось, отступили в бесконечность (здесь не следует усматривать физическую иллюзию расстояния, – К. Я.); собственный голос замирает где-то в бесконечной дали». Больные часто думают, что их уже невозможно услышать; им кажется, что они воспарили куда-то вдаль от действительности, во внешнее пространство, в пугающее одиночество. «Все кажется сном. Пространство безбрежно, времени больше нет; мгновение продолжается вечность, утекают бесконечные массы времени...» «Я погребен, совершенно одинок, рядом со мной нет никого. Я вижу только черное; даже солнечный свет я вижу черным». Но мы удостоверяемся, что такие больные все видят и не выказывают никаких расстройств чувственного восприятия как такового.

4 (1912), 22; Georg Anschütz. Das Farbe-Ton-Problem in psychischen Gesamtbereich. – Halle, 1929 (Deutsche Psychologie, Bd. V, Heft 5) (тщательное исследование редкого и интересного случая).

¹⁸ Österreich, J. Psychiatr., 8; Janet. Les obsessions et la psychasthénie, 2ème éd., Paris, 1908.

В таких относительно серьезных случаях исследование поначалу не выявляет расстройства способности к суждению; но ощущения настолько действенны, что их невозможно полностью подавить. Больные касаются предметов руками, чтобы удостовериться в том, что они еще здесь, топают, чтобы удостовериться в наличии твердой почвы под ногами. В конечном счете, однако, психическое расстройство приобретает настолько серьезный характер, что говорить о наличии у больного способности к суждению уже не приходится. Охваченные страхом, утратившие покой больные – страдающие обычно и другими серьезными расстройствами – начинают переживать собственные ощущения как истинную реальность и в итоге теряют чувствительность к доводам разума. Мир ускользает от них. Ничего не остается. Страшно одинокие, они подвешены между бесконечностями. Они будут жить вечно, поскольку времени больше нет. Сами они больше не существуют, ибо их тело умерло. Страшная судьба оставляет на их долю только это ложное существование.

(2) Данный в восприятиях мир может переживаться не только как нечто чуждое и мертвое, но и как нечто *совершенно новое и потрясающе прекрасное*:

«Все казалось иным; во всем я видел черты божественного величия». «Казалось, я вступил в новый мир, в новую жизнь. Каждый предмет был окружен светлым ореолом; мое внутреннее видение было настолько обострено, что я во всем усматривал вселенскую красоту. Лес звучал небесной музыкой» (James).

(3) Приведенные описания показывают, что чисто чувственному восприятию предметов сопутствует определенное настроение, определенная эмоциональная атмосфера. Важным моментом, обуславливающим возможность усматривать в чувственном не просто чувственное, но также и повод понять психическое, является *способность к эмпатии*, то есть к тому, чтобы *разделять чувства других людей*. Патологические феномены состоят либо в *отсутствии способности к эмпатии* (другие люди кажутся умершими, больным кажется, что только они видят окружающее, они больше не сознают существования чужой психической жизни), либо в *мучительно-навязчивой эмпатии* (чужая психическая жизнь захватывает беззащитную жертву), либо, наконец, в *фантастически обманчивой эмпатии*.

Больной с летаргическим энцефалитом сообщает: «В то время я невероятно тонко чувствовал мельчайшие, неуловимые оттенки, колебания настроения и т. д. Например, я непосредственно ощущал малейшие признаки недопонимания между двоими из моих соучеников». Тот же больной сообщает, что он не разделял этих чувств, а только регистрировал их: «Это не было естественным соучастием» (Mayer-Gross und Steiner).

Повышенная способность к чувственному проникновению в высокодифференцированные психические состояния, наряду с другими симптомами, встречается на начальных стадиях процессов. Так, за много лет до начала острого психоза больной пережил значительное обострение восприимчивости, которое он сам рассматривал как нечто аномальное. Произведения искусства казались ему глубокими, содержательными, потрясающими, как волшебная музыка. Люди казались намного более сложными, чем прежде; в своем восприятии душевного мира женщин он ощущал резко возросшее разнообразие. Впечатления от прочитанных текстов мешали ему спать по ночам.

Существует специфический способ непонимания психической жизни других людей, встречающийся на начальных стадиях процессов: окружающие кажутся больному настолько удивительными и непонятными, что он считает этих (на самом деле здоровых) людей больными, тогда как себя – здоровым. Вернике называет данный феномен «транзитивизмом».

(в) Расщепление восприятия

Этот термин относится к феноменам, которые описываются больными, страдающими шизофренией или находящимися под воздействием ядовитых веществ:

«В саду щебечет птичка. Я слышу это и знаю, что она щебечет, но я знаю также, что то, что она птица, и то, что она щебечет, – это вещи, чрезвычайно далекие друг от друга. Между ними лежит пропасть, и я боюсь, что не смогу совместить их друг с другом. Кажется, что между птицей и щебетом нет ничего общего» (Fr. Fischer).

Случай отравления мескалином: «Открыв глаза, я посмотрел в сторону окна, но не понял, что это окно; я увидел множество красок, зеленых и голубых пятен, и я знал, что это листья на дереве и небо, которое видно сквозь них, но не мог связать это восприятие разнообразных вещей с каким-либо определенным местом в пространстве» (Mayer-Gross und Steiner).

(г) Обманы восприятия

Мы описали все аномальные восприятия, относящиеся к реальным объектам, увиденным по-иному, но не к новым, не существующим в действительности объектам. Теперь мы перейдем к обманам восприятия в собственном смысле, то есть к восприятию предметов, не существующих в действительности¹⁹. Со времен Эскироля проводится различие между иллюзиями и галлюцинациями. *Иллюзиями* называются такие случаи восприятия, которые в действительности являются преобразованиями (или искажениями) нормального восприятия; здесь внешние возбудители чувств составляют с некоторыми воспроизводимыми элементами такое единство, когда первые не удается отличить от вторых. *Галлюцинациями* называются случаи восприятия, которые возникают как первичные феномены и не являются преобразованиями или искажениями какого бы то ни было первичного восприятия.

(aa) Существует три типа иллюзий – *иллюзии, обусловленные недостатком внимания, иллюзии, обусловленные аффектом, и парейдолии (Pareidolien)*.

1. *Иллюзии, обусловленные недостатком внимания*. Как показывают данные экспериментальных исследований, почти любое восприятие вбирает в себя какие-то воспроизводимые элементы; благодаря последним почти всегда компенсируется тот эффект ослабленного воздействия внешних стимулов, который возникает при недостаточно сосредоточенном внимании. Например, слушая лекцию, мы постоянно про себя восполняем ее смысл, но замечаем это только тогда, когда случайно совершаем ошибку. Мы пропускаем опечатки в книге, но, исходя из контекста, незаметно восполняем и корректируем ее смысл. Иллюзии этого типа могут быть исправлены сразу же, как только мы сосредоточим на них наше внимание. Ошибки идентификации и неточные, ошибочные восприятия, возникающие при прогрессивном параличе, делирии и т. п., до известной степени принадлежат к этой же категории. Иллюзии данного рода (неверная идентификация) играют роль в ошибках, совершаемых этими больными при чтении и слушании, а также в способах оформления ими своих визуальных впечатлений.

2. *Иллюзии, обусловленные аффектом*. Оказавшись в одиночестве в ночном лесу, мы можем в страхе принять ствол дерева или скалу за человеческую фигуру. Больной-меланхолик,

¹⁹ Johannes Müller. Über die phantastischen Gesichterscheinungen (Koblenz, 1826); Hagen, Allg. Z. Psychiatr., 25, 1; Kahlbaum, Allg. Z. Psychiatr., 23; Kandinsky. Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen (Berlin, 1885). Я дал подробное описание обмана восприятия в: K. Jaspers. Z. Neur. Referatenteil, 4 (1911), 289. См. также мою позднейшую работу: Zur Analyse der Trugwahrnehmungen, Z. Neur., 6, 460. Из более поздних работ см.: W. Mayer-Gross und Johannes Stein. Pathologie der Wahrnehmung, in: Bumke. Handbuch der Geisteskrankheiten, Bd I (Berlin, 1928).

который боится, что его убьют, может принять висящую на вешалке одежду за труп, а какой-нибудь повседневный шум может потрясти его, будучи принят за звон тюремных цепей. Иллюзии этого типа обычно мимолетны и всегда понятны с точки зрения аффекта, преобладающего в данный момент времени.

3. *Парейдолии*. Воображение может создавать иллюзорные формы из облаков, старых стен с разводами и т. п. Парейдолии не связаны с какими-либо аффектами или суждениями о действительности; но то, что сотворено воображением, не обязательно исчезает, когда внимание сосредоточивается на нем:

«В детстве меня часто дразнила эта моя живая способность к воображению. Одну из своих фантазий я помню особенно хорошо. Из окна гостиной я мог видеть дом напротив, старый и обшарпанный, с почерневшей штукатуркой и покрывавшими стены пятнами разнообразной формы, за которыми просвечивала старая штукатурка. Глядя в окно на эту темную, ветхую стену, я воображал, что пятна отставшей штукатурки – это лица. С течением времени они становились все более и более выразительными. Когда я пытался обратить внимание других людей на эти “лица” на обветшавшей штукатурке, никто меня не понимал. Тем не менее я видел их вполне отчетливо. В последующие годы я помнил их очень ясно, хотя больше не мог мысленно восстановить их, глядя на контуры, которым они были обязаны своим существованием» (Johannes Müller).

Сходные иллюзии могут наблюдаться и у психически больных. Невидимые постороннему, они постоянно исчезают и возникают в воображении больного – тогда как иллюзии двух других типов исчезают либо тогда, когда внимание сосредоточивается на них, либо тогда, когда породивший их аффект сменяется другим.

Одна из пациенток гейдельбергской клиники, находясь в спокойном, сосредоточенном состоянии, видела головы людей и животных «словно вышитыми» на одеяле, а также на стене. Кроме того, она видела гримасничающие лица в пятнах солнечного света на стенах. Она знала, что это обман, и говорила: «Мой взгляд извлекает лица из неровностей стены». Другая пациентка удивленно сообщала: «Вещи сами обретают форму; круглые дыры в оконных рамах [то есть отверстия для задвижек] превращаются в головы, и мне кажется, что они собираются укусить меня».

Один больной так описывал свои иллюзии во время охоты: «На всех деревьях и кустарниках я видел вместо обычных сорок смутные очертания каких-то глядевших на меня карикатурных фигур, пузатых человечков с тонкими кривыми ножками и длинными толстыми носами, а иногда и слоников с длинными шевелящимися хоботами. Земля, казалось, кишела ящерицами, лягушками и жабами, иногда весьма внушительных размеров. Меня окружала самая разнообразная живность, самые разнообразные порождения ада. Деревья и кусты приобретали зловещий, пугающий вид. Бывало, на каждом кустарнике, на деревьях и стеблях камыша сидело по девичьей фигурке. Девичьи лица обольстительно улыбались мне с облаков, а когда ветер шевелил ветви, они манили меня к себе. Шум ветра был их шепотом» (Staudenmaier).

Иллюзии, будучи чувственно переживаемыми данностями, ни в коем случае не должны смешиваться с *ложными толкованиями* (то есть с ложными выводами рассудка). Если блестящий металл принимается за золото, а врач – за прокурора, это не связано с искажением чувственного восприятия. Сам воспринимаемый объект остается тем же, но он получает лож-

ное истолкование. Иллюзии надо отличать и от так называемых *функциональных галлюцинаций*: к примеру, когда течет вода, больной слышит голоса, но последние исчезают, как только кран закрывается. Звук, производимый текущей водой, и голоса он слышит одновременно. Как иллюзии, так и функциональные галлюцинации содержат элемент настоящего восприятия действительности, но в первом случае этот элемент становится поводом для возникновения иллюзорного ощущения, которое продолжает существовать само по себе, тогда как во втором случае он исчезает вместе с самим восприятием.

(бб) *Истинные галлюцинации* – это обманы восприятия, которые не являются искажениями истинных восприятий, а возникают сами по себе как нечто совершенно новое и существуют одновременно с истинными восприятиями и параллельно им. Последнее свойство делает их феноменом, отличающимся от галлюцинаций-сновидений. Существует ряд нормальных феноменов, *сопоставимых* с истинными галлюцинациями, – например *последовательные образы* на сетчатке или более редкое явление *воспоминания чувственного образа* (когда уже слышанные слова совершенно отчетливо слышатся снова, как будто их произносят на самом деле, или когда в конце дня, заполненного кропотливой работой у микроскопа, перед глазами встают микроскопические объекты; подобное характерно для состояния усталости). Наконец, существуют *фантастические визуальные явления*, классическое описание которых дал И. Мюллер, и феномены, хорошо известные ныне под названием *субъективных визуальных образов*.

Образец *воспоминания чувственного образа* был мне любезно сообщен тайным советником Тучеком (Tuczek) из Марбурга: «В течение большей части дня, без перерыва, я собирал яблоки. Стоя на стремянке, я внимательно вглядывался в гущу ветвей и длинной палкой сбивал яблоки. Вечером, когда я возвращался по темным улицам к вокзалу, мне очень мешало болезненное ощущение, будто перед моими глазами все еще маячат ветви с висящими на них яблоками. Этот образ был настолько реальным, что я то и дело на ходу размахивал перед собой палкой. Ощущение не оставляло меня в течение нескольких часов, пока, наконец, я не уснул».

Образец *фантастического визуального явления*, описанный И. Мюллером на основе наблюдений над самим собой: «Чтобы скоротать бессонные ночи, я пускаюсь в своеобразные странствия среди творений собственного зрительного воображения. Если я хочу проследить за этими светлыми образами, я расслабляю мышцы глаз, закрываю глаза и всматриваюсь во тьму поля зрения. Чувствуя, что мышцы глаз полностью расслаблены, я погружаюсь в осязаемый покой своих глаз или во тьму поля зрения. Я отбрасываю от себя любые мысли или суждения... Поначалу на темном фоне там и сям появляются световые пятна, туманные облачка, изменчивые, подвижные цвета; вскоре они сменяются легко узнаваемыми изображениями самых разнообразных предметов, поначалу смутными, затем все более и более отчетливыми. Нет сомнения, что они испускают настоящее свечение; иногда они бывают окрашены в разные цвета. Они наделены подвижностью и изменчивостью. Иногда они появляются у краев поля зрения и при этом выглядят необычайно четко и живо, что не характерно для этих областей. С малейшим движением глазного яблока они обычно исчезают. Рефлексия также заставляет их исчезнуть. Они редко представляют собой нечто знакомое; обычно это удивительные люди и животные, которых я никогда не видел, или освещенные помещения, в которых я никогда не бывал... Я умею вызывать эти видения не только по ночам, но и в любое время дня. Ночами я подолгу не сплю, наблюдая за ними с закрытыми глазами. Мне достаточно

бывает сесть, закрыть глаза, отвлечься от всего на свете, чтобы эти образы, которые я знаю и люблю с детства, пришли ко мне сами собой... Светлые образы часто появляются в темном поле зрения, но столь же часто темное поле светлеет и превращается в мягкий внутренний дневной свет, после чего сразу же появляется собственно образ. Постепенное просветление поля зрения кажется мне чем-то не менее примечательным, нежели возникновение самих светящихся образов. Удивительное ощущение: сидеть, как зритель, среди бела дня, с закрытыми глазами, и видеть “дневной свет”, постепенно нарастающий изнутри, а в этом дневном свете собственных очей наблюдать светящиеся и движущиеся фигуры, порожденные, конечно же, той жизнью чувств, которая протекает в глубинах твоей личности, – и все это в состоянии бодрствования, спокойного размышления, без всякого суеверия, без всякой сентиментальности. Я могу исключительно точно определить момент, когда образы начинают светиться. Я долго сижу с закрытыми глазами. Если я пытаюсь вообразить что-либо по собственному произволу, это остается лишь абстрактной идеей, которая не светится и не движется по полю зрения; но внезапно возникает согласованность между фантазией и световым нервом, внезапно возникают светящиеся формы, совершенно не связанные с развитием идей. Это мгновенно возникающие видения, а не формы, поначалу рожденные воображением и лишь затем начинающие светиться. Я не вижу того, что мог бы захотеть увидеть мой разум; я просто воспринимаю то, что светит мне без всякого усилия с моей стороны. Поверхностное возражение, будто это то же, что светящиеся образы, которые мы видим во сне, или простая “игра фантазии”, должно быть отброшено. Я могу плести одну фантазию за другой в течение долгих часов, но то, что я при этом представляю себе, никогда не оживает в таких формах. Для того чтобы возникали такие светящиеся явления, нужна соответствующая предрасположенность. Внезапно появляется нечто светлое, чего ты прежде себе не представлял, что не подчиняется твоей воле и не ассоциируется с чем бы то ни было тебе уже известным. То, что я вижу в состоянии бодрствования, сияет так же ярко, как искры, которые мы можем вызывать в нашем поле зрения, надавливая на глазные яблоки».

Субъективные визуальные образы – это относящиеся к области чувственного восприятия феномены, обнаруживаемые у 50 % подростков и у многих взрослых (так называемых эйдефиков). Если изображения цветов, плодов или других предметов кладутся на серую бумагу, а затем убираются, эйдефики снова видят эти предметы на бумаге во всех деталях, причем иногда впереди или позади плоскости бумаги. Такие образы отличаются от последовательных образов, ибо они не обладают свойством комплементарности (дополнительности). Они могут также перемещаться и изменяться; они не являются точными копиями, а могут модифицироваться благодаря деятельности мысли. Они могут быть вызваны в памяти даже по прошествии долгого времени. Как сообщает Йенш (Jaensch), перед экзаменом один эйдефик смог прочесть обширные тексты, имея в своем распоряжении только такие визуальные образы²⁰.

²⁰ Urbantschitsch. Über subjektive optische Anschauungsbilder (Wien, 1907); Silberer. Bericht über eine Methode gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen. – Jb. Psychoanal., 1 (1909), 513; E. R. Jaensch. Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt und ihre Struktur im Jugendalter.

(вв) Существует целый класс феноменов, которые в течение долгого времени ошибочно отождествлялись с галлюцинациями. При ближайшем рассмотрении они оказываются не восприятиями в собственном смысле, а особого рода представлениями. Кандинский исчерпывающе описал их под названием *псевдогаллюцинаций* (ложных галлюцинаций, Pseudohalluzinationen). Приведем пример:

«Вечером 18 августа 1882 года Долинин принял 25 капель *tincturae opii simplicis*, сел за письменный стол и приступил к работе. Спустя час он заметил, что его воображение стало работать значительно активнее. Он перестал заниматься своим делом и, будучи в полном сознании и не испытывая желания спать, просидел с закрытыми глазами час, в течение которого перед его взором прошли многие из тех, кого он видел днем, лица старых друзей, с которыми он давно не встречался, лица незнакомых людей. Время от времени появлялись листы белой бумаги с различными текстами; затем несколько раз появилась желтая роза, а под конец – изображения неподвижных людей в самых разнообразных одеждах и позах. Эти изображения возникли на короткое мгновение, затем исчезли, после чего сразу же появился еще один ряд, логически не связанный с предыдущим. Картины были явно спроецированы вовне; казалось, что они находятся прямо перед его глазами. Но они *никак не были связаны с темным полем зрения его закрытых глаз*. Чтобы их увидеть, ему необходимо было отвести свой взгляд от этого темного поля. Стоило ему сосредоточить взгляд на поле зрения, как визуальные феномены прекращались. Несмотря на многочисленные попытки, ему так и не удалось сделать субъективные картины частью темного фона. Несмотря на четкие очертания картин, на их живые и яркие цвета, а также на то, что они казались находящимися совсем рядом с субъектом, *им не было присуще свойство объективности*. Долинин чувствовал, что, хотя он видел все эти вещи своими глазами, это были не его внешние, телесные глаза (которые видели только темное поле зрения с туманными, тусклыми световыми пятнами), а *“внутренние глаза”*, локализованные где-то позади “внешних”. Картины располагались на расстоянии от сорока сантиметров до шести метров от этих “внутренних глаз”. Это обычное расстояние наилучшего видения, которое в его случае было очень малым из-за близорукости... Размеры человеческих фигур варьировали от натуральной величины до размеров фотографического портрета. Наилучшие условия для появления фигур определялись следующим образом: по возможности полностью освободив себя от каких бы то ни было мыслей, нужно было лениво направить свое внимание к чувству, вовлеченному в действие (в данном случае имеется в виду чувство зрения). Активная апперцепция спонтанно возникающих псевдогаллюцинаций позволяет сохранить их в фокусе сознания на сравнительно длительное время – во всяком случае, дольше, нежели это было бы возможно без подобного активного усилия. Переключение внимания со зрения на другое чувство (например, на слух) частично или полностью прерывает уже начавшуюся псевдогаллюцинацию. Галлюцинация прерывается также и в тех случаях, когда внимание сосредоточивается на черном поле зрения закрытых глаз или на действительных объектах окружающего мира, если глаза открыты; то же происходит с началом любых спонтанных или произвольных проявлений абстрактного мышления» (Kandinsky).

При ознакомлении с этим описанием сразу же обращает на себя внимание тот факт, что описываемые явления видятся «внутренним взором»: они находятся вне черного поля зрения закрытых глаз (в отличие от фантастических зрительных явлений, о которых речь шла выше) и не оставляют ощущения чего-то реального, телесного (по Кандинскому – лишены свойства объективности). Чтобы лучше ориентироваться среди этого разнообразия порождений нашего воображения, – в ряду которых находится и феномен, описанный Долининым, – мы должны прежде всего дать обзор их отличительных признаков, феноменологически различая нормальные восприятия и нормальные представления:

<i>Восприятия (Wahrnehmungen)</i>	<i>Представления (Vorstellungen)</i>
1. Восприятия <i>телесны</i> (имеют объективный характер)	Представления <i>образны</i> и имеют субъективный характер
2. Восприятия возникают во <i>внешнем объективном пространстве</i>	Представления возникают во <i>внутреннем субъективном пространстве</i> представлений
3. Восприятия <i>ясно очерчены</i> и предстают перед нами во всех подробностях	Представления <i>лишены ясных очертаний</i> и являются нам неполными, лишь в отдельных деталях
4. Чувственные элементы в восприятиях отличаются <i>полнотой и свежестью</i> ; например, цвета — яркие	Иногда чувственные элементы адекватны тем, которые даны в восприятиях, но в большинстве случаев степень их выраженности <i>неадекватна</i> . Зрительные представления большинства людей никак не окрашены
5. Восприятия <i>постоянны</i> и легко могут <i>удерживаться</i> без изменений	Представления <i>рассеиваются</i> , и их каждый раз нужно <i>воссоздавать</i> заново
6. Восприятия <i>не зависят от воли</i> . Они не могут быть произвольно вызваны или изменены и воспринимаются с чувством пассивности	Представления <i>зависят от воли</i> . Они могут быть вызваны или произвольно изменены. Они порождаются с чувством активности

В связи с пунктом 2 следует добавить, что субъективное пространство представлений может казаться идентичным объективному – например, когда я формирую визуальный образ чего-то позади меня. Я могу также вообразить нечто находящееся между определенными объектами передо мной, но не видеть этого (в противном случае речь шла бы о галлюцинации). Как в том, так и в другом случае объективное и субъективное пространства лишь кажутся совпадающими друг с другом; на самом деле между ними существует пропасть, для преодоления которой необходимо каждый раз делать скачок.

На основе представленной таблицы мы можем вывести специфические признаки псевдогаллюцинаций. Единственные безоговорочные отличия от нормальных восприятий касаются пунктов 1 и 2: псевдогаллюцинации образны, то есть не имеют отношения к действительности и появляются во внутреннем субъективном пространстве, а не во внешнем объективном пространстве. В этих парах признаков содержится четкое противопоставление чувственного восприятия и образного представления, между которыми нет переходов. Что касается признаков, отмеченных в пунктах 3 и 4, то в применении к ним различие не выглядит столь же отчетливым. Образные представления, всегда пребывающие во внутреннем пространстве, могут постепенно обретать те или иные свойства, приписываемые чувственным восприятиям. Так, между нормальными образными представлениями и полностью развитыми псевдогаллюцинациями мы обнаруживаем бесконечное разнообразие феноменов. Теперь мы можем охарактеризовать псевдогаллюцинации следующим образом: они лишены конкретной реальности (телесности) и появляются во внутреннем субъективном пространстве представлений, но «внутреннему взору» они кажутся имеющими четкие очертания и данными во всех подробностях (пункт 3), а те их элементы, которые воспринимаются чувственно, характеризуются той же полноценно-

стью, которая присуща нормальным восприятиям (пункт 4). Мы можем внезапно столкнуться с ними, будучи в полном сознании; при этом они предстанут перед нами с полной отчетливостью, во всем богатстве живых деталей. Они не рассеиваются сразу, а могут удерживаться как нечто постоянное до своего внезапного исчезновения (пункт 5). Наконец, их невозможно по произволу менять или вызывать. По отношению к ним субъект находится в состоянии пассивного восприятия (пункт 6).

Но феномены, достигшие столь полного развития, скорее необычны. Чаще всего явления менее отчетливы и характеризуются одним или двумя из перечисленных выше признаков. Могут возникать как бледные, неопределенные, произвольные образы, так и детализированные, устойчивые, произвольно вызываемые явления. Так, один пациент, выздоравливавший после острого психоза, в течение некоторого времени сохранял способность вызывать перед своим внутренним образом живейшие образы – например, для игры в шахматы вслепую он внутренне воссоздавал шахматную доску со всеми фигурами. Впрочем, вскоре он утратил эту способность. Науке известны только зрительные и слуховые псевдогаллюцинации в форме внутренних образов и голосов.

Описывая чувственный опыт, относящийся к ложным восприятиям, мы провели различие между иллюзиями и галлюцинациями, а также между чувственным восприятием и образными представлениями (то есть между собственно галлюцинациями и псевдогаллюцинациями). Это не мешает нам рассчитывать на обнаружение «переходных» форм, в которых псевдогаллюцинации *превращаются* в истинные галлюцинации, и, соответственно, на разработку богатой области патологии чувственного восприятия, в которой все феномены *сочетаются* друг с другом. Но для того, чтобы наш анализ имел необходимую устойчивую основу, мы должны прежде всего провести четкую дифференциацию.

Иллюзии, галлюцинации и псевдогаллюцинации отличаются исключительным разнообразием: от таких элементарных явлений, как искры, языки пламени, шумы, хлопки, до ощущения полноценно оформленных объектов, слышания голосов и видения человеческих фигур и пейзажей. Рассматривая феномены, относящиеся к области действия разных чувств, мы можем получить определенную обобщенную картину:

*Зрение*²¹. Реальные объекты кажутся увеличенными, уменьшенными, искаженными, движущимися. Картины скачут по стенам, мебель оживает. Зрительные галлюцинации при алкогольном делирии выглядят как массы изменчивых объектов, галлюцинации при эпилепсии характеризуются яркими цветами (красный, синий) и подавляющей грандиозностью. Галлюцинации, наблюдаемые при острых психозах, часто выглядят как целые «панорамные» сцены. Приведем несколько примеров.

(аа) *Во внутреннем субъективном пространстве*. Больная шизофренией, проснувшись, увидела призрачные фигуры; она не знала, откуда они взялись. Это были внутренние картины; она знала, что в действительности их нет. Но эти картины навязывались ей и давили на нее. Она видела кладбище с разрытыми могилами, проходящие мимо обезглавленные тела. Картины причиняли ей страшные мучения. Переключив внимание на объекты внешнего мира, она смогла их отогнать.

(бб) *С открытыми глазами*. Фигуры появляются по всему полю зрения, но они не интегрированы в объективное пространство: «Фигуры скопились вокруг меня на расстоянии трех-шести метров. Это были гротескные фигуры людей; от них исходили какие-то звуки, похожие на беспорядочный гул

²¹ Примеры зрительных галлюцинаций см. в: Serko, Z. Neur., 44; Morgenthaler, Z. Neur., 45.

голосов. Фигуры находились в пространстве, но казалось, что у них есть особое пространство, принадлежащее только им. Чем больше мои чувства отвлекались от обычных объектов, тем более отчетливым становилось это новое пространство вместе со своими обитателями. Я мог определить точное расстояние, но фигуры никак не зависели от предметов, находившихся в комнате, и не заслонялись ими; их невозможно было воспринимать одновременно со стеной, с окном и т. п.

Я не мог согласиться с замечанием, будто все это лишь плоды моего воображения; я не мог обнаружить ничего общего между этими ощущениями и моим воображением и не могу сделать этого до сего дня. Фигуры, рождаемые моим воображением, я никогда не ощущаю пребывающими в пространстве; они остаются смутными картинками в моем мозгу или где-то позади моего зрения. Что касается этих явлений, то я воспринимал их как принадлежащие особому миру, не имеющему ничего общего с миром чувств. Все было “реально”, формы были полны жизни. В дальнейшем обычный мир продолжал содержать в себе этот другой мир с его особым, отдельным пространством, и мое сознание произвольно переходило от одного из этих миров к другому. Оба мира и связанные с ними ощущения были в высшей степени непохожи друг на друга» (Schwab).

Серко следующим образом описывал ложные зрительные ощущения во время отравления мескалином:

«Они появляются внутри неизменного, круглого, микроскопического поля зрения и чрезвычайно малы; они не интегрированы в окружающую действительность, а образуют собственный миниатюрный мирок, свой “театр”; они не затрагивают непосредственного содержания сознания и всегда субъективны... Они отделаны до мельчайших деталей и ярко расцвечены. Они обладают четкими очертаниями и постоянно меняются... Когда мой взгляд движется, они не меняют своего положения в пространстве». Содержание этих ложных ощущений находится «в постоянном движении... Узоры на обоях превращаются в букеты цветов, завитушки, купола, готические порталы... и т. п.; все беспрерывно приходит и уходит, и это постоянное движение кажется основным отличительным признаком этих явлений».

(вв) *С закрытыми глазами.* Явление, описанное И. Мюллером (J. Müller, см. выше), имеет следующее соответствие из области шизофрении:

«Закрывая глаза, я ощущал рассеянное, молочно-белое свечение, из которого выплывали объемные и часто очень яркие экзотические формы растений и животных. Бледное свечение могло оставлять впечатление чего-то локализованного в самом глазу, но формы были как душевное переживание и казались явившимися из другого мира. Восприятие света не всегда бывало одинаковым. Когда мое душевное состояние улучшалось, свет был более ярким, но после малейших отрицательных переживаний (таких, как досада, раздражение и т. д.) или физического дискомфорта (например, связанного с перееданием) он становился темнее, вплоть до полной черноты. Свечение появлялось через одну-две минуты после того, как я закрывал глаза. Как-то раз, проезжая на поезде через туннель, я закрыл глаза и увидел свет; мне показалось, что поезд вышел из туннеля, но, когда я внезапно открыл глаза, я увидел только крошечную тьму. Свечение исчезло не только потому, что я открыл глаза, но и потому, что я пытался смотреть и видеть. Как только я переставал сосредоточивать свой взгляд на чем-то определенном, я мог с

открытыми глазами видеть свечение даже среди бела дня, но тогда оно бывало менее ярким, и формы появлялись не всегда. Растения были невообразимы, они восхищали меня своей прелестью и очарованием; в них было нечто настолько великолепное, что обычные, известные нам всем растения казались их вырожденным потомством. Доисторические животные были милыми и добрыми существами. Иногда та или иная часть организма разрасталась и приобретала исключительное значение, но, к моему удивлению, остальные части самым гармоничным образом адаптировались к этой особенности, в результате чего возникали особые типы. Формы были неподвижны, казались трехмерными и по истечении нескольких минут исчезали» (Schwab).

(22) *Интеграция во внешнее объективное пространство.* Кандинский следующим образом описывает собственный психотический опыт: «Некоторые из моих галлюцинаций были относительно бледными и смутными. Другие светились всеми цветами радуги, подобно реальным предметам. Они затмевали действительность. В течение целой недели на одной и той же стене, оклеенной гладкими, одноцветными обоями, я видел целый ряд прекрасных фресок и картин в роскошных золоченых рамах – пейзажи, морские виды, иногда портреты».

В работе Унтгоффа²² приводится следующее описание:

«Больная с застарелым хориоидитом. Центральная положительная скотома. 20 лет болезнь не проявлялась. Однажды возникла тупая боль в голове, усталость. Больная выглянула в окно и вдруг заметила на мостовой движущуюся и растущую в размерах “виноградную лозу”. Это видение продолжалось шесть дней, после чего лоза превратилась в дерево с почками. Идя по улице, она увидела дерево словно в тумане среди настоящих кустов. При ближайшем рассмотрении удалось отличить реальные листья от мнимых; последние выглядели как “нарисованные, с серовато-синим оттенком (“словно затененные”); “воображаемые листья” казались “приклеенными”, тогда как настоящие “вырастали прямо из стены”. Затем больная увидела “восхитительные цветы самой разнообразной окраски, звездочки, арабески, маленькие букеты”. Интеллигентная больная описала результаты своего изучения этих форм следующим образом: “Листья, кусты и т. д. казались локализованными в позитивной дефектной области центра поля зрения, а их размер менялся в зависимости от расстояния. На расстоянии десяти сантиметров видения имели диаметр два сантиметра”. Проецируемые на дом на противоположной стороне улицы, они были настолько велики, что полностью закрывали собой окно. При малейшем смещении взгляда видения также приходили в движение. Именно благодаря этому последнему обстоятельству больная понимала, что они не являются реальными объектами. Когда больная закрывала глаза, видения исчезали, уступая место своеобразным картинам (золотая звезда на черном фоне, часто внутри синего и красного концентрических колец). Галлюцинаторные объекты заслоняли фон и были светонепроницаемы».

Больной шизофренией пишет:

«Как-то раз у меня в течение нескольких дней гостила прелестная юная женщина. В одну из последующих ночей, лежа в постели, я повернулся на правый бок и, к своему величайшему изумлению, увидел выглядывающую из-

²² Unthoff. Beiträge zu den Gesichtstäuschungen bei Erkrankungen des Sehorgans. – Mschr. Psychiatr., 5, 241, 370.

под одеяла голову девушки – казалось, она лежит рядом со мной. В темноте комнаты она выглядела как нечто волшебное, прекрасное, эфирно-прозрачное и нежно светящееся. На мгновение я потерял дар речи, но потом понял, с чем имею дело, тем более что во мне саркастическим шепотом заговорил какой-то грубый, недобрый голос. Я перестал обращать на призрак внимание, сердито повернулся на левый бок и выругался. Позднее дружелюбный голос сказал: “Девушка ушла”» (Staudenmaier).

Девушка, больная шизофренией, сообщает:

«Поначалу я была очень занята тем, что пыталась поймать своими глазами “Святого Духа”: я имею в виду эти маленькие белые прозрачные частички, которые прыгают в воздухе или выскакивают из глаз окружающих меня людей и выглядят как мертвый, холодный свет. Я видела также, как кожа людей испускает черные и желтые лучи; сам воздух также пропитался разными необычными лучами и слоями... Целый день я провела в страхе перед дикими зверями, которые мчались сквозь закрытые двери или, черные, медленно крались вдоль стен, чтобы спрятаться под диваном и следить оттуда за мной своими блестящими глазами. Я пугалась разгуливавших по коридорам безголовых людей и лежавших на паркетном полу, лишенных души трупов убитых; стоило мне взглянуть на них, как они мгновенно исчезали: я “улавливала их прочь” своими глазами» (Gruhle).

Слух. Больные с острыми психозами слышат мелодии, бессвязные звуки, свист, грохот машин, шум, который кажется им громче пушек. Как и в хронических случаях, здесь мы сталкиваемся с «голосами», с «невидимыми» людьми, которые, обращаясь к больным, кричат им самые разные вещи, задают вопросы, оскорбляют или командуют. Что касается содержания, то оно может состоять из отдельных слов или целых фраз; голоса могут звучать как по отдельности, так и беспорядочными группами; может происходить связный разговор как между самими голосами, так и между голосами и больным. Голоса могут быть женскими, детскими или мужскими, принадлежать знакомым или незнакомым людям или вообще не поддаваться идентификации. Голоса могут грубо браниться, комментировать действия больного, произносить бессмысленные слова или повторять одно и то же. Иногда больной слышит собственные мысли, произнесенные вслух (*звучание мыслей* – Gedankenlautwerden).

Приведем описание, сделанное самим больным (Kieser):

«Забавно, страшно и унизительно вспоминать, какие только слуховые упражнения и эксперименты – в том числе и музыкальные – не были разыграны с моими ушами и моим телом на протяжении без малого двадцати лет. Иногда я слышал одно и то же слово, непрерывно повторявшееся в течение двух-трех часов. Мне приходилось выслушивать постоянные долгие речи о себе; часто их содержание бывало оскорбительным, а голоса не отличались от голосов хорошо известных лиц. Эти выступления, однако, содержали очень мало правды; обычно они представляли собой бесстыдную ложь и клевету, направленную против меня, иногда также против других людей... Часто провозглашалось, будто не кто иной, как я сам говорю все эти вещи... Эти подлецы, забавляясь, прибегали к таким фигурам речи, как ономотопея, парономазия и т. д., и исполняли речевой *perpetuum mobile*. Эти несмолкающие звуки бывали слышны то совсем близко, то на расстоянии получаса или целого часа. Они словно катапультировались из моего тела;

самые разнообразные звуки и шумы выстреливали вокруг, особенно когда я входил в какой-нибудь дом, или деревню, или город. Вот почему последние несколько лет я живу как отшельник. В моих ушах постоянно что-то звучит, причем иногда так громко, что это можно слышать на большом расстоянии. Когда я нахожусь в лесу или среди кустов в ветреную погоду, появляется какой-то страшный, демонический призрак; в спокойную погоду все деревья при моем приближении начинают шелестеть и произносить слова и фразы. То же и с водой – все стихии используются для того, чтобы подвергать меня пыткам».

Другому больному голоса слышались в течение долгих месяцев – на улицах, в магазинах, поездах и ресторанах. Голоса говорили и звали тихо, но совершенно явственно и отчетливо. Например, они произносили: «Знаете ли Вы его? – Это сумасшедший Хагеманн», «Опять он смотрит на свои руки», «Прилягте, у вас болезнь спинного мозга», «У этого человека нет никакого характера» и т. д.

Шребер (Schreber) описывает *функциональные галлюцинации*, которые слышны тогда же, когда и реальные шумы, и не слышны в тишине:

«Нужно отметить, что все звуки, в особенности те, которые длятся сравнительно долго (как, например, громыхание поезда, пыхтение паровоза, музыка на концерте), кажутся мне говорящими. Конечно, это субъективное чувство, не похожее на речь солнца или волшебных птиц. Звук произносимых или возникающих во мне слов связывается с моими слуховыми впечатлениями от поезда, паровоза, скрипящих ботинок и т. д. Я и не думаю утверждать, что поезд, паровоз и т. д. действительно говорят – как солнце или птицы».

Больные шизофренией часто слышат голоса, источник которых находится внутри них – в туловище, голове, глазах и т. п.

Следует отличать «внутренние голоса» («голоса духа»), являющиеся псевдогаллюцинациями, от «истинных голосов» (галлюцинаций).

Перевалов, страдавший хронической паранойей, отличал голоса, которые говорили непосредственно извне, через стены и трубы, от голосов, которые приносились потоком и использовались его преследователем для того, чтобы время от времени *заставлять его слышать внутренне*. Эти внутренние голоса не были локализованы во внешнем пространстве; кроме того, они не обладали физической природой. Он отличал их также от «сделанных мыслей», не сопровождавшихся внутренним слышанием и направлявшихся прямо в его голову (Кандинский). Г-жа К. сообщила, что у нее есть две памяти: с помощью одной из них она может вспоминать, как и все прочие люди, тогда как в другой ей непроизвольно являются голоса и внутренние образы.

«Голоса» особенно характерны для шизофрении. Им давалось множество названий и толкований, например: коммуникации, сообщения, магический разговор, тайный язык, бунтующие голоса и т. п. (см. об этом у Груле).

Вкус и обоняние. Эти чувства не дают объективной картины. В принципе мы можем отличать спонтанные галлюцинации от таких ложных ощущений, при которых объективные вкусы и запахи воспринимаются не совсем обычным образом. Больной так описывает свои ощущения: «С вкусом происходят странные вещи... У пищи может быть какой угодно вкус: у капусты как у меда, а суп может казаться совершенно несоленым, но стоит мне собраться его как следует посолить, как он начинает казаться мне пересоленным» (Корре).

Больные жалуются на угольную пыль, запах серы, разлитое в воздухе зловоние и т. п.

Одновременное действие разных чувств. Чувственное восприятие в конечном счете имеет дело не с каким-то одним изолированным чувством, а с объектом. Этот объект кажется нам одним и тем же благодаря одновременному действию нескольких чувств. Также и при галлюцинациях различные чувства дополняют друг друга.

Совсем иное дело – та «мешанина» чувств, которая затуманивает всякое восприятие. В ряде случаев чувства вообще не выполняют функции выявления объекта в сколько-нибудь отчетливой форме; вместо этого объект предстает перед больным в виде беспорядочного набора изменчивых показаний органов чувств, в котором сознание тщетно пытается установить какой-либо смысл. Мы имеем в виду не согласованную галлюцинацию нескольких чувств, а настоящую синестезию, когда она становится доминирующим способом восприятия. В подобных случаях восприятие реального мира составляет единство с галлюцинациями и иллюзиями. Блейлер описывает, как он «пробовал на вкус» сок на кончиках своих пальцев. а вот описание, сделанное в связи с отравлением мескалином:

«Кажется, что ты слышишь шумы и видишь лица, но на самом деле все остается тем же... То, что я вижу, я слышу; то, что я обоняю, я думаю... Я – музыка, я – решетка, все едино... Существуют также слуховые галлюцинации, которые суть в то же время зрительные ощущения, ломанные линии, углы, восточные узоры... Все это я не только думал, но и чувствовал, обонял, видел и ощущал как свои собственные движения... Все явственно и определенно... Перед лицом этого подлинного переживания невозможного любая критика утрачивает смысл» (Beringer).

(д) Аномальные представления. Обманы памяти

От феноменологии аномальных восприятий перейдем к феноменологии аномальных представлений при псевдогаллюцинациях.

Аномальные представления соответствуют отчуждению воспринимаемого мира. Аномалия относится не к представлению как таковому, а к его отдельным аспектам, составляющим то, что можно было бы назвать «качественной характеристикой образного представления». Некоторые больные жалуются на неспособность представить что бы то ни было; все представления, которые они могут вызвать в своем воображении, кажутся бледными, туманными, мертвыми и ускользающими от сознания.

Одна из пациенток Ферстера (Foerster) жаловалась: «Я даже не могу представить себе, как я выгляжу, как выглядят мои муж и дети... Когда я смотрю на какой-либо предмет, я знаю, что это, но стоит мне закрыть глаза, как этот предмет исчезает без следа. Я словно пытаюсь вообразить, как выглядит воздух. Вы, доктор, конечно, можете держать предметы в своем уме, я же совершенно не могу этого делать. У меня возникает ощущение какого-то почернения мысли». Исследуя эту больную, Ферстер показал, что она может в точности описывать предметы по памяти и обладает исключительно высокой чувствительностью к цветам и т. п.

Итак, мы сталкиваемся не с неспособностью к образным представлениям в собственном смысле, а со своего рода отчуждением восприятия. Сенсорные (чувственные) элементы и направленность внимания на объект сами по себе не исчерпывают ни восприятия, ни представления. Существуют определенные сопутствующие качественные характеристики, которые для представления даже более важны, нежели для восприятия, поскольку в связи с образными

представлениями сенсорные элементы постоянно обнаруживают тенденцию к недостаточной интенсивности, неадекватности и расплывчатости; в результате мы, по-видимому, значительно сильнее зависим от этих «сопутствующих» характеристик. Имея в виду возможность их выпадения, мы понимаем больного, утверждающего, что он лишен способности представить себе что бы то ни было.

При обсуждении представлений особое место следует отвести *воспоминаниям*, то есть представлениям, которые являются нашему сознанию как наши собственные прежние восприятия, содержание которых было нами пережито в прошлом и объект которых был реальностью или все еще остается ею. Обманы восприятия дезориентируют нашу способность к суждению; то же относится и к обманам воспоминания. Ниже, при обсуждении теорий памяти, мы увидим, что почти все воспоминания хотя бы слегка искажают действительность и превращаются в смесь правды и фантазии. От искажений памяти необходимо отличать так называемую *галлюцинаторную память* (Кальбаум). Приведем пример.

Больная с прогрессирующей шизофренией сообщает в конце острой фазы параноидного страха: «В течение последних нескольких недель мне внезапно вспомнилось так много случившегося с Эмилем (ее возлюбленным. — К. Я.)... словно кто-то мне об этом рассказал». Она совершенно забыла обо всем этом. Позднее она даже говорила о времени, когда она «внезапно вспомнила так много всякого». Прочитируем ее воспоминания: «Я уверена, что Эмиль меня загипнотизировал, потому что иногда я бывала в таком состоянии, что сама себе дивилась; я становилась на колени на кухонном полу и ела из свиного корытца. Впоследствии он, бравируя, рассказывал обо всем этом своей жене... Однажды я вынуждена была отправиться в свиной хлев. Не знаю, как я туда попала и сколько времени там провела; помню только, как я выходила из хлева на четвереньках... Эмиль также прибил две доски гвоздями друг к другу, и я вынуждена была сказать, что хочу, чтобы меня распяли, после чего вынуждена была лечь лицом вниз... Как-то раз мне почудилось, будто я еду верхом на метле... Как-то раз мне показалось, что Эмиль держит меня в объятиях и дует страшный ветер... Как-то раз я стояла в куче навоза, из которой меня потом вытащили...» Незадолго до того она была вынуждена пойти с Эмилем на прогулку и точно знала, что произошло под фонарем, но не знала, как она попала обратно домой.

Эти распространенные случаи характеризуются тремя критериями²³. Больные уверены, что *то, что приходит им на ум, есть нечто, ими забытое*. Они чувствуют, что в то время их сознание находилось в *аномальном состоянии*: они говорят о наркотическом дурмане, приступах слабости, полусонном состоянии, гипнозе и т. п. Наконец, больные показывают, что они ощущали себя *пассивными орудиями* кого-то или чего-то и не могли с этим ничего поделать; они просто вынуждены были делать то-то и то-то. Способ описания в подобных случаях сам похож на обман воспоминания, но для отдельных случаев удалось показать, что в период, к которому относится обман воспоминания, поведение больного действительно было нарушено (Этикер [Oetiker]).

Итак, феномен обмана воспоминания состоит в следующем: у больного внезапно обнаруживается представление о некогда имевшем место переживании, которое вызывает чувство живой достоверности, свойственное памяти; в действительности, однако, больной не восстанавливает в памяти ничего. Все *творится заново*. Существуют, впрочем, похожие феномены, заключающиеся в *искажении post factum сцен, имевших место в действительности*: так, невин-

²³ Oetiker, Allg. Psychiatr. Z., 54. Ср. случай, описанный Шнайдером: Schneider, Z. Neur., 28, 90. о возможной связи между ложными воспоминаниями и сновидениями см.: Blume, Z. Neur., 42, 206.

ная сцена в гостинице или ресторане, искажаясь, превращается в переживание, испытанное под воздействием гипноза или отравления. Наконец, существуют обманы воспоминания, имеющие как будто нейтральное содержание: больной сообщает, что час назад у него был гость, тогда как в действительности он лежал один в постели. Иногда единственным признаком, позволяющим субъективно отличать такие явления от нормальных искажений памяти, остается их «внезапность»; благодаря последней они производят впечатление первичных, «стихийных» феноменов.

«Внезапное» воспоминание о будто бы «забытом» переживании бывает нелегко отличить от нарастающего просветления памяти о действительном переживании, испытанном в состоянии помраченного сознания. Альтер²⁴ описывает случай высокопоставленного гражданского чиновника, шаг за шагом вспоминая подробности убийства, которое, по его собственному предположению, он некогда совершил на сексуальной почве. Об этом убийстве свидетельствовали некоторые косвенные данные. После смерти этого человека в его бумагах был найден подробный обвинительный акт против самого себя, но ни психопатологические симптомы, ни объективные данные не давали оснований для какого-либо окончательного вывода. Тем не менее явления, описанные Альтером, указывают, что больной действительно пережил все это на собственном опыте. В данном случае имело место постепенное просветление памяти, поддержанное рядом изолированных фактов, которые, возможно, породили соответствующие ассоциации; не было никаких признаков того, что больной ощущал себя пассивным орудием, субъектом чуждого воздействия и т. п.

Другой связанный с ложными воспоминаниями феномен выглядит как *déjà vu* («уже виденное»), ставшее в сознании больного реальностью. Приведем пример.

Больная шизофренией удивляется, что в клинике ей попадаются лица, которые она уже видела несколько недель тому назад у себя дома: например, похожее на ведьму существо, прохаживающееся по ночам по палате в качестве ночной дежурной; она утверждает также, что некоторое время назад видела сестру-хозяйку в Пфорцгейме, причем там она была одета в черное. «Что я пережила только что в саду, когда доктор Г. спросил меня, почему я не работаю... Я уже говорила об этом своей хозяйке четыре недели назад. Его слова меня очень удивили и насмешили, и я спросила, что он имеет в виду». Из разговоров, которые она вела в клинике, становилось ясно, что она думала, будто так было и прежде; во всяком случае, она верила, что и прежде она находилась в больнице для умалишенных²⁵.

Поскольку эти феномены воспринимаются больными как нечто реальное, их следует отличать от явлений собственно *déjà vu*, которые никогда не мыслятся как реальность. Более того, само переживание производит совершенно иное впечатление. Эта уверенность в том, что нечто было уже увидено или пережито прежде, иногда относится только к отдельным аспектам настоящего, иногда же – к ситуации в целом; иногда она появляется лишь на несколько секунд или минут, иногда же сопровождает психическую жизнь на протяжении целых недель. Описываемый феномен нередко встречается при шизофрении.

²⁴ Alter. Ein Fall von Selbstbeschuldigung. – Z. Neur., 15, 470.

²⁵ Другие аналогичные случаи описаны в: Pick, Ftschr. Psychol., 2 (1914), 204 ff.

Приведенные выше примеры галлюцинаторного воспоминания относятся к явлениям того же феноменологического ряда, что и эта последняя особая форма *déjà vu*. Существует группа феноменов, также связанных с искажением прошлого, но не принадлежащих, строго говоря, к обманам воспоминаний и имеющих иные *феноменологические характеристики*.

(а) *Патологическая лживость*. Совершенно фантастические истории о прошлом в конечном счете убеждают в своей правдивости самого рассказчика. Такие фальсификации имеют различный характер: от невинного хвастовства до полного искажения всего прошлого.

(б) *Переистолкование прошлого*. Стоит больному вспомнить какие-то незначительные эпизоды собственного прошлого, как они внезапно приобретают новый смысл: встреча с высокопоставленным офицером указывает на высокое происхождение самого больного и т. п.

(в) *Конфабуляции*. Данный термин используется для обозначения зыбкого ряда мгновенно исчезающих или кратковременных ложных воспоминаний. Конфабуляции могут принимать разнообразные формы. Среди них – конфабуляции в форме заполнения лакун в серьезно ослабленной памяти (например, у сенильных больных). Здесь, как и при некоторых серьезных травмах головы, мы сталкиваемся с продуктивными конфабуляциями как частью синдрома Корсакова. Больные рассказывают длинные истории о происшедших с ними событиях, о своих путешествиях и т. п., тогда как в действительности они провели все это время лежа в постели. Наконец, мы сталкиваемся с фантастическими конфабуляциями, характерными для параноидных процессов. Пример: когда больному было семь лет, он принял участие в большой войне; в Мангейме он увидел бой между многочисленными армиями; у него есть особый орден, полученный им за благородное происхождение; с большой свитой он отправился с визитом в Берлин, чтобы встретиться со своим отцом – кайзером; все это происходило давно; он превратился в льва и т. д. до бесконечности. Один из пациентов называл собственный фантастический мир «романом». На содержание этих конфабуляций может оказывать воздействие и сам исследователь. В результате к жизни иногда вызываются совершенно новые истории. С другой стороны, иногда – например, после травм головы – содержание конфабуляции удерживается без всяких изменений.

(е) Осознание воплощенного физического присутствия

Разбирая обманы восприятия, обманы памяти, псевдогаллюцинации и т. п., мы специально подчеркивали физическую конкретность и наглядность переживаний. Теперь мы можем добавить к этим феноменам еще один; не будучи наглядным, он, однако, навязывает себя не менее энергично. Речь идет о феномене ложного осознания физического присутствия²⁶.

Больной чувствовал, что кто-то постоянно следует за ним или скорее чуть сзади и в стороне от него. Когда больной вставал, этот «некто» также вставал; когда он шел, «некто» шел вместе с ним; когда он оборачивался, «некто» держался за его спиной так, чтобы его невозможно было увидеть. Он всегда был на том же расстоянии, хотя иногда слегка приближался или слегка удалялся. Больной никогда его не видел, не слышал, не прикасался к

²⁶ См. мою статью об осознании воплощенного физического присутствия в: Z. Pathopsychol., 2 (1913).

нему и не ощущал его прикосновения; тем не менее он с исключительной ясностью испытывал чувство чьего-то физического присутствия. Несмотря на всю остроту переживания, а также на то, что он сам время от времени позволял себя обманывать, больной в конечном счете заключил, что за его спиной никого нет.

Сравнивая феномены этого рода со сходными нормальными явлениями (сидя в концертном зале, мы знаем, что за нашей спиной сидит некто, потому что мы только что видели именно его; идя по темной комнате, мы внезапно останавливаемся, думая, что перед нами стена, и т. д.), нужно отметить следующее: хотя в подобных случаях мы как будто *сознаем присутствие чего-то или кого-то*, не основываясь на каких бы то ни было явных, наглядных сенсорных признаках, в действительности мы исходим либо из более давних ощущений, либо из тончайших мгновенных ощущений, которые выявляются при более тщательном исследовании ситуации (таково, например, ощущение изменения характера звучания или изменения плотности атмосферы в случае со стеной и т. п.). Что касается патологического осознания физического присутствия, то здесь переживание появляется как абсолютно первичный феномен, обладающий признаками *настоятельности, несомненности и конкретной воплощенности*. Феномены данного рода мы обозначаем как «осознание воплощенного физического присутствия» – в противоположность другим, также лишенным наглядности случаям, когда способность души осознавать действительность направляется на что-то абстрактное или фантастическое (мысли, иллюзорные представления и т. д.).

Осознание физического присутствия связывается с собственно галлюцинациями через переходные формы:

«Существует нечто такое, что постоянно при мне. Я чувствую и вижу, что на расстоянии трех-четырех метров я окружен стеной; она сделана из какого-то волнистого, враждебного мне вещества, из которого при определенных условиях могут появляться демоны» (Schwab).

Существуют также переходные формы, ведущие к первичным иллюзорным переживаниям: больные чувствуют, что за ними «наблюдает» или «следят», хотя рядом с ними никого нет. Один из пациентов говорил: «Я больше не чувствую себя свободным, особенно от *этой* стены».

§ 2. Переживание пространства и времени

Психологическое и логическое введение. Пространство и время *всегда присутствуют* в области чувственного восприятия. Сами по себе они не являются первичными объектами, но облекают собой всю объективную действительность. Кант называет их «формами созерцания» (Anschauungsformen). Они *всеобщи*. Не существует чувственных восприятий, воспринимаемых объектов или образов, которые были бы свободны от них. Все приходит к нам в пространстве и времени и переживается нами только через эти две категории. Наши чувства не способны преодолеть пространственно-временное переживание бытия; мы ни при каких обстоятельствах не можем от него ускользнуть и всегда ограничены им. Пространство и время не воспринимаются сами по себе – и с этой точки зрения они отличаются от других объектов; но мы воспринимаем их вместе с объектами, и даже в случае восприятий, свободных от каких бы то ни было объектов, мы все равно пребываем во времени. Пространство и время не существуют как вещи «для себя»; даже будучи пусты, они даются нам в связи с объектами, которые их наполняют и ограничивают.

Пространство и время, исконные и ни из чего не выводимые, всегда присутствуют как в аномальной, так и в нормальной психической жизни. *Они никогда не могут исчезнуть*. Модифи-

фицироваться могут только способы, посредством которых эти категории являются восприятию, способы переживания этих категорий, оценки их меры и длительности.

Пространство и время реальны для нас только благодаря своему содержанию. Правда, мы мыслим их пустыми, но мы не имеем возможности наглядно вообразить себе эту пустоту. Будучи *пусты*, они тем не менее обладают *фундаментальными количественными характеристиками*: размерами, гомогенностью, непрерывностью, бесконечностью. Но части, построенные таким образом, являются не частными случаями родовых понятий пространства или времени как таковых, а частями воспринимаемого целого. *Наполненные содержанием*, они немедленно обретают качественное измерение. Будучи неотделимы друг от друга, пространство и время радикально отличаются друг от друга: пространство – это гомогенное многообразие, тогда как время – внепространственная событийность. Пытаясь выразить эти исконные понятия посредством сколько-нибудь точной фразеологии, мы могли бы сказать, что оба они представляют разьединенное бытие сущего: пространство – это бытие «друг рядом с другом», тогда как время – бытие «друг после друга».

Иногда мы можем *выйти* из пространственности и испытать своего рода внутреннее «безобъектное» переживание, но время всегда остается с нами. Можем ли мы вырваться из времени? Мистики отвечают на этот вопрос утвердительно. Вырвавшись из времени, мы переживаем вечность как «остановившееся» время, вечное «сейчас», *nunc stans*. Прошрое и будущее превращаются в озаренное настоящее.

Если пространство и время становятся для нас реальными только благодаря объектам, которые сообщают им содержание, возникает вопрос: что мы можем рассматривать в качестве *сущности* пространства и времени? Их всеобщность некогда казалась достаточным основанием для того, чтобы считать их основанием бытия. Но было бы ошибкой считать пространство и время некими абсолютами бытия как такового, а их переживание – абсолютно фундаментальным переживанием человека вообще. Хотя все сущее для нас – независимо от того, реально оно или символично, – имеет как пространственное, так и временное измерения, мы не должны приписывать пространству и времени то, что хотя и сообщает им содержание и значимость, но не имманентно им как таковым. Все мы осуществляем свою судьбу в пространстве и времени так, что обе эти категории обретаю для нас свою сущность в рамках всеобъемлющего настоящего; и все же как пространство, так и время представляют собой лишь внешний покров событий, все значение которого проистекает из нашей осознанной позиции по отношению к этим категориям. Именно благодаря значению, а не специфическому переживанию категории пространства и времени превращаются в психический язык, в психическую форму, которая не может быть предметом обсуждения, когда разговор идет о пространстве и времени как таковых. В настоящей главе мы имеем дело только с *действительным переживанием пространства и времени*. Совершенно иное дело – когда это переживание, подвергаясь тем или иным изменениям, модифицирует все содержание психической жизни и само модифицируется этим содержанием, тем самым изменяя способ осознания пространства и времени.

Как пространство, так и время существуют для нас в виде *ряда фундаментальных конфигураций* (*Grundgestalten*), общие основы которых не всегда удается непосредственно уловить. В связи с *пространством* мы должны различать, *во-первых*, пространство, которое я воспринимаю как качественную структуру, рассматривая ее с точки зрения моей субъективной ориентации – то есть с точки зрения центра моего тела – в категориях левого и правого, верхнего и нижнего, дальнего и ближнего. Это то пространство, с которым я соприкасаюсь, пока живу и двигаюсь, которое дано моему зрению; это то место, в котором я пребываю. *Во-вторых*, следует различать «объективное» трехмерное пространство, по которому я двигаюсь, которое всегда со мной в качестве пространства моей непосредственной ориентации. Наконец, *в-третьих*, следует различать пространство в теоретическом смысле, включая неевклидово пространство математики – то есть пространство как чисто теоретическое построение. Совершенно иное

дело – какое *значение* я ощущаю в пространственных конфигурациях, в переживании пространства как такового, в пространственных изменениях. Что касается времени, то мы должны различать *переживаемое* время, *объективное* время, измеряемое с помощью часового механизма, *хронологическое* время, *время истории* и время как *историчность человеческой экзистенции*.

С точки зрения психопатологической феноменологии нет смысла принимать все эти философские проблемы в качестве исходного пункта – какими бы значимыми они ни были для самой философии. Важнее осуществить систематическую разработку самих аномальных феноменов, по необходимости обращая внимание на то, могут ли теоретические соображения о пространстве и времени способствовать их лучшему уяснению.

(а) Пространство²⁷

Созерцание пространства (Raumanschauung) может быть оценено количественно, через показатели осуществления способностей; впрочем, даже при наличии нормального переживания пространства такие показатели могут быть весьма несущественны. С другой стороны, пространство как таковое может переживаться совершенно по-иному. Когда это переживание бессознательно, мы можем наблюдать только его внешние проявления, то есть выпадение соответствующих способностей. Когда оно осознанно, больной сам может сопоставить свое нынешнее, измененное переживание пространства с воспоминанием о собственном нормальном переживании или с тем, что все еще остается для него нормальным ощущением пространства.

1. Объекты могут казаться меньше (*микropsия*) или больше (*макрupsия*) своего истинного размера или скошенными, разросшимися только с одной стороны (*дисмегалопсия*). Мы знаем также о двойном и многократном (вплоть до семикратного) видении. Все это бывает при делирии, эпилепсии и острых шизофренических психозах, но может обнаруживаться также при психастении.

Неврозы, обусловленные переутомлением. Буквы и ноты, даже стены и двери нередко кажутся перетрудившемуся студенту маленькими и отдаленными. Комната превращается в длинный коридор. Бывает, что собственные движения кажутся ему огромными по масштабам и безумно быстрыми. Он полагает, что совершает семимильные шаги²⁸.

Цитируемый Бинсвангером Любарш (Lubarsch) сообщает о переживании усталости подростком в возрасте между 11 и 13 годами: «Моя кровать сделалась длиннее и шире, и то же произошло с комнатой, которая вытянулась до бесконечности. Тиканье часов и удары моего сердца звучали как огромные молоты. Пролетающая муха была величиной с воробья».

Больной, у которого подозревают шизофрению, сообщает: «Бывали времена, когда все, что я видел вокруг себя, приобретало гигантские масштабы. Люди казались великанами; все, что было вблизи или вдали меня, казалось увиденным сквозь большой телескоп. Когда я, к примеру, выглядываю наружу, я вижу все словно через полевой бинокль: так много во всем перспективы, глубины и ясности» (Rümke).

2. *Переживание бесконечного пространства* возникает как искажение пространственного переживания в целом.

²⁷ L. Binswanger. Das Raumproblem in der Psychopathologie. – Z. Neur., 145 (1933), 598.

²⁸ Veraguth. Über Mikropsie und Makropsie. – Dtsch. J. Nervenheilk., 24 (1903).

Больной шизофренией сообщает: «Я все еще видел комнату. Пространство казалось вытянутым и уходящим в бесконечность, совершенно пустым. Я чувствовал себя потерянным, заброшенным в бесконечном пространстве, которое, несмотря на всю мою незначительность, каким-то образом мне угрожало. Оно казалось дополнением к моей собственной пустоте... Старое физическое пространство казалось каким-то фантомом этого другого пространства» (Fr. Fischer).

Серко описал чувство бесконечного пространства, возникающее под воздействием мескалина. Глубинное измерение пространства казалось многократно увеличенным. Стена отодвигалась, и пространство проникало повсюду.

3. Подобно содержанию восприятий, оценка пространства также приобретает *эмоционально-чувственный характер*. Л. Бинсвангер называет это *эмоционально окрашенным пространством* (gestimmte Raum). Пространство может быть как бы одушевлено – подобно тому как может существовать угрожающая или благоприятствующая действительность. Даже в приведенных выше примерах трудно отличить изменения восприятия в собственном смысле от сдвигов, затрагивающих эмоциональные компоненты восприятия, – притом что с концептуальной точки зрения такое различие очень существенно.

Страдающий шизофренией пациент Карла Шнайдера говорил: «Я вижу все словно сквозь телескоп, уменьшенным и на очень большом расстоянии, но уменьшенным не столько в действительности, сколько в духовном смысле... не связанным ни со мной, ни с чем-то иным. Цвета – тусклые, так же как и значения. Все где-то далеко, но это преимущественно духовная отдаленность».

В этом описании сдвиги восприятия по своей сути уже являются безусловно эмоционально-чувственными изменениями. В следующих примерах шизофренического переживания факт переживания реальности кажется выступающим на передний план, хотя восприятие, возможно, изменено и само по себе.

Больной шизофренией сообщает: «Внезапно пейзаж был словно отодвинут от меня какой-то чуждой силой. Мне показалось, что внутренним взором я вижу под бледно-голубым вечерним небом второе, черное небо, внушающее ужас своим величием. Все стало беспредельным, всеохватывающим... Я знал, что осенний пейзаж пропитало другое пространство – тончайшее, невидимое (хотя и черное), пустое и призрачное. Иногда одно из пространств приходило в движение; иногда оба пространства смешивались... Неверно было бы говорить только о пространстве, ибо что-то происходило во мне самом; это были нескончаемые вопросы, обращенные ко мне» (Fr. Fischer).

Другой больной шизофренией сообщает, что, глядя на предметы, он то и дело замечает какие-то пустоты: «Воздух все еще там, между вещами, но самих вещей нет».

Еще один больной говорит, что он видит только пространство между вещами; сами вещи в некоторой степени тоже присутствуют, но их не очень-то видно; бросается в глаза совершенно пустое пространство (Fr. Fischer).

(б) Время

Предварительные замечания. Следует различать следующие понятия:

1. *Знание времени.* Оно относится к объективному времени и способности оценивать – верно или неверно – интервалы времени. Оно относится также к истинным, ложным или иллюзорным представлениям о природе времени. Например, один больной говорит, что его голова – часы, что он создает время; другой больной говорит: «Новое время будет создано вследствие вращения черно-белой ручки машины» (Fr. Fischer).

2. *Переживание времени.* Субъективное переживание времени – это не оценка отдельного, определенного промежутка времени, а полное осознание времени, по отношению к которому способность оценивать временной промежуток является лишь одной из множества характеристик.

3. *Отношение ко времени.* Каждый человек должен каким-то образом выражать свое отношение к фундаментальному временному фактору. Мы умеем или не умеем ждать и принимать решения; нам приходится выражать свое отношение ко времени в контексте общего осознания прошлой жизни и бытия в целом.

Знание времени входит в сферу психологии осуществления способностей (Leistungspsychologie), *отношение ко времени* – в сферу понимающей психологии (verstehende Psychologie); здесь мы рассмотрим только *переживание времени*. Мы только описываем феномены, не пытаясь их объяснить или понять.

К трем упомянутым направлениям исследования следует добавить биологическую проблему, обусловленную *временной природой жизни*, в том числе психической жизни. Каждая жизнь – будь то жизнь поденки или человека – имеет собственное, присущее только ей время; каждая жизнь протекает в определенном промежутке времени, в соответствии с определенной конфигурацией и периодичностью. Это жизненное время есть объективное, биологическое и качественно дифференцированное время. Время всегда играет роль в физиологических событиях (в качестве примера можно привести выброс гормонов, с которого начинается половое созревание). Время играет роль также во всех формах регуляции – не только в чисто химических формах, интенсивность которых варьирует в зависимости от температуры и других факторов, но и в таких формах, которые выказывают ритмическую организацию благодаря совместному действию стимулов, гармонически упорядоченных в своих временных взаимосвязях. Наконец, время неотделимо от того необычайного «внутреннего чувства времени», благодаря которому удастся точно определять любой промежуток (например, во сне, если человек решил проснуться в определенный час, или после гипнотического внушения)²⁹.

Реальное существование этого жизненного времени порождает определенные *вопросы*. Действительно ли протекающие во времени *события*, имеющие свои биологические характеристики для каждого отдельного вида, выказывают также и внутривидовые различия в том, что касается их силы, интенсивности, возрастания или уменьшения скорости? Могут ли расстройства затрагивать протекающие во времени события в их целостности, а не только составляющие их факторы? Является ли наше переживание

²⁹ См.: Ehrenwald, Z. Neur., 134, 512, где сообщается о двух случаях синдрома Корсакова, когда чувство времени было серьезно нарушено; но автору удалось путем гипнотического внушения заставить пациентов просыпаться в определенное время, соблюдая при этом достаточно высокую меру точности: осознанное ощущение времени было утрачено, но первоначальное, бессознательное ощущение, судя по всему, сохранилось.

времени переживанием событий как таковых? Подвергается ли оно искажению при нарушении нормального хода этих событий? Какой тип восприятия подразумевается нашим переживанием времени? Являются ли предметом нашего восприятия объективные, повседневные события и вещи или жизненно важные события нашей телесной жизни? Воспринимаем ли мы нечто конкретное или нечто такое, что в основе своей идентично нам самим, или и то и другое вместе? Мы можем задавать себе все эти вопросы, но мы все еще не находим на них ответов. Кэррелл (Carrell) лишь слегка касается разгадки, когда пишет: «Время свидетельствует о себе в тканях нашего тела. Возможно, этим объясняется не поддающееся определению, глубоко укорененное в нашем существе ощущение потока тихих вод, на поверхности которого наше сознание колеблется подобно прожекторам на поверхности широкой темной реки. Мы понимаем, что изменяемся, что состояние нашего “Я” сейчас уже не то, что прежде, и в то же время мы осознаем собственную идентичность». Мы не в состоянии объяснить наше переживание времени или вывести его из чего-то иного; мы можем лишь описать его. Мы не можем уклониться от вопроса о причинах аномального переживания времени, но у нас все еще нет доказательных ответов.

При обсуждении феноменов, связанных с переживанием времени, для нас существенны следующие моменты. *Знание времени* (и фактическая ориентация во времени) основывается на переживании времени, но не идентично переживанию времени как таковому. *Переживание времени* в качестве основы предполагает осознание константности бытия; без этого невозможно осознание преходящего времени. Осознание преходящего времени – это *переживание фундаментальной непрерывности* (по Бергсону – «дления» [durée], по Минковскому [Minkowski] – «проживаемого времени» [temps vécu]). Переживание времени – это еще и переживание *целенаправленности*, продвижения вперед, при котором осознание настоящего предстает как реальность между прошлым (памятью) и будущим (планом, заранее намеченной схемой дальнейших действий). Наконец, для нас реально *переживание во времени того, что пребывает вне времени*, то есть переживание бытия как вечного настоящего, трансцендентного всему становящемуся³⁰.

(1) *Осознание течения времени в данный момент*. В норме переживание течения времени в каждый момент естественным образом варьирует. Интересные и разнообразные занятия внушают нам представление о том, что время течет очень быстро, тогда как отсутствие событий и ожидание заставляют нас почувствовать, насколько медленно оно тянется, и чаще всего (хотя и не всегда) порождают ощущение скуки. Душевнобольные годами ничего не делают, не испытывая при этом никаких признаков скуки. Усталые, изнуренные люди могут испытывать внутреннюю опустошенность без всякой скуки. Все эти отклонения совершенно понятны, но существуют и такие аномальные переживания хода времени, которые недоступны пониманию образом проистекают из элементарных витальных событий; такое встречается при припадках, психозах и отравлениях.

³⁰ В связи с аномальным переживанием времени см.: E. Straus, Mschr. Psychiatr., 68, 240; v. Gebattel, Nervenarzt, 1, 275. См. также: Roggenbau. Die Störungen des Werdens und Zeiterlebens (Stuttgart, 1939); Fr. Fischer, Z. Neur., 121, 544; 132, 241; G. Kloos, Nervenarzt, 11 (1938), 225 (о расстройствах переживания времени при эндогенной депрессии).

(аа) *Ускорение или замедление хода времени*. Клин³¹ сообщает о подростке, страдающем приступами, во время которых он каждый раз в страхе бежит к матери со словами:

«Это начинается опять, мама, что это? Опять все задвигалось так быстро. Я говорю быстрее? Или ты говоришь быстрее?» Ему также кажется, что люди на улице начинают идти быстрее.

Во время мескалинового отравления Серко испытал ощущение, будто непосредственное будущее хаотически рвется вперед:

«Поначалу испытываешь особенное чувство, будто ты потерял контроль над временем, будто оно ускользает у тебя между пальцев, будто ты больше не можешь удержаться в настоящем, чтобы прожить его; ты пытаешься зацепиться за него, но оно уплывает от тебя и устремляется вдаль...»

(бб) *Утраченное осознание времени*. Пока в человеке сохраняется хотя бы минимум сознания, ощущение времени не может быть утрачено полностью, но оно может быть сведено к минимуму. Например, больные, находящиеся в состоянии крайней усталости и изнурения, могут говорить, что они уже совершенно не чувствуют времени. Утрата активности сопровождается потерей осознания хода времени.

Во время мескалинового отравления хаотическая гонка моментов времени идет с огромной скоростью, и, когда отравление достигает своего пика, время исчезает вообще. Серко: «Особенно когда наступает наплыв галлюцинаций, вы испытываете ощущение, будто плывете в безбрежном потоке времени, неизвестно куда и неизвестно как... Вы должны делать над собой немалые усилия, дабы вырваться из этого состояния и попытаться активно оценить, что же происходит со временем, ради того, чтобы хотя бы на мгновение избежать хаотического потока времени; но это удастся сделать только на мгновение, ибо стоит вам расслабиться, как безграничное время возвращается вновь». Как поясняет Берингер, это жизнь, сосредоточенная «только в данном мгновении, без прошлого и будущего».

(вв) *Утрата реальности переживания времени*. Осознание времени находится в исконной связи с чувством непосредственного присутствия или отсутствия, с чувством реальности. С исчезновением чувства времени исчезает настоящее, а вместе с ним и действительность. Действительность ощущается нами только как нечто непосредственное и быстро преходящее; вместе с тем мы чувствуем присутствие вневременного Ничто. Некоторые больные, страдающие психастенией или депрессией, описывают свои переживания следующим образом: «Кажется, что одно и то же мгновение установилось навечно; это похоже на вневременную пустоту». Они уже не живут в своем времени – притом что в каком-то смысле сами про это знают.

Женщине, страдающей депрессией, кажется, что время не хочет идти вперед. Это переживание по своему характеру менее элементарно, нежели описанные выше случаи, но в самом ощущении неразрывно связанных между собой времени и «Я» есть нечто элементарное: «Стрелки часов движутся вяло, часы тикают впустую... Это потерянные часы тех лет, когда я не могла работать». Время течет вспять. Больная видит, что стрелки движутся вперед, но для нее действительное время не идет вместе с ними, а стоит на месте: «Мир – это единое целое и не может двигаться ни вперед, ни назад; это внушает мне серьезную тревогу. Время для меня потеряно, а стрелки часов так легки». После выздоровления, мысленно оглядываясь в прошлое, она говорит:

³¹ Klien, Z. Psychopath., 3 (1917), 307.

«Мне кажется, что январь и февраль минули, как какой-то кусок пустоты, совершенного Ничто; мне не верится, что они вообще были. Когда я все работала и работала и ничего из этого не выходило, у меня возникло чувство, будто все у нас пошло вспять и мне не дано ничего довести до конца» (Kloos).

(22) *Переживание остановившегося времени*. Больная шизофренией сообщает:

«Я внезапно ощутила нечто странное: мои руки и ноги словно разбухли. Голову пронзила страшная боль, и время остановилось. Тогда же на меня с невероятной силой навалилось ощущение жизненной важности этого момента. Потом время вновь потекло как обычно, но остановившееся время продолжало стоять как ворота» (Fr. Fischer).

(2) *Осознание только что завершившегося промежутка времени*. Понятно, что день, прошедший в тяжелом труде и изобиловавший разнообразными событиями, ретроспективно осознается нами как долгий, тогда как пустой, медленно тянувшийся день – как короткий. Чем живее наша память о прошедших событиях, тем короче кажется отделяющий нас от них промежуток времени; с другой стороны, промежуток времени кажется тем более долгим, чем насыщеннее он разнообразными переживаниями. Но есть и иной способ вызывать в воспоминании пережитое время – способ, имеющий совсем иную природу и содержащий в своей основе нечто новое и вместе с тем исконное.

После острого и богатого переживаниями психоза больной паранойей сообщает: «В моей памяти это время – по обычному счету не превышающее трех-четырех месяцев – запечатлелось как огромный промежуток, словно каждая ночь длилась столетия».

Во время отравления мескалином Серко преувеличенно оценивал временные объемы: «время казалось растянувшимся до бесконечности»; «переживания последнего времени казались относящимися к далекому прошлому».

Известны сообщения о потрясающем богатстве переживаний, сконцентрированном в считанных секундах, – например, в момент аварии или во сне. Цитируемый Винтерштайном (Winterstein) французский исследователь сновидений сообщает: «Ему снился террор эпохи Революции, ему снились убийства, трибуналы, обвинительные приговоры, дорога к гильотине, сама гильотина; почувствовав, как его голова отделяется от тела, он проснулся. С изголовья кровати упало наверх и ударило его по затылку... Конец сна стал его истоком».

Аутентичность подобных сообщений несомненна. Но то, что в нашей памяти присутствует в виде связной последовательности событий, вовсе не было пережито нами в течение какой-нибудь секунды именно как связная последовательность событий. Здесь речь должна идти скорее о согласованном акте интенсивного мгновенного представления, при котором в единое целое собирается все то, что наша память затем интерпретирует как растянутый во времени ряд.

Больные психастенией и шизофренией сообщают об экстатических переживаниях, длящихся на самом деле считанные минуты, но оставляющих впечатление «вечных».

В эпилептической ауре секунда переживается как бесконечность или вечность (Достоевский).

(3) *Осознание настоящего в соотношении с прошлым и будущим*. Описан целый ряд примечательных и весьма многообразных феноменов:

(аа) *Déjà vu; jamais vu* («уже виденное»; «никогда не виденное»). Больных внезапно охватывает ощущение, будто все, что они видят в данный момент, они уже видели в точности таким же, как теперь. Данный момент во всех подробностях был пережит когда-то в прошлом. Предметы, люди, положения и движения, слова, даже интонации голоса – все это удивительно знакомо, все было в прошлом таким же. Соответственно, *jamais vu* состоит в ощущении, будто все предстает взгляду впервые, все на удивление незнакомо, ново и непонятно.

(бб) *Прерывность времени*. Больной шизофренией рассказывает, что он упал с неба между двумя соседними моментами времени, что время кажется ему пустым, что ощущение течения времени утрачено (Минковски [Minkowski]); пациент Боумана (Boumann; цит. по Корсакову) внезапно, во время переезда из одного заведения в другое, почувствовал себя перенесенным на новое место без какой бы то ни было затраты времени, словно между двумя крайними моментами перемещения не было ни малейшего промежутка.

(вв) *Месяцы и годы летят с огромной скоростью*. «Мир пустился вскачь, и стоит наступить осени, как весна уже тут как тут. В прежние времена не бывало таких скоростей» (больная шизофренией, цит. по Фишеру [Fr. Fischer]).

(гг) *«Сжатие» прошлого*. Пациенту Боумана казалось, что прошедшие двадцать девять лет длились на самом деле четыре года; соответственно, меньшие промежутки времени внутри этого периода также сократились.

(4) *Осознание будущего*. Будущее исчезает.

Больная, страдающая депрессией, испытывающая мучительное чувство «страшной опустошенности» и «чувство бесчувствия», сообщает: «Я не могу видеть будущее, словно его и нет вовсе. Мне кажется, что все вот-вот остановится и завтра уже ничего не будет». Больные знают, что завтра наступит еще один день, но это сознание изменилось по сравнению с тем, что было прежде. Даже наступление последующих пяти минут уже не кажется чем-то само собой разумеющимся. Больные, о которых идет речь, не принимают решений, не беспокоятся о будущем, не питают надежд на будущее. Кроме того, они утратили чувство прошедших промежутков времени. «Я знаю точное число лет, но не могу по-настоящему оценить их длительность» (Kloos).

Речь идет вовсе не об элементарном переживании времени. Изменения в эмоциональной атмосфере, сопровождающей восприятие и осознание больным предметов окружающего мира, заметны также и в том, как этот больной переживает время. Утрачивается ощущение непосредственного содержания. Предметы присутствуют, как обычно, но больной может лишь узнавать, но не чувствовать их; в итоге будущее исчезает, подобно всему остальному. Представление о времени, верное знание времени сохранилось, но действительного переживания времени больше нет.

(5) *Шизофреническое переживание остановившегося времени, времени, «втекающего» в другое время, и обрушившегося времени*. Больные шизофренией сообщают, что иногда во время коротких приступов у них случаются примечательные, элементарные, но одновременно в каком-то смысле многозначительные переживания, остро воздействующие на чувства и странные до сверхъестественности. Насколько можно судить по сообщениям, эти переживания представляют собой своего рода трансформации переживания времени.

Больной шизофренией описывает один из своих приступов: «Вчера я посмотрел на часы... Мне показалось, что меня отбросили назад, что на меня словно надвинулось что-то из прошлого... Мне показалось, что в 11:30 снова стало 11 часов, но вспять пошло не только время, но и то, что случилось

со мной в течение этого времени. Внезапно оказалось, что уже не просто 11 часов, но еще и значительно более давнее время... Дойдя до середины этого промежутка времени, я вернулся из прошлого обратно к себе. Это было ужасно. Я подумал, что, возможно, часы переведены назад: служители сыграли глупую шутку... Затем я испытал страшное предчувствие, что меня могут *затащить в прошлое*... Игра со временем была такой жуткой... Казалось, что забрезжило какое-то чуждое время. Все смешалось со всем, и я, содрогаясь, сказал себе: «Я должен все это остановить...» Затем наступил второй завтрак, и все стало как обычно» (Fr. Fischer).

Больная шизофренией говорит: «Настоящего больше нет, есть только ссылки на прошлое. Будущее уменьшается в размерах, сморщивается; *прошлое* так назойливо, оно окутывает меня, оно *тянет меня назад*. Я подобна машине, которая стоит на месте и работает. Она работает на полную мощность, но все равно стоит на месте... Я живу значительно быстрее, чем прежде. Все дело в контакте со старыми вещами. Я чувствую, что он меня поддерживает. Я позволяю себя увлечь, чтобы хоть кто-то достиг конца и для него наступил мир... Если бы я продолжала сохранять эту скорость, меня бы тут же смело... Время охотится за мной и алчно пожирает само себя, а я нахожусь в середине всего этого» (Fr. Fischer).

Другая больная шизофренией описывает мучительную смесь опустошенности, несуществования, остановившегося времени и возвращения прошлого: «Жизнь теперь – это движущийся конвейер, на котором ничего нет. Он движется, но не меняется... Я не думала, что смерть выглядит именно так... Я теперь живу в вечности... Снаружи все идет своим чередом, листья шевелятся, другие люди ходят по палате, но для меня время остановилось... Иногда, когда они бегают взад и вперед по саду и ветер сдувает листья, *я тоже хочу побегать, чтобы время вновь двинулось вперед*, но останавливаюсь как вкопанная... Время стоит... Человек трепещет между прошлым и будущим... Это мучительное, тоскливое, бесконечное время... Было бы чудесно начать все сначала и *взлететь вместе с настоящим временем*, но у меня не получается... *Меня оттащило назад*, но куда? Туда, откуда это приходит, где это было прежде... Это уходит в прошлое... Это так неуловимо. Время ускользает в прошлое... Стены, которые раньше стояли прочно, теперь упали... Знаю ли я, где нахожусь? о да, но самое ускользающее – это то, что время не существует, и как его можно уловить? Время обвалилось» (Fr. Fischer).

Больной шизофренией описывает случившийся с ним приступ: «Вечером, гуляя по оживленной улице, я вдруг испытал тошноту... Затем перед моими глазами вынырнул небольшой лоскуток, не крупнее ладони. Он светился изнутри, было видно переплетение темных нитей... Фактура ткани стала видна яснее... Мне показалось, что меня туда затянуло. Это было действительно *взаимодействие движений*, заменившее мою собственную личность. *Времени стало недоставать*, время остановилось – нет, скорее время появилось вновь, так же, как раньше исчезло. *Это новое время* было бесконечно многообразно и запутано, и вряд ли его можно сравнивать с тем, что мы обычно называем временем. Внезапно меня осенила мысль, что время лежит не передо мной и не за мной, но со всех сторон. Я могу видеть его, разглядывая игру цветов... Но скоро я забыл об этом расстройстве».

Тот же больной сообщает: «Мысль остановилась, все остановилось, *словно времени не стало*. Я показался себе вневременным творением, чистым

и прозрачным, словно я мог проникать взглядом внутрь себя, до самого дна... В то же время я слышал тихую музыку, доносившуюся откуда-то издали, и видел скульптуры, освещенные мягким светом. Все это находилось в непрекращающемся движении, очень непохожем на мое собственное состояние. Эти отдаленные движения были словно “фольгой”, фоном для моего состояния».

Еще одно переживание того же больного: «Я оказался *отрезан от собственного прошлого*, словно оно никогда не было таким полным теней, словно жизнь только начиналась. Затем прошлое повернулось кругом, *все перемешалось* недоступным пониманию образом. Все сморщилось, сваялось, сжалось, подобно обвалившейся деревянной хижине или картине, которая вдруг утратила перспективу и превратилась в плоское, двумерное изображение, на котором все ссыпалось в одну кучу» (Fr. Fischer).

(в) Движение

Восприятие движения предполагает одновременное восприятие пространства и времени. Расстройства восприятия движения – это в основном функциональные расстройства, обусловленные неврологическими повреждениями. В нашем описании аномального переживания времени уже содержалось описание аномального переживания движения: речь идет, в частности, о прерывности, когда движение не воспринимается, а предмет или лицо находится вначале в одном месте, а затем оказывается в другом без прохождения времени. Известны также случаи ускорения или замедления видимого движения и т. д.

Неподвижные предметы могут восприниматься как движущиеся.

Под воздействием скополамина: «Я внезапно увидел, как ручка с пером, словно окруженная каким-то облачком тумана, поползла ко мне, совершая изящные волнистые движения, подобно гусенице. Мне показалось, что она приблизилась. Одновременно я осознал, что расстояние между ее ближним ко мне концом и границей сукна, покрывавшего письменный стол, ничуть не уменьшилось» (Mannheim, цит. по: C. Schneider, Z. Neur., 131).

§ 3. Осознание собственного тела

Психологическое введение. Я осознаю собственное тело как собственное бытие; я также вижу и осязаю его. Тело – это единственная часть мира, которую можно чувствовать изнутри; в то же время его поверхность доступна внешнему восприятию. Тело для меня – объект; сам я также являюсь этим телом. Конечно, существует различие между моим ощущением себя как тела и моим восприятием себя как объекта, но оба ощущения неразрывно взаимосвязаны. Восприятие тела как объекта, который строит себя для меня, и ощущение состояния собственной «телесности» одинаковы и неразделимы, но их возможно различать: *чувственные ощущения* переходят в *осознание физического состояния*. Осознание существования нашего тела – в норме представляющее собой незаметный, нейтральный фон для сознания и не оказывающее никакого влияния на его деятельность – в целом подвержено разнообразным необычным изменениям: половое возбуждение, страх или боль настолько глубоко затрагивают телесную природу человека, что способны полностью поглотить личность и либо побудить ее к активным усилиям, либо уничтожить ее.

Наше тело становится для нас *объектом*, поскольку мы осознаем, что оно следует каждому нашему движению не как ясно очерченный посторонний предмет, но как наше интуитивное представление о собственной трехмерности. Этот феномен был прояснен Хедом (*Head*) и Шильдером (*Schilder*)³². Согласно Хеду, пространственные впечатления – кинестезические, тактильные, зрительные – конструируют организованные модели нас самих; для обозначения этих моделей предложен термин *схема тела*. То, как мы реагируем на физические ощущения, как мы осуществляем движения, поддерживается благодаря связи, существующей между нашими ощущениями и движениями и предшествующими им впечатлениями, неосознанно присутствующими в схеме нашего тела.

Осознание нашего физического состояния (нашей «телесности») и пространственная «схема тела» вместе составляют целое, которое Вернике обозначил термином *соматопсихика*. Осознание телесности должно анализироваться с точки зрения физиологии, исходя из специфических чувственных восприятий, которые составляют его основу. В осознании телесности определенную роль играют все чувства; при этом роль зрения и слуха наименее существенна – за исключением случаев, когда внешнее содержание сопровождается интенсивными стимулами, порождающими физические ощущения. Вкус и обоняние играют более значительную роль. Еще важнее роль физических ощущений, которые распределяются по следующим трем группам: поверхностные ощущения (ощущение температуры, влажности, тактильные ощущения и т. д.), ощущения, относящиеся к движению и положению тела в пространстве (кинестезические, вестибулярные), ощущения, указывающие на состояние внутренних органов. Физиологическая основа всех этих ощущений кроется в нервных окончаниях, хорошо изученных с гистологической точки зрения. Возможно, приведенный перечень отнюдь не исчерпывает всего многообразия наших ощущений.

Осознание телесности подлежит *феноменологическому* объяснению через связь с нашим переживанием тела как целого. *Тесная связь между телом и сознанием «Я»* лучше всего проявляется в опыте мышечной деятельности и движения, несколько хуже – в ощущениях, источником которых служат сердце и система кровообращения, еще хуже – в вегетативных изменениях. Специфическое чувство физического существования проистекает из следующих моментов: движение и осанка, форма, легкость и изящество или, наоборот, тяжеловесность и неуклюжесть наших движений, впечатление, которое, как нам кажется, наше физическое присутствие производит на окружающих, наша общая слабость или сила, изменения в состоянии наших чувств. Все перечисленное – это моменты нашей *витальной личности*. Пределы, в которых мы ощущаем свою *единственность*, равно как и устанавливаем *расстояние* между собой и своим телом, изменчивы. Расстояние достигает максимума при медицинском самонаблюдении, когда мы видим в собственных страданиях только симптомы и рассматриваем собственное тело как некий чуждый объект, состоящий из одних только анатомических фактов, или как внешнюю оболочку, совершенно отличную от нас самих – то есть ни в коей мере не идентичную нам, хотя и находящуюся с нами в неразрывном единстве.

³² Paul Schilder. Das Körperschema. Ein Beitrag zur Lehre vom Bewußtsein des eigenen Körpers (Berlin, 1923).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.